

МИХАИЛ ГУБОГЛО

Э Н Е Р Г И Я   П А М Я Т И

**О роли творческой интеллигенции в
восстановлении исторической памяти**

Москва 1992

Центр по изучению межнациональных отношений РАН

Ассоциация

"Педагоги за национальное возрождение,
развитие и сотрудничество народов."

МИХАИЛ ГУБОГЛО

ЭНЕРГИЯ ПАМЯТИ

О роли творческой интеллигенции в
восстановлении исторической памяти

В помощь учителям
литературы и истории

Ответственный редактор
С.К.Бондырева

Москва 1992

Печатается по заказу
Ассоциации "Педагоги за
национальное возрождение,
развитие и сотрудничество
народов."

В книге М.Н.Губогло делается попытка сформулировать ряд вопросов о месте, роли и значении исторической памяти народов в современных национальных движениях. Предлагая читателю новое идеологически растабуированное прочтение ряда художественных произведений, и в первую очередь, романа Чингиза Айтматова "И дольше века длится день", автор обнаруживает ощутимое стремление осмыслить вклад литературно-художественной интеллигенции в обновление этнополитической ситуации на нынешнем, непростом пути народов к союзу суверенных государств.

Как педагог, я надеюсь, что предложенный им подход окажется привлекательным для учителей истории и литературы в их повседневной деятельности, в том числе, в укреплении межпредметных связей при изложении истории через призму художественных произведений, и при изучении литературы в зеркале исторического процесса.

Светлана Бондырева.

(с) М.Н.Губогло, 1992

Оглавление.

1. Память как непрерывная связь поколений	4
2. Прости им, ибо не знают, что делают... или наступление на память	7
3. Контрнаступление ... или борьба за память	13
4. Воскресение памяти... или национальная проблематика в системе ассоциаций романа "И дольше века длится день"	25
5. Освобождение памяти... или о судьбе исторической личности	27
6. Память и беспамятство родной земли	35
7. Вулканы памяти... или социальные и экологические беды нашего времени	40
8. Вначале было слово... или о роли языка в национальном возрождении	45
9. Обретение памяти... или о месте религии в воспроизводстве этничности	54
10. Трагический колодец памяти... или о беспамятстве личности	63
11. Противостояние этноциду... или неисчерпаемые ресурсы памяти	66
12. Промахи в раскрепощении памяти	78
13. От художественного творчества к политической деятельности	93
14. Мобилизация памяти... или о положении русского и русскоязычного населения в ближайшем зарубежье	112
15. Вместо заключения	122
Список литературы	123

"Род проходит, и род приходит,
а земля пребывает во веки.
Восходит солнце, и заходит солнце,
и спешит к месту своему, где оно
восходит.

Идет ветер к югу, и переходит к
северу, кружится, кружится на хо-
ду своем, и возвращается ветер на
круги свои.

Все реки текут в море, но море не
переполняется; к тому месту, от-
куда реки текут, они возвраща-
ются, чтобы опять течь...

Что было, то и будет; и что дела-
лось, то и будет делаться, и нет
ничего нового под солнцем.

Бывает нечто, о чем говорят :
"смотри, вот это новое", но это
было уже в веках, бывших прежде
нас.

Нет памяти о прежнем; да и о том,
что будет, не останется памяти у
тех, которые будут после..."

Книга Екклесиаста, Библия, М, 1989,
с. 666.

1. Непрерывная связь поколений.

Еще на рубеже XI - XII веков Владимир Мономах в своем "Поучении" удивлялся поразительной родовой памяти птиц, позволяющей новым поколениям преодолевать огромные расстояния и безошибочно отыскивать традиционные места своего обитания. Феномен памяти, в т.ч. памяти, побуждающей птиц искать и находить постоянные зимовья и летовья всегда в одних и тех же местах, а также памяти, дающей народам ощущение исконности земли обитания, как бы не менялся облик этой земли и облик населяющих ее народов, продолжает волновать мыс-

лителей нашего времени.

Академик Д. С. Лихачев - один из них. Ему, в частности, принадлежит фундаментальная идея о том, что раскрыть этничность (на примере русскости) можно только через понимание памяти, ее места и роли в формировании и сохранении национальной самобытности народа. Не случайно свою книгу, адресованную молодежи, он начал словами о памяти: "Очень мало у нас делается для того, чтобы рассказать широкому читателю о наших "корнях"... Мы не знаем о себе самых простых вещей" (1)

Лишение памяти о прошлом равносильно смерти. "Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек - носитель прошлого и носитель национального характера", - это снова Д.С. Лихачев. А вот ассоциированное с этой мыслью объяснение Василия Белова, автора книги "Лад" - энциклопедии традиционного образа жизни русского крестьянства: "Беречь надо память. Для памяти и пишу... Вне памяти, вне традиций, истории и культуры, на мой взгляд, - нет и личности. Память формирует духовную крепость человека" (2)

Свое выступление на V съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (г.Горький, июль 1987) В.Г. Распутин начал с определения памяти, которая по его мнению представляет собой скрепляющую и охранительную силу, направленную на раскрытие и расцвет народных возможностей. И нет почвы более плодотворной, чем национальная память, если понимать ее как "ощутительную, непрерывную связь поколений, живущих с поколениями прошлого и будущего"(3).

Лишение памяти, - манкуртизация, - самая страшная кара для отдельного человека и для целого народа. Одним из самых жестоких преступлений против человечности Чингиз Айтматов считает варварское изобретение кочевых средневековых жуаньжуаней, позволявшее им отнимать у пленников их память, тем самым лишая человека его сути и превращая его в беспмятного раба-манкурта.

"Можно отнять землю, можно отнять богатство, можно отнять и жизнь, - причитает Найман-Ана, мать живого сына, превращенного в беспмятного манкурта, - но кто придумал, кто смеет покушаться на память человека?! О господи, если ты есть, как внушил ты такое людям? Разве мало зла на земле и без того?" (4)

Когда корпус под командованием генерала А.П.Кутепова в соста-

ве Русской армии П.Н. Врангеля высадился с кораблей в маленьком турецком городке Галлиполи, казалось, что разрозненным, измученным духовно и физически, изнуренным и выброшенным зимой на пустынный берег разбитого городка русским воинам нет никакого дела до памяти, памяти о покинутой родине, памяти о солдатах русской армии, памяти о павших за честь любимой России. Впрочем, когда французы потребовали сдать оружие, в ответ слышали, что только после боя, если бой с французами будет проигран. Более того, генералу А.П. Кутепову удалось мобилизовать обреченных людей, вселить в них надежду на победоносное возвращение, и армия возродилась.

И жарким июльским днем 1921 года, когда в торжественной обстановке в Галлиполи открывался памятник, каждый из русской армии принес на место памятника камень, который ему под силу было поднять, и из 24 тысяч камней сложился курган, на котором установили, как на шапке Мономаха, мраморный крест. На переднем фасае – Русский государственный герб, двуглавый орел, а под ним на мраморной доске надпись на русском, французском, турецком и греческом языках: "Упокой, Господи, души усопших. - 1-ый корпус Русской армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь родины нашедшим вечный покой".(5) Память нужна была не усопшим, а тем, кто остался в живых. Память и воля к жизни оказались нерасторжимыми. Память стала продолжением жизни, ее неотъемлемой частью.

Четверть века дрались горцы во главе с легендарным Шамилем за национальную независимость. За двадцать пять лет борьбы изменился не только внешний облик Дагестана, но даже названия мест и рек. "Авар-Косу, - вспоминает Расул Гамзатов, стала называться Кара-Койсу, то есть Черной рекой. Появились Раненые скалы, Ущелье смерти, прославилась река Валерик, остались в народной памяти тропа Шамиля, дорога Шамиля, танец Шамиля." (6)

Когда князь Барятинский пытался внушить плененному Шамилю мысль о напрасных жертвах, о бесполезности его борьбы, Шамиль ответил ему: "Нет, не напрасны. Память о ней сохранится в народе. Многих противников моя борьба делала братьями, многие враждовавшие между собой аулы она объединила, многие народы Дагестана, враждовавшие между собой и твердившие "мой народ", "моя нация", она слила в единый Дагестанский народ. Чувство Родины, чувство единого Дагестана я завоевал и оставляю своим потомкам. Разве этого мало?"(7).

2. " Прости им, ибо не знают, что делают" ... или наступление на память.

Важным условием существования и развития любой культуры является оптимальное сочетание в ней преемственности и инноваций. И если деформируется соотношение между этими двумя составляющими, если нарушается баланс, то культуре угрожает размывание, исчезновение, бесплодие, тупиковое или застойное топтание на месте.

Именно последнее грозило иметь место для многих национальных культур, пока не грянула перестройка. Тупиковый путь был предопределен внедрением идеологии приоритета классового фактора над общечеловеческим и над национальным факторами. В итоге культура лишалась важнейшего катализатора своего развития: вечного диалога прошлого с настоящим. А между тем, спор между настоящим и прошлым представляет собой поиск будущего. Вывод очевиден: лишая себя прошлого, мы лишаем себя и своего будущего.

Метаастазы этой болезни в 70-80-е годы поразили глубокие слои наших национальных культур и в первую очередь культур народов нетитульных (не имеющих своей национально-государственной или национально-территориальной автономии) и малочисленных. Приведу только один пример из результатов опроса общественного мнения, организованного и проведенного социологами три года тому назад - в декабре 1989 года. Согласно итогам опроса, лишь 8,0% советских людей испытывают чувство связи с ушедшими поколениями.(8)

Согласитесь, что этот удручающий показатель очень трудно комментировать. Хотя думать над этим надо, и, видимо, непрестанно. Это показатель степени манкуртизации - лишения народов их исторической памяти под надуманными псевдореволюционными предложениями - разрушения старого ради построения новой коммунистической цивилизации, уничтожения культуры прошлого ради создания новой пролетарской культуры и нового советского человека. Горько сознавать, что значительная часть советских людей - это поколение полуманкуртизированных людей. Еще более удручающее впечатление производит другая цифра - полученная в ходе того же самого опроса: только один человек из сотни опрошенных осознает вину своей страны перед

другими народами. Это тоже результат манкуртизации.

Не исключено, что понятие манкурта и манкуртизации будут дополнены новыми терминами, показывающими упадок национальной и общечеловеческой культуры, степень деградации личности вследствие истощения запаса культуры. Ю.Карякин предложил, в частности, ввести новый термин "мауглизм", согласно которому, все мы, советские люди, за редким исключением, - "маугли, почти каждый из нас по-своему - маугли", потому что, "мы рождены и воспитаны в бесчеловеческой социальной стае" (9). В гениальной книге Р.Киплинга, конечно, есть одна существенная неточность. В самом деле, человеческий детеныш, попавший в стаю волков, и воспитанный в стае, никогда уже не станет нормальным человеком. Немногим из нас, полуманкуртам, полумаугли, суждено возродиться в нормальных людей, в таких истинных не-маугли, как А.Савхаров, .Аверинцев, Вяч.Иванов, Д.Лихачев, А.Солженицын. Хотя среди интеллигенции немало тех, кто, вопреки всем идеологическим табу, сохранил любовь к Бунину и Есенину, Булгакову и Платонову, сочувствие Максимову и Солженицыну, Набокову и Некрасову.

Выше я привел примеры интраманкуртизации, т.е. той, что укуренилась в душе и в памяти советского человека или группы людей.

Но есть еще экстрманкуртизация, т.е. выбитая память из нашей культурной экониши. Хорошо известно, с какого времени запущены часы экстрманкуртизации. С того самого, когда Петербург переименовали сначала в Петроград, а затем в Ленинград.

Не случайно, ленинградцы, пришедшие 12 июня 1991 года к избирательным урнам, проголосовали за возвращение городу его исторического названия Санкт-Петербург. И хотя, во-первых, результаты опроса населения не имели юридической силы, а во-вторых, для части населения память о Ленинграде ближе и дороже памяти о Санкт-Петербурге, общественное мнение было учтено при вынесении окончательного решения.

Ураганы Октябрьской революции, Гражданской войны, военного коммунизма, нэпа уничтожили многое в русской национальной памяти, воздвигли страшный барьер между прошлым и будущим русского народа. Громадное количество разрушенных памятников старины, русских культурных институтов, массовое уничтожение русского крестьянства, социальной базы русской национальной памяти, утраченные надежды на

возрождение русской этничности, гибель или бегство значительной части цвета нации - лучшей части русской интеллигенции - все это трагически сказалось на развитии русского национального самосознания.

С 1918 года началось "триумфальное шествие" переименований городов, площадей и улиц. По подсчетам специалистов, в одной Москве в 1972 г., т.е. через полстолетия сохранилось только 693 названия из 1344, указанных в путеводителе 1912 года.(10) Так, с помощью экстраманкуртизации ускорялась интраманкуртизация. Закономерно, что это вызвало протест у той части творческой интеллигенции, которая считала преступлением насильственное стирание памяти о прошлом. В этом смысле автор "Мастера и Маргариты", "Театрального романа", "Белой гвардии" принципиально пренебрегал новыми названиями улиц Москвы, именуя их в своих произведениях не иначе, как по-дореволюционному: Патриаршие пруды вместо Пионерских, Божедомка вместо Достоевского, Тверская вместо Горького, Пречистенка вместо Кропоткинской, Кудринская площадь вместо площади Восстания.

Напомним, что "Мастер и Маргарита" наряду с "Доктором Живаго" и "Тихим Доном" составляют непревзойденные ориентиры русского романа XX века, века, на чью долю досталось как насаждение манкуртизации, так и, будем надеяться, ее преодоление.

Наступление на историческую и национальную память народов велось систематически с тех времен, когда на этнополитической авансцене появился решительный человек с холодным взглядом, в перетянутой пулеметными ремнями куртке с тяжелым маузером в деревянной кобуре.

Помним мы и трагически-вершинные точки подавления памяти - все, что было в 1929 году, в конце 30-х, накануне Великой Отечественной войны и в конце 40-х после ее завершения.

Ущемление русской памяти началось гораздо раньше, чем наступление на память нерусских народов. Достаточно вспомнить яростную кампанию, запущенную на XII съезде РКП(б) Сталиным, сразу же после смерти Ленина, против великорусского шовинизма.

Главной задачей своего участия на этом съезде Сталин выбрал борьбу против великорусского шовинизма, так по его словам, "национализм великорусский стал нарастать, усиливаться" в связи с нэпом (11). Столкнув лбами и откровенно противопоставив, "бывшую дер-

жавную нацию", состоящую из 75 миллионов человек остальным 65 миллионам угнетенным национальностям", назвав советскую власть русской властью(12), он предложил целую программу борьбы с российским наследством и добился принятия соответствующей резолюции.

И подобно тому, как общеизвестная резолюция "Об очередных задачах партии в национальном вопросе (13) " X съезда РКП(б) в 1921 году открыла широкую дорогу аффирмативной национальной политике, ("Помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию..."), политике приоритетных условий возрождения памяти, самопознания, культуры и хозяйства отсталым в прошлом народам, неосмотрительно насаждая среди определенной их части комплекс иждивенческих настроений, искусственно культивируя преувеличенное значение национального фактора и национального самосознания, резолюция XII съезда РКП(б) в 1923 году - "Национальные моменты в партийном и государственном строительстве" (14) почти дословно повторяющая тезисы Сталина "Национальные моменты в партийном и государственном строительстве" (15), открыла широкое наступление против национальной памяти русского народа под революционным флагом борьбы против российского наследства "периода национального гнета", "тюрьмы народов", "жандарма народов" и т.п.

Перелистаем еще раз внимательно материалы XII съезда. В одной из ее резолюций встретим такую установку: "Партия обязана вести решительную борьбу прежде всего с остатками великорусского шовинизма. Только решительной борьбой с великорусским шовинизмом можно обеспечить прочный союз и обеспечить влияние партии среди трудящихся" (16), в другой резолюции еще более резко, более однозначно, прямолинейно против российского наследства, которое, согласно установке большевиков тех лет, "состоит, во-первых, в пережитках великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного положения великоруссов... разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание (так в тексте -М.Г.) положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются ничем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности..., во-вторых, в фактическом, т.е. хозяйственном и культурном неравенстве националь-

ностей Союза Республик... Поэтому борьба за ликвидацию фактического неравенства национальностей (вот где истоки и начало идеологии курса национальной политики на решительную унификацию - М.Г.), борьба за поднятие культурного и хозяйственного уровня отсталых народов является второй очередной задачей нашей партии "(17), и, наконец, в докладе И.Сталина XII - съезду "... опаснейший враг, которого мы должны свалить, ибо если мы его свалим, то на 9/10 свалим и тот национализм, который сохранился в отдельных республиках" (18)

В 1988 году в стране отмечалось шестисотлетие Куликовской битвы. "Но разве мы свято храним память об этом великом народном подвиге, героях исторической битвы?" - спрашивает Д.С.Лихачев и приводит, как бы в ответ на свой вопрос, слова народного художника СССР П.Корина: "На Куликовском поле решалось будущее России и Европы. Русские грудью своей, жизнями тысяч оплатили победу. В те далекие века было завещано помнить павших на поле Куликовом "пока стоит Россия".

А первым павшим был Александр Пересвет, что перед сдвинутыми ратями принял вызов Челубея и погиб, сразив врага... Пересвет и Ослябя упоминаются в каждой летописи. Для множества поколений были они символом доблести и ратной чести.

Но многим ли известно, что Пересвет и Ослябя похоронены в Москве, в церкви Рождества? Сейчас она находится на территории завода "Динамо". В четверике старой церкви установлен мотор в 180 киловатт. На метр он углублен в землю. Древняя почва вся перерыта. Здание сотрясается от грохота. Близлежащие улицы, называвшиеся именами героев - Пересветинская и Ослябинская, теперь переименованы. Нет ни одного упоминания - доски мемориальной хотя бы. Ничего нет. Рев моторов над прахом героев. Вот вся тебе память и слава".(19)

В этих словах выражена не только гражданская позиция художника, в них выражены скрытые чувства граждан, желающих помнить и чтить героическое прошлое своего народа.

Выйти из кризиса беспамятства, очевидно, можно таким путем, каким мы в него вошли: восстановление экопамяти, исторической памяти, возвращение полуразрушенной инфраструктуре ее прежних красок и устоев.

И поскольку историческая память живет в самом народе, воспроизводится им, а также воплощается в жизнь и возрождается интеллигенцией, постольку и интеллигенции надо предъявлять счет за память о памяти, за общее состояние духа и самосознание нации, за полнокровные традиции, за бесперебойную работу механизмов межпоколенной и внутрипоколенной передачи той информации, без которой этничность не этничность, самобытность не самобытность.

И. Сталин, повидимому, неплохо представлял себе значение исторической памяти в национальном вопросе, т.е. в межнациональных отношениях. Объявляя бой русской памяти, великорусскому шовинизму, он принимал в расчет самую же память..., в том числе те традиции русского дореволюционного либерализма, согласно которым радикальное проявление русского патриотизма объявлялось, во-первых, реакционным, во-вторых, направленным против инородцев. Иными словами, обращаясь к одной части памяти, будущий диктатор мобилизовал силы для преследования другой памяти, памяти, связанной с любым проявлением русского национального самосознания.

А когда стране стало совсем худо в суровые дни Великой Отечественной войны, он, отдавший много сил борьбе с русской национальной культурой и с православием, быстро сменил хулу на похвалу и обратился к русской памяти, русскому патриотизму, к доблестным деяниям легендарных русских полководцев. В годы войны, после десятилетий принижения дореволюционной истории русского народа и истории Государства Российского, Сталин перестал бороться с православной церковью и использовал ее поддержку, в частности, в партизанском движении.

Для того, чтобы уголить ущемленное системой национальное самосознание русских, Сталин обратился к идее великого русского народа, объединившем вокруг себя нерусские народы, к идее, старшего брата, примеру которого надо следовать братьям меньшим.

На заложенном "вождем народов" концептуальном фундаменте последовательной манкуртизации русского народа в форме, провозглашенной им - борьбы с великорусским шовинизмом, выросла новейшая историографическая пристройка, состоящая из серии книг и статей, изданных внутренним самиздатом и зарубежной, отнюдь не дружественной группой исследователей. В самом общем виде основные положения этой историографии, вольно, или невольно раскручивающей жернова

манкуртизации, состоит признание того, что "русские - это народ рабов, всегда преклонявшихся перед сильной властью, ненавидящих все чужое и враждебных культуре, а Россия - вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира" (20). Понятно, что систематическое тиражирование этой концепции, внушение народу его периферийного положения в череде цивилизованных стран, ведет к духовному оскудению, размыванию национального самосознания, к массовому манкуртизму.

3. Контрнаступление... или борьба за память.

Следы беспамятства и сегодня беспокоят многих деятелей национальной культуры, идеологов и лидеров современных национальных движений. "Тоталитарная система, - констатирует, в частности, Программа Белорусского Народного Фронта, - физически и морально уничтожала тех, кто начинал белорусское Возрождение - выдающихся деятелей культуры, науки, политики, - и привила многим страх перед всякими проявлениями национального самосознания. Свою дань взяла с Белоруссии война. Все это привело к смертельно опасному кризису, в котором оказалась сегодня белорусская нация... Ее перестают объединять традиционные культурные и моральные приоритеты, перестают объединять язык и забота о будущем"(21).

Эпоха беспамятства не осталась бесследной: выросли поколения людей, не восприимчивые к культурно-историческому наследию, с догматическим мышлением и ощущением, без понимания связи прошлого с настоящим. Трудно ожидать от таких людей, особенно, если они оказываются руководителями учреждений, проявления заботы о памяти. Поэтому, до сих пор "памятники продолжают сноситься, закон перед отечественными варварами в руководящей тоге продолжает пасовать, да и слаб он, этот закон...,- говорил В.Распутин на V съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, - право на память даруется подобно ярлыку, за которым в старой Руси ездили на поклон в ханскую Орду"(22).

Возрождение национальной памяти народов закономерно занимает едва-ли не ведущее место в программных документах всех нынешних

национальных движений. Однако, нередко передний фронт этой борьбы оказывается совсем не там, где ему следовало бы проходить, а энергия памяти направляется по ложному пути. Вместо борьбы с бюрократическим диктатом Центра, с расходами на поддержание сомнительных режимов на азиатском, африканском, латиноамериканском континентах, с расходами на содержание растущего вширь, а не вглубь, количественно, а не качественно военно-промышленного комплекса, с борьбой против крайне отсталой экономики, острие возмущения направляется против одной из национальностей, в пределах бывшего СССР чаще всего против русских.

Искусственное насаждение манкуртизации, попытки очернить историю и культурное наследие отдельных народов, породило, подобно эффекту бумеранга, прямо противоположную тенденцию: возрастание явного или скрытого интереса к истории и своему прошлому. Более того, с повышением образовательного и культурного уровня народа, ростом национальных отрядов интеллигенции, исторические сочинения, в том числе историческая беллетристика, становились объектом пристального читательского внимания все более широких кругов. Как показали представительные этносоциологические исследования, проведенные в ряде союзных республик в 70-80-е годы, книги об истории своего народа являются одними из наиболее популярных среди читателей. При этом среди грузинского и узбекского населения в городах Узбекистана и Грузии книги такого рода занимали по степени популярности второе место. У русских - четвертое, у эстонцев в Эстонии - третье. "Исторические" книги называли любимыми четвертая часть среди опрошенных узбеков-горожан. При этом у более молодых групп узбекского городского населения книги о прошлом своего народа пользовались несколько большей популярностью по сравнению с аналогичными группами других обследованных национальностей. Отсюда ясна и та роль, которую играет историко-художественная литература в формировании и развитии как национального самосознания, так и идеологии современных национальных движений.

Степень интереса к различным литературным темам среди городского населения различных национальностей (по данным этносоциологических опросов, проведенных Институтом этнографии АН СССР) приведена в табл N 1.

ТАБЛИЦА 1.

Литературные темы	Популярность среди читателей места, занятые каждой темой в структуре предпочтений						
	1	2	3	4	5	6	7
1. О войне	русские грузины молдав.	-	узбеки	-	эстонцы	-	-
2. О прошлом своего народа	-	узбеки грузины	эстонцы	русские	-	молдав.	-
3. О любви и дружбе	узбеки	русские молдав.	-	эстонцы	-	-	-
4. Приключен- ческая фантасти- ческая	эстонцы	-	русские молдав.	узбеки	-	-	-
5. Обществ. полити- ческая	-	-	-	молдав.	русские грузины	-	узбеки эстонцы
6. Пре- имуще- ственно психолог. содержан.	-	эстонцы	-	грузины	молдав.	узбеки русские	-
7. По специ- альности	-	-	грузины	-	узбеки	эстонцы	русские молдав.

Вместе с тем неодинаковая степень интересов к литературе о прошлом своего народа у представителей различных национальностей, в нашем случае - больше среди городских узбеков, грузин, эстонцев, русских, относительно меньше среди молдаван - заставляет задуматься и искать соответствующее объяснение. Не исключено, что глубокий интерес к прошлому своего народа выше, во-первых, там, где оно - есть, во-вторых там, где более устойчиво национальное самосознание. Если принять за меру устойчивости национального самосознания степень совпадения национальной идентичности и родного языка, то без особого труда можно обнаружить, что среди национальностей, имевших союзную республику, именно среди городских молдаван в Молдавии эта устойчивость на рубеже 70-80-х годов была самая низкая: она составляла по данным переписи населения 1979 года - 88,5%. Среди русских в городах РСФСР доля лиц с родным языком своей национальности составляла 100,0%. Среди грузин, эстонцев и узбеков в городах соответствующих республик указанный показатель поднимался соответственно до 99,1%, 98,5% и 96,7%.

Распределение читательских интересов по литературным темам, разумеется, не могло быть идентичным среди различных поло-возрастных, социально-профессиональных и национальных групп городского и сельского населения.

Сравнение этих различий на достаточных по количеству и надежных по качеству материалах этносоциологических опросов, проведенных этносоциологами Института этнографии АН СССР в 70-80-е годы в республиках, представляющих основные регионы страны - Россию, Среднюю Азию, Кавказ и Прибалтику, позволили выявить как общие, так и индивидуальные наклонности. (23)

Если к разряду исторических романов отнести и литературу, посвященную прошлой войне, то есть основания констатировать, что среди русских, грузин и молдаван предпочтения, отданные этой литературе, занимали первое место, среди узбеков - третье, среди эстонцев - пятое.

Взрыв читательских интересов к литературе о прошлом, в том числе о прошлом своего народа, отмечали в 70-е годы многие исследователи в разных республиках страны. Об этом, в частности, свидетельствуют зачитанные до дыр экземпляры исторических романов в сельских библиотеках Вологодской области. Для этого жанра библио-

течным работникам приходилось выделять особые полки и особые отделы.

"...Какой - одновременно ужасный и величественный вид являют собой эти отделы! Я сказал бы, - пишет наблюдавший эти тенденции Ю.А.Андреев,- что далеко не всякий пункт макулатуры отважится принять этих индивидов - жертв читательского интереса к отечественной истории. Но что делать, если библиотеки получают исторический роман считанными единицами, а, в очередь, например, за "Емельяном Пугачевым" или "Петром Первым" записываются чуть ли не за год вперед?" (24)

Разумеется, память - далеко не единственная забота отечественной интеллигенции, издавна, еще со времен "Слова" Даниила Заточника, оказавшейся в промежуточно- маргинальном состоянии и взявшей на себя нелегкую миссию посредника между управляемым народом и управляющей, власть имущей властью. Тысячелетнее противостояние интеллигенции и Власти само по себе достойно памяти, понимания и систематического уважения. Борьба за память, иногда в форме беспощадной критики существующей общественной системы, иногда разговорно-эзоповым языком, иногда молчаливым ничегонеделанием, иногда писанием бумаг, иногда вступлением в связь и в переписку с сильными мира сего, иногда протест, выраженный в Манифестациях, Обращениях, Меморандумах, Путешествиях и т.д. - все это формы участия интеллигенции в общественной жизни страны, многотрудной истории России.

Всегда у нас так было. С одной стороны, интеллигенция корнями своими уходила в народ, выходила из народа, и набивала себе шишки в борьбе за народ. Но эта же самая интеллигенция и обвиняема была за все беды народные. С другой стороны, на интеллигенцию в первую очередь, обрушивался гнев Власти за те или иные промахи. Интеллигенция первая принимала на себя репрессии тоталитарного режима. Она больше всех страдала, если отказывалась выполнять волю тех, кто оказался на вершине пирамиды власти.

Каждая из действующих сил - народ, власть и интеллигенция по-разному относятся к памяти, в разной мере и для разных целей нуждаются в ней. Народу память нужна для того, чтобы оставаться самим собой, чтобы, имея прошлое, быть в настоящем. Власти нередко память нужна для того, чтобы отрицать самую эту память, ради того,

чтобы реализовывать ею, Властью, избранные и сформулированные цели. Как, например, в партийном гимне :

Весь мир насилья мы разрушим
до основанья

А затем мы наш, мы новый мир
построим

Кто был ничем, тот станет всем.

В этом гимне красноречиво выделено кредо: разрушим старое и возьмем себе все, станем всем.

Интеллигенция нуждается в памяти, чтобы оправдать свое существование перед народом, который кормит ее, и пытается иногда исправить память ради Власти, так как последняя прикармливает ее не важно как, выгодными заказами ли, или еще прямолинейнее - дачами, привилегиями, званиями, орденами и другими "наградами".

Именно эта двойная зависимость интеллигенции и от народа и от Власти, лишает ее (интеллигенцию) полной свободы ее творчества. И именно поэтому ее достоинства и ее заслуги в деле возрождения памяти порой переходят в прямо противоположное свойство - в искажение памяти. Но об этом, последнем, речь ниже.

Редко кому из художников, подобно Пушкину, например, удавалось быть свободным и от народа, и от Власти. Взаимоотношения же интеллигенции, и это особенно заметно в периоды политической нестабильности, напоминают постоянный маятник, раскачивающийся то в одну, то в другую сторону, примыкая то к тому, то к иному политическому полюсу. Вот почему выяснение роли творческой интеллигенции в национальном возрождении и в возрождении памяти, относится к числу тех роковых задач, в которых, быть может, содержится ключ, как говорил Г.П. Федотов, - к пониманию России и ее будущего(25). Поэтому многие пишущие об этнической истории, о национальной культуре и о культуре памяти не могут пройти ее стороной.

Если интеллигенция не воздвигает мосты между прошлым и будущим, скорее всего она обречена на хроническое бесплодие. Она в таком случае не выполняет свое предназначение быть памятью памяти.

Чем иначе можно объяснить теперь, когда мы все немножко опьянели от свежих ветров демократизации, определенную изолированность большей части творческой интеллигенции, не создавшей, за редким исключением, ни одного монументального произведения, дос-

тойного длительной жизни. Ни новых романов и свежих полотен, ни свежих идей, ни захватывающих проектов. У всех на виду еще одна полоса - выход к широкому читателю тех произведений, которые до недавнего, таясь, мы времени лихорадочно читали в коротких зарубежных командировках.

Сегодня многим кажется, что интеллигенция поддержала Власть сначала в лице М.С. Горбачева, а затем в лице Б.Н.Ельцина за то, что ей, интеллигенции, не запрещено говорить, писать, думать и вспоминать. Однако, еще задолго до нынешнего президента страны, интеллигенция в художественной форме выявила и лучше, чем в научной, обнародовала несоответствие официальных деклараций реальной практике.

О манкуртизации писали многие писатели, поэты, публицисты, ученые и политики, художники и практики. Однако, судьбой было predetermined Чингизу Торекуловичу Айтматову найти такие слова, такую форму, и создать такой тройной роман в одном романе, чтобы малоизвестная легенда о манкуртах стала символом и первоначальным импульсом важнейшего социально-культурного движения многих народов нашей страны. Но как часто случается у нас, сам термин получил более широкое распространение сначала на Западе, а потом вернулся и к нам.(26)

Это произошло, разумеется, не случайно. Одно дело – появление в свет нового художественного явления. Совсем другое - то значение, которое придается официозом этому явлению перед лицом общественного мнения. Едва ли не издевкой сегодня, в условиях идеологической раскрепощенности, звучат слова краткой аннотации к роману "И дольше века длится день", целиком посвященному сохранению национальной самобытности, идентичности тюркоязычных народов Средней Азии через восстановление нарушенной исторической памяти. Не могу не привести эти слова из аннотации, дающей лжезначение роману, там, где этот роман публиковался: "Если человечество не научится жить в мире, оно погибнет", и "Трудолюбие - одно из непреходящих мерил достоинства человека."(27)

Так сказано о содержании романа в пустой напутственной аннотации, хотя сам автор, по его словам, ставил перед собой совсем иную цель, о чем сам же недвусмысленно заявил в предисловии к своему роману. "Человек без памяти прошлого, - объяснял свое понимание

беспамятства Ч.Айтматов,- поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем".(28)

Естественно, возникает множество вопросов. Выделим наиболее важные: когда манкуртизация началась, как претворялась в жизнь, кто и как поднял знамя борьбы с ней, забив в тревожные колокола народной памяти. Подготовка к Учредительному съезду "Педагоги за национальное возрождение" предоставила случай начать ответ с третьего вопроса. Ибо лучшая часть педагогов, воспитателей в широком смысле, вместе с лучшими (вершинными) представителями творческой интеллигенции начинали, всегда вели борьбу с манкуртизацией.

Никто не сможет отрицать, что заметную роль в этом сыграла серия произведений, посвященных проблемам исторического наследия народов - "Память" Владимира Чивилихина, "Аз и Я" Олжаса Сулейменова, "Царь-рыба", "Печальный детектив" Виктора Астафьева, "Русь изначальная", "Русь Великая" В.Иванова, "Лад" Василия Белова, "Прощание с Матерой", "Пожар" Валентина Распутина, "Судьба" Петра Проскурина, "Длинный караван" - Дионисия Танасоглу, "И дольше века длится день" Чингиза Айтматова. Серия этих произведений, число которых можно было бы значительно увеличить, напоминает те случаи, когда по выражению В.Г.Белинского художник становится историком, а историк - художником.

К другой серии лирической прозы, также посвященной памяти, или утверждению любви к своему дому, к родному очагу, относятся "Ледовая книга" Юхана Смуула, "Трава забвения" Валентина Катаева, "Тетива" Виктора Шкловского, "Ночные бабочки" Эдуардаса Межелайтиса, "Поэт" Эффенди Капиева, "Мой Дагестан" Расула Гамзатова, "Очаг" Зория Балаяна и многие другие.

Я не называю национальность общеизвестных писателей, кроме исторического романа Д.Танасоглу, произведения, опубликованного во - первых, на гагаузском языке, во-вторых, мизерным тиражом, и потому малодоступного для широкого читателя.

Борьба передовой интеллигенции против губительного беспамятства практически началась с того самого момента, когда обрушилась беда на нашу историю, когда стали насильственно разрушаться

общечеловеческие ценности и национальные устои культуры народов.

Может быть, в самом деле, первой жертвой пал русский поэт, который прежде, чем повеситься, кровью из перерезанной вены написал знаменитые строчки: "В этой жизни умирать не ново." А потом пошло - поехало.

Уехали или ушли сами из страны, из культуры, из жизни, или были раздавлены прессом социалистического реализма сначала В.Маяковский и М.Цветаева, потом А.Фадеев. Уже в наши дни "добровольно" или насильственно покинули страну летописец трагедии народа - А.Солженицын, поэты Иосиф Бродский, Александр Галич, художник и скульптор Эрнст Неизвестный, виолончелист Мстислав Растропович, певица Галина Вишневская.

Были обречены на полулегальное, полуэзоповское творчество М.Булгаков и А. Платонов, А. Ахматова и М. Зощенко, Д. Шостакович и А. Довженко, бесплодием завершилась реализация таланта А. Блока и М. Горького, М. Шолохова и других писателей. За рубежом, а не у нас в стране, стал выходить талантливый журнал "Континент" Владимира Максимова.

Покинули страну, чтобы за ее пределами сохранить преемственность между дооктябрьской и современной культурой там, за кордоном писатели и поэты - Иван Бунин и В.Ходасевич, художник Кандинский, композитор Рахманинов, философ Мережковский.

Высланный из страны Питирим Сорокин стал непревзойденной вершиной социологической науки первой половины и середины XX века, Н.Бердяев - отцом философии персонализма.

Русская память, историческое наследие сохранялись Там более целенаправленно, чем Здесь. Более того, имеются заслуживающие доверия свидетельства относительно того, что оставшаяся в России интеллигенция, потеряв смысл своего существования и, не видя перспектив реализации своего таланта, оказалась на краю физического вымирания. По крайней мере, так об этом писал Г.Уэльс, наблюдавший жизнь русской интеллигенции в 1920 г. "Смертность среди русской творческой интеллигенции, - констатировал он, - невероятно высока. В большой степени это, несомненно, вызвано общими условиями жизни, но во многих случаях, мне кажется, решающую роль сыграло трагическое сознание беспольности большого дарования. Они не смогли жить в России 1919 года, как не смогли бы жить среди кафров"(29).

Известны и другие, более широкомасштабные примеры, подтверждающие взаимосвязь продолжительности жизни и сохранения памяти, в т.ч. среди крупных социальных и этнических групп. Комплексные исследования феномена долгожительства, проведенные этноэкологами Института этнологии и антропологии АН СССР позволили выявить положительную корреляцию между долгожительством абхазов и полнокровным сохранением памяти, что находило, в частности, свое выражение в более или менее стабильном соблюдении соционормативной культуры абхазской этнической общности. Хранимая в памяти народной система предписаний всевозможных обрядов от родильных до похоронных, и система запретов на нарушение этих правил, система запретов на разрушение памяти, давала людям преклонного возраста дополнительные силы и стимулы к жизни. Словом, память продлевала жизнь. И, наоборот, беспомощность, разрушение памяти, в том числе, закрепленное в духовной культуре или в идеологии, порой могло стать причиной преждевременного вымирания. Можно сослаться на слова Г. Уайлда, которого доверительно цитирует И. Шафаревич: "Идеология, как бы она ни была далека от очевидных биологических потребностей, практически оказывается биологически полезной, то есть благоприятствует выживанию вида. Без этого духовного вооружения не только общества приобретают тенденцию к распаду, но и составляющие их индивидуумы перестают держаться за жизнь. "Разрушение религии" у примитивных народов всегда рассматривается специалистами как основная причина их гибели при столкновении с цивилизацией белых"(30).

Таким образом, есть некоторые основания сделать вывод о том, что сохранение памяти, и в первую очередь интеллигенцией, как ее прообразами, умножает ее силы, удлиняет жизнь народа, и, напротив, разрушение памяти создает угрозу существованию как интеллигенции, так и народу, которому интеллигенция служит.

Пытаясь понять, где проходит линия центрального напряжения в нынешней этнополитической ситуации в СССР, директор библиотеки конгресса США Х.Биллингтон, в лекции, прочитанной в американском посольстве в Москве, сделал очень важное признание. По его мнению, составляющие Советский Союз народы, одновременно борются и за общие гражданские права и за собственное национальное самосознание. И ключевая борьба в политике идет не на поверхности - между программами и индивидуальными лидерами, а гораздо глубже в системе

экономики. Не поддающиеся преодолению конфликты, происходят как непрерывная цепь схваток за обладание власти между разными соперничающими группами, и прежде всего между теряющей силу машиной управления сверху созданной компартией для руководства народом и новыми силами демократизации - идущими снизу от самого народа. Все эти силы, по мысли Х.Биллингтона "легче понять, читая длинные романы, нежели сокращенную историю России." (Независимая газета, 1991, 4 июня).

Для того, чтобы поднять знамя борьбы против манкуртизации на рубеже застойных 70-80-х годов, нужен был очень сильный, едва-ли, не скандальный, прецедент.

Роль шоковой терапии сыграло появление в декабре 1980 года романа Чингиза Айтматова "И дольше века длится день". Критика немедленно заметила его как явление художественной жизни, но специалисты до сих пор не оценили его как некий компендиум национальных процессов.

И хотя о трагедии беспамятства и о роковой опасности утраты исторической памяти писали задолго до Айтматова, и параллельно с ним, и после него, именно ему выпал жребий подарить общественности фундаментальную дефиницию, - манкуртизм, - без которой сегодня, практически, нельзя понять ни современные национальные движения, ни новую этнополитическую ситуацию страны, ни шквально обрушившийся рост национального самосознания народов.

Специалисты, т.е. литературные критики "прозевали" архитекtonику романа и вместе с ней и его содержание. Между тем, присущая построению романа тайна, равно как и система действующих в нем лиц, требует серьезного, систематического, заинтересованного чтения, а с учетом свойственного культуре ислама толкования и прочтения. Планка этого прочтения порой очень высока: от читателя требуются глубокие знания истории кочевых цивилизаций, а также владение этнополитической ситуацией Европейских степей в различные времена. Стержем культуры ислама, как впрочем и некоторых других религий, например, иудаизма, является традиция толкования. Без толкования нельзя проникнуть ни в толщу культуры, ни в многообразие образа жизни. Не зря великий мистик и поэт Джалаладдин Румин понимал Коран как некую закрытую систему, как некий закрытый текст, доступный постепенному пониманию лишь через толкование, и сравнивал тай-

ну Корана с тайной женщины, отвечающей тому, кто решился приподнять ее покрывало : "Я не то, что ты ищешь"(31).

Специалисты - обществоведы не увидели значение романа по более простой причине : им все равно никто не позволил бы обнародовать "увиденное".

Центральный нерв всего романа "И дольше века длится день" - проблема исторической памяти народов, лишаясь которой, человек теряет себя, становится манкуртом, рабом, бессловесным исполнителем чужой воли, а народ, теряющий свои корни, наработанные веками механизмы преемственности культуры и образа жизни, обречен на ассимиляцию и последующее исчезновение с этнической карты.

Четыре обстоятельства побудили меня вернуться к роману Ч.Айтматова, который впервые я прочитал более десяти лет тому назад. Во-первых, это сложная система историко-культурных ассоциаций, пространственно-временных и личностно-психологических параллелей, вызываемая содержанием романа, во-вторых, идеи писателя, высказанные им десятилетие тому назад, но не утеревшие свою актуальность сегодня, включая и предсказанные им современные межнациональные конфликты, и, в-третьих, универсальный характер борьбы творческой интеллигенции против манкуртизации, означающей ни много, ни мало предпосылку и необходимые условия национального возрождения, и, наконец, в-четвертых, плавный эволюционный переход от изобличения манкуртизма, от призывов за восстановление исторической памяти к общественной активности за обоснование национального возрождения как важного шага по пути к достижению национальной независимости.

Это обретение нового качества нашло отражение в выступлении той части творческой интеллигенции, которая естественно возглавила национальные движения или влилась в состав активных участников этих движений. Так, например, выступая на митинге 28 августа 1988 года, в годовщину подписания пакта Молотова-Риббентропа, объявленного в Литве "Днем национального траура", писатель В.Петкявичюс указал на наличие тесной связи между борьбой против манкуртизации и подъемом национального движения. "От начала и до конца движения,- говорил, в частности, В.Петкявичюс об истории становления Саюдиса - литовского национального движения за перестройку, - принадлежало и будет принадлежать всему нашему народу, и никому боль-

ше... Движение - это эшелоны ссыльных и проклятых, с которых это проклятие не снято и по сей день. Движение - это дороги страданий всей нашей интеллигенции у себя дома, в Сибири, и в эмиграции. Движение - это память о тех честнейших коммунистах-ленинцах, против которых фабриковались дела и которые уничтожались как злейшие враги народа. В конце концов, Движение - это наше всеобщее желание избавиться от силой навязанной нам доли манкуртов, это желание снова видеть наш край свободным от экономического диктата союзных министерств, от колониальной сельскохозяйственной политики, это желание снова жить полнокровной жизнью не забывающих о национальном интернационалистов в своем зеленом, экологически чистом краю, где никогда не смолкал бы наш древний балтийский язык, и процветала бы такая же древняя и славная наша культура".(32)

4. Воскресение памяти...

или

национальная проблематика в системе ассоциаций романа "И дольше века длится день"

Существует множество способов того, как оторвать, или, напротив, как в нужном направлении сцепить между собой явление и значение этого явления. Более того, как явление, уже ставшее фактом жизни, сделать как бы и не состоявшимся вовсе, например, изгнать из памяти тривиальным умолчанием. Часть книг о национальных проблемах, касающихся конфликтности стороны дела, принято было шельмовать, прорабатывать, подвергать убийственной критике. Не менее опасным был другой, не менее конфликтный прием: изъятие из употребления, помещение в "спецхраны" или замалчивание. Роман "И дольше века длится день" не закрыли под замок спецхраны, не запретили приобретать массовым библиотекам в глубинке. Но с его идеологически опасной начинкой - комплексом национальных проблем - поступили безжалостно. Сделали вид, что этой начинки попросту не существует.

Удивительно, как в столь коротком романе писатель сумел создать обширное полотно взаимодействия политики и практики, найти важнейшие точки пересечения исторического наследия народов, с нынешними насущными задачами, сгруппировать методом непосредственных

упоминаний и имплицитных ассоциаций демографические, экологические, социально-культурные, языковые, исторические аспекты национальной проблематики и обнародовать в образах те болячки, о которых специалисты в области теории наций и национальных отношений не смели в те времена даже заикнуться.

Вся система ассоциаций построена вокруг легенды о манкуртах. Национальная проблематика отражена в зеркале этой легенды, в возгласе ночной птицы Доненбай : "Вспомни, чей ты ? Как твое имя? Твой отец Доненбай! Доненбай! Доненбай!"

Этот вопрос имеет принципиальное значение. Ч.Айтматов сознательно адресует его не только к самому себе, как писателю, к своему концептуальному кредо, но и ко всей творческой и иной интеллигенции, призванной бережно хранить память о предках и об отцовском доме, напоминать о том, как тяжело покидать родные края, края своего народа.

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.

Как горько было сердцу молодому,

Когда я уходил с отцовского двора,

Сказать прости родному дому.

(Ив.Бунин, 25.06.1922 г.)

Легенду о манкуртах любимый герой Айтматова - Едигей - вспоминает по дороге на кладбище Ана-Бейит, куда он везет хоронить своего друга Казангапа согласно завету покойного.

По преданию сарозекские земли в прошлом были захвачены жестоким племенем жуаньжуаней, которые часть захваченных ими пленных превращали в своих послушных рабов, уничтожая при этом их память. На бритые головы обреченных надевали кусок освежеванной плотной выйной части верблюжьей шкуры (шири), которая, высыхая на солнце, причиняла страшные мучения, завершавшиеся в конечном счете полным помутнением рассудка.

Оставшийся в живых раб-манкурт не помнил, кто он, где и когда родился, не ведал своего имени, не помнил рода-племени, не помнил детства, отца-матери. В то же время подобно преданной собаке, он признавал только своих хозяев, тех, кто его кормил; усердно выполнял порученную ему нудную и грязную работу, был чужд неповиновению, и все его помыслы сводились только к утолению чрева.

Один из таких молодых военнопленных, превращенный в манкурта, по наущению своих хозяев убивает собственную мать - Найман-Ану, которая, узнав сына, пыталась восстановить его память, неоднократно повторяя ему его собственное имя - Жоломан, и имя его отца - Доненбай. От смертельной раны Найман-Ана стала медленно сползать с верблюдицы, а ее белый платок превратился в птицу Доненбай, которая с тех пор летает по ночам над степью с криком: "Вспомни, чей ты? Как твое имя? Твой отец Доненбай! Доненбай! Доненбай!"

Место, где Найман-Ана пала от стрелы, пущенной в нее сыном-манкуртом, стало называться кладбищем Ана-Бейит - материнским покоем, а от ее белой верблюдицы Акмаи пошло знатное потомство, в том числе белоголовые верблюдицы, а также черные могучие самцы, подобные "герою" романа - Буранному Каранару.

5. Освобождение памяти... или о судьбе исторической личности

Энергия памяти имеет двоякую форму существования : пассивную, состоящую, как дремлющий вулкан, в бездействии, и активную, пробуждающую народ из сонного состояния, вовлекающую значительные массы людей в борьбу за справедливость, за независимость, за суверенитет и за иные, свободу несущие идеи. Память, кроме того, содержит как то, что народ любит, воспевает, чем гордиться, в чем черпает силу, так и то, от чего сгорает от позора и стыда, предпочитает в подсознании помнить, но не вспоминать.

И от нас зависит как распорядиться памятью о легендарном событии, о выдающемся предке, о любимом классике, или о недавно отстраненном от власти первом и последнем президенте ушедшего в историю СССР.

В самом начале 1992 года, всего лишь через несколько месяцев после того, как не стало ни СССР, ни его президента, ни КПСС и Генерального секретаря ЦК, бывший Председатель Совета Министров СССР Н.Рыжков в своих воспоминаниях горько сетовал: "Сегодня принято все беды, просчеты, огрехи и даже преступления, происшедшие в период перестройки, валить на убранного в отставку Горбачева. Это - какая-то воистину холопская черта: топтать поверженного кумира,

изгаляться над ним, крушить памятники и чернить память. Так было всегда, и отнюдь не только в советские годы. Самая точная в мире наука - история - стала в России самой неточной, самой лживой. Она переписывалась столько раз, что, пожалуй, уже невозможно определить, какой властитель каким был на самом деле - варваром или созидателем, гуманистом или мизантропом, ангелом или убийцей. ... Советская власть усугубила процесс исправления истории тем, что мы стали просто-напросто вычеркивать из нее ушедших от дел или из мира правителей, будто их и не было вовсе"(33).

В нашей истории не было недостатка в скоропалительных оценках, стремительных возвышениях и скоротечных разоблачениях. Так было со Сталиным, так случилось с Хрущевым, а затем с Брежневым. Не избежал своей участи и Горбачев. А сколько неоправданных авансов было выдано сначала Звиаду Гамсахурдиа, а затем его преемнику на посту главы независимого Грузинского государства Эдуарду Шеварднадзе? Разрубленный мечом абхазский узел быстро снизил высокий рейтинг, с которым последний вернулся в Грузию и попытался силой вывести ее в ряд цивилизованных государств.

Борьба с памятью народа, не всегда напрямую вела к манкуртизации или мауглизации. Случался и другой, побочный результат, когда одни пласты памяти пытались подменить другими, или когда вместо теневой памяти пытались сочинить другую, освященную новейшими заботами дня память.

Так, например, случилось с освещением истории взаимоотношений нерусских народов с русскими в истекшие века. В угоду "светлой дружбе народов" из памяти народов пытались вытеснить их знаменитые победы, подвиги национальных героев, выдающиеся деяния царей и ханов, вклад в цивилизацию всемирно известных ученых. Предполагалось, что подобное вытеснение, или обеление темных мест в прошлой истории, добавит солнца в нынешней несветлой дороге жизни. Так рождались директивы, постановления, декреты, устные установки и прочие распоряжения "сверху", лишаящие народы радости воспоминаний, подменяющие гордость за предков разочарованием пустоты прошедших веков.

Однако, свершая подобные насильственные операции над памятью, реставраторы истории, конечно, не подозревали о возможности эффекта бумеранга. Нельзя было ни чуть, ни тем более беспредельно, уничтожать народ, лишая его героического прошлого, даже если это

героическое прошлое выражалось в виде побед над нынешним дружественным соседним народом. Лишая народы нормального воспроизводства, их национального самосознания, лишая радости познания своей истории, реставраторы памяти, по существу, культивировали новые запасы лицемерия, подготавливали динамит ненависти, усугубляли боль души народной. Так, например, случилось в 40-е годы, когда активно была проведена шумная политическая кампания против героического эпоса тюркских народов, когда ни в чем не повинные произведения устного народного поэтического творчества были вдруг обвинены в подрыве дружбы народов. И даже после хрущевской оттепели трудно было ломать подобные узаконенные подходы. Именно поэтому высокой оценки заслуживает роман "И дольше века длится день", в котором "во глубине застоя", на рубеже трудных 70-80-х годов были выдвинуты задачи переоценки героических эпосов тюркских народов Средней Азии и Казахстана, поставлены задачи возвращения народам их героев, а героических страниц - их истории.

Восстановление из небытия известных исторических деятелей, оправдание их деяний, переоценка их значения и места в национальной истории - эти и другие вопросы пересмотра и переоценки ценностей истории, культуры, имен знаменитых исторических деятелей, восстановление забытых или полуразрушенных памятников - все это входило важнейшей составной частью борьбы за сохранение исторической памяти и национальное возрождение.

Ключевая роль в этом отношении в романе "И дольше века длится день" отводится имени главного героя - Едигея. Не случайно оно совпадает с именем правителя Волжской Орды конца XIУ - начала XV вв., когда многое было сделано для возрождения пошатнувшегося великодержавного могущества Золотой Орды. Историческая параллель здесь имеет место вне всякого сомнения. Напомним основную канву правления Едигея (1398-1411 гг.), ставшего национальным героем не только для поволжских татар, но героем эпических произведений других тюркоязычных народов.

Сражение 1395 года на берегах Терека между армией Тимура правителя Мавераннахра и войсками Тохтамыша - правителя Золотой Орды, закончилось поражением второго. Тохтамыш лишился престола в Сарай-Берке, ушел сначала (на два-три года) в Крым, а затем бежал в Великое княжество Литовское. Так Едигей, не без помощи Тимура, за-

нял престол Золотой Орды.

В 1399 году войска Едигея нанесли сокрушительное поражение объединенной армии Витовта и Тохтамыша на берегу реки Воркслы. Эта грандиозная победа по сути стала центральным событием этнополитической истории Восточноевропейских степей конца XIV в. и открыла возможность хану Едигею, несмотря на зависимость от Мавераннахра, внести существенные коррективы в этнополитическую структуру Восточной Европы на рубеже XIV-XV вв. Орда вновь стала играть видную роль в международной политике того времени, блокируя, в частности, консолидацию русских земель, препятствуя созданию антиордынского союза между Великим княжеством Литовским, Русью и Орденом.

Известно послание Едигея Витовту, в котором содержится предложение стать вассалом ордынской державы: "Разумей убо, яко яз есмь стар предь тобою, а ты млад предо мною, подобает мне над тобою отцом бити, а тебе у меня сыном бити, и дань и оброки на всяко лето мне плати со всего твоего княжения и во всем твоём княжении на твоих денгах литовских моему ордынскому знамени быти"(34).

Укрепив свое положение победой на берегу Воркслы, Едигей прекратил борьбу против Великого княжества Литовского и Русского, приступил к восстановлению баланса между ним и княжеством Владимирским. Дипломатия состояла в том, чтобы восстанавливать, и по возможности, укреплять ослабленные государства и ослаблять те княжения, что обнаруживали признаки усиления, т.е. искусственно выравнивались силы между ведущими восточно-европейскими государствами, а также они искусно натравливались друг на друга. В "Повести о нашествии Едигея" (35) немало свидетельств ордынской тактики сталкивания Москвы и Вильно. Называя князя Московского Василия "своим сыном любимым", Едигей, с одной стороны, "силу многу на помощь обещавал ему", а, с другой стороны, ханские послы предупреждали Витовта об опасности, якобы грозившей Литве из Москвы. "Ты мне буди друг, а я аз тебе буду друг"(36) - клялся Едигей Витовту.

Айтматовский Едигей безумно любит своего Каранара. Излюбленные подарки Золотоордынского хана - верблюды. Свое послание Витовту хан Едигей сопровождает традиционным для кочевых цивилизаций подарком - тремя верблюдами и десятком породистых коней.

Призывы Буранного Едигея к примирению и миру между народами

корреспондируют с отдельными сюжетами из дипломатической переписки ордынского Едигея. "Не могу скрыть от внимания пресветлейшего князя, - обращался Едигей к Витовту, согласно польской хронике, в которой был использован текст ордынского оригинала, - что мы оба с тобой приближаемся к закату жизни. Не пристойней ли нам провести конец жизни в согласии и мире, чтобы кровь, пролитая в войнах между нами, впиталась в землю, чтобы ветер развеял взаимные упреки и проклятия, чтобы огонь уничтожил гнев и ожесточение между нами, чтобы пожары, все еще пылающие в наших странах, были погашены водой."(37)

Историческая память любого народа очень глубока. И чем дальше, вглубь веков уходит история народа, тем выше гордость народа за свою историю, тем больше вероятность противостояния агрессивной ассимиляции, тем шире надежды на национальное возрождение.

Чрезвычайно важную функциональную нагрузку в романе несет изображение ареста Куттыбаева и "обоснование" предпринятых против него репрессивных мер. Ему, в частности, инкриминируется преступное собирание фольклора тюркоязычных народов Средней Азии. Сотрудники ГПУ, арестовавшие Куттыбаева, предстают как жестокие жуаньжуани, преследующие цель стереть память и уничтожить традиционную культуру кочевых Евразийских степей. В романе акцентируется внимание на том, что сотрудники ГПУ конфискуют дневники Куттыбаева, в которых он тщательно фиксирует фольклор кочевых цивилизаций казахских степей. Сочетание образа собирателя фольклора и мученика, принявшего смерть, но не пожелавшего стать манкуртом – является свидетельством сопротивления автохтонного населения политике манкуртизации, проводимой Центром.

В конце 40-х - начале 50-х годов, действительно, Центром был предпринят крестовый поход против некоторых произведений устного народного поэтического творчества. Естественно, последовали "меры", в т.ч. репрессии против тех интеллектуалов, которые опирались на памятники устного эпоса, как источники патриотического воспитания. Административный аппарат Центра объявил многие традиционные произведения тюркоязычных народов националистическими, в том числе, казахский - Алпамыс, узбекский - Алпаныш, киргизский - Манас. Зрелая творческая интеллигенция из числа казахов и киргизов пыталась взять под защиту народные эпосы и отвести обвинения кле-

ветников в национализме. Протестуя против губительной политики манкуртизации, пытающейся очернить эпосы тюркоязычных народов, Ч.Айтматов привлекает внимание к богатейшему культурному наследию, его красоте, мудрости, гуманизму.

"Песня в моем понимании, - излагает Абуталип свою позицию и свое собирательство народных сказаний, - весть из прошлого ... До чего красиво пели в старину! Каждая песня - целая история."

На аварском языке самочувствие и песня сливаются в одном слове. И когда просят : "Сыграй мне одну мелодию", говорят - "бакъан"(38). Когда спрашивают о самочувствии, также произносят "бакъан".

Песни, как и все устное народное поэтическое творчество народа, это события, факты, дела людей, вся их жизнь, выраженная в слове, и в мелодии, или в надписи на кинжале:

(Две песни, два лезвия, две струны:

О смерти врагов, о свободе страны)

или в надписи на могильной плите:

(Он песни пел, и слушали другие.

Теперь он слушает, когда поют другие.)

Формирование гуманитарной интеллигенции из среды тюркоязычных народов, рост национального самосознания, в том числе вследствие осознания своей роли и участия в победе над Германией – пробудили глубокий интерес к истокам своей истории, к фольклору, к легендарным историческим деятелям. Наряду с положительной оценкой позитивной роли ряда правителей, в том числе золотоордынских, имели место и неоправданные преувеличения.

Москву встревожила волна движения в тюркоязычных регионах к своему наследию, к переосмыслению эпосов. 9 августа 1944 года было принято постановление ЦК ВКП(б) "О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации", в котором были "выявлены" серьезные ошибки "в освещении истории татарского народа, а также в татарской литературе и искусстве", и предложено Татарскому обкому ВКП(б) "организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Еди-

гее."(39)

И поскольку Едигей жил своей легендарной жизнью на страницах казахского и киргизского устного народного поэтического творчества, то, понятно, что стрелы процитированного партийного документа были направлены в адрес исторического наследия и других тюркоязычных народов, а не только поволжских татар.

В постановлении ЦК ВКП(б) "О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации" от 27 января 1945 года так же были осуждены допущенные "отдельными историками и литераторами, работающими в Башкирской АССР", серьезные идеологические ошибки в "освещении исторического прошлого башкирского народа". Постановление не прошло мимо башкирской версии тюркоязычного эпоса об Едигее. В подготовленных к печати "Очерках по истории Башкирии", в литературных произведениях - "Идукай и Мурадым", "Эпос о богатырях", - говорилось в партийном документе, - не проводятся разграничения между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодалное прошлое башкир."(40)

Наряду с фольклором тюркоязычных народов Поволжья, были подвергнуты "осуждению" и варианты эпоса об Едигее казахов и других тюркоязычных народов Средней Азии.

Более того, борьба против ордынского и фольклорного Едигеев тюркоязычных эпосов ("Манас", и т.д.) была частью наступательной кампании партии против роста национального самосознания. Блокировке этой тенденции послужили Постановления ЦК ВКП(б) "О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической работы среди населения" от 9 августа 1944 (41) года, "О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР" от 27 сентября 1944 года,(42) "О работе ЦК КП(б) Белоруссии" от 25 января 1947 года (43).

Описанные в романе "И дольше века длится день" арест Куттыбаева агентами ГПУ и конфискация записанной Куттыбаевым легенды о манкуртах, в сочетании с итогами политики манкуртизации, - призывают к переоценке одиозных оценок в проведении культурной политики

в республиках Средней Азии, к переоценке истинной значимости исторического, поэтического творчества кочевых народов в нынешних процессах национального возрождения. В самом деле, в историческом очерке, помещенном в последнем издании БСЭ о Татарской АССР, даже не упоминается имя Едигей.

Перелистывая тетради арестованного Абуталипа Куттыбаева, сотрудник бериевской службы иронизирует над фольклорными записями. "Подумаешь, писатель феодальной старины," - размышляет вслух, выдавая штампы из принятых в 40-е годы документов против исторической памяти тюркоязычных народов. Понятно, куда направлены стрелы айтматовской критики.

Его аргументы зовут к пересмотру документов, на основе которых были нанесены непоправимые удары по традиционной культуре тюркоязычных народов, и значительно прорежены ряды той части национальной интеллигенции, которая боролась за сохранение и возрождение исторической памяти своих народов.

Борьба центральных госпартийных аппаратов с историко-эпическими памятниками кочевых или полукочевых в прошлом народов стала особенно обидной для интеллигенции Среднеазиатских республик, когда в самом Центре стали выходить книги серии "Литературные памятники", возникшей по инициативе тогдашнего президента АН СССР С.И.Вавилова. Именно ему, в частности, принадлежала идея открыть серию изданием "Хождения за три моря" Афанасия Никитина, давшего образец глубокоуважительного отношения первого европейца, побывавшего в Индии к местным народам, языкам, культурам. Цель книг всей серии состояла в том, чтобы помочь литературе других народов служить делу взаимопонимания народов, усвоению инонационального опыта. Сам факт появления этой серии сыграл двоякую роль. С одной стороны, книги этой серии, начавшие выходить в тяжелых условиях послевоенного времени, когда многие исторические памятники были разрушены, нуждались в немедленном восстановлении, противостояли идеям национальной исключительности, национализма и шовинизма, под флагом которых нацистами и была затеяна кровавая война. С другой стороны, включение в серию классических произведений русской и других литератур, при одновременной борьбе с тюркским эпосом создавала у национальной интеллигенции комплекс неполноценности, ущемленности, социальной несправедливости. В самом деле, в серию

были включены такие вершинные фольклорные произведения средних веков, как "Песнь о Нибелунгах"(1972), "Песнь о Роланде"(1964), "Легенда о Тристане и Изольде" (1976), "Песнь о Сиде"(1959), "Эпос о Гильгамаше"(1961), "Старшая Эдда" (1963), "Младшая Эдда"(1970). Не остались в стороне и циклы русских фольклорных произведений - "Илья Муромец"(1958), "Добрыня Никитич и Алеша Попович"(1974).

В то же время в списки серии не попали выдающиеся эпосы тюркоязычного населения. Именно против этого был направлен протест айтматовского Абуталипа, подавленный репрессивными органами.

Поэтому, сегодня, в начале 90-х годов, имеет смысл хотя бы привести хронологию публикаций выдающихся эпических произведений устной поэзии тюркоязычных народов СССР и косвенно подчеркнуть тем самым этнополитическую значимость, поднятых айтматовским романом проблем по возрождению памятников культурного наследия тюркских народов. Напомним, что в серии "Эпос народов СССР", еще до выхода в свет романа "И дольше века длится день", были опубликованы туркменский (романический), узбекский, алтайский, казахский героические эпосы (44), а уже после - туркменский (героический), киргизский, якутский (45).

6. Память и беспамятство родной земли

Многообразна и многоаспектна тема взаимосвязи нынешнего беспамятства тюркоязычного населения степей Средней Азии с историей этих народов, с культурой, языком и образом жизни.

Исторический аспект беспамятства исследуется автором романа "И дольше века длится день" на разных уровнях - на уровне всего народа и на уровне отдельной личности, в глобальном геополитическом (судьба народов евроазиатских степей) и в конкретно-этническом, на примере казахского или киргизского народов. Важную роль призваны играть в романе разделительные линии, в том числе, без ведома коренного населения степей окруженный колючей проволокой безымянный Почтовый ящик - сверхсекретный космодром. Эти разделительные линии, особенно железная дорога, - чужды естественной жизни народов Средней Азии.

Забор из колючей проволоки, преградивший в романе путь похоронной процессии к родовому кладбищу, символизирует шапку манкур-

та, с помощью которой те, кто вторгся на землю предков индигенного населения и построил безымянный почтовый ящик - космодром, хотят отрезать у народа его историческую память, прервать связи настоящего с прошлым, иссушить корни у кроны этничности. Все эти ассоциации прозрачны, убедительны и оказывают сильное воздействие на психику читателя, способствуют формированию чувства протеста и росту национального самосознания и борьбы за свое национальное достоинство. Роман и заканчивается тем, что Едигей начинает борьбу за сохранение кладбища Ана-Бейит, а, следовательно, за восстановление исторической памяти и исторической справедливости. "В старые времена, - рассказывается в романе, - хоронить сюда привозили порой из таких дальних уголков, что приходилось людям ночевать в степи. Но зато потомки погребенных на Ана-Бейите законно гордились тем, что оказывали памяти предков особую почесть." Борьба, в которую вступает Едигей за сохранение Ана-Бейитского кладбища, - это борьба за сарозекский пантеон, борьба за национальное достоинство народа, создателя этого пантеона, борьба за самосохранение.

Национально-государственное размежевание, проведенное в 1924 году под предлогом и под знаменем национальной консолидации народов, в действительности превратило регион в бомбу замедленного действия. Народы, жившие веками совместно, оказались по разные стороны колючей проволоки, привнесенной в степи центральным (Московским) правительством. Суть разделительной политики состояла, во-первых, в том, чтобы заблокировать наметившиеся в 20-е годы тенденции к естественной консолидации тюркоязычных народов, во-вторых, воздвигнуть барьеры интеграционным процессам, углубляющимся на почве единой конфессиональной системы, в-третьих, оградить индигенные народы Средней Азии от нарастающего влияния Турции, в-четвертых, создать условия, при которых существовавшие в прошлом диалектальные различия переросли в различия между формирующимися литературными (национальными) языками, в-пятых, создать условия для успешной русификации. Читатель сам видит как переплетено в романе требование пересмотреть нежизнеспособные границы, сохранить землю коренным народам с требованием восстановить чувство родной земли, национальных памятников, кладбища предков, родного языка и родных (народных) обычаев.

И когда лейтенант Тансыкбаев рассказывает о том, что принято

решение ликвидировать родовое кладбище Ана-Бейит и воздвигнуть на его месте новый микрорайон, Едигей, еле сдерживая бешенство, в упор спрашивает его: "Слушай, а кто твой отец?".

Так неназойливо фиксируется внимание читателя на наличии неразрывной связи между утраченным языком своей национальности у сына и отцом, потерявшем себя, после того, как он предал интересы своего народа и смирился с системой, отторгнувшей у народа его исконную землю. Но Едигей сам, в конце концов, совершает погребальный обряд, находя в себе молитву, и произносит нужные к месту погребальные слова, обращенные к богу с просьбой определить душу Казангапа на вечный покой. Так перекликаются одни и те же слова на могиле казаха, которого хоронят за пределами отторгнутой территории кладбища, и на мраморном памятнике, воздвигнутом русским воинам в маленьком турецком городке Галлиполи.

Память у всех народов уникальна, а потому и универсальна. Манкуртизм нередко у разных народов выступает как пренебрежительное отношение к кладбищу. Одного из таких манкуртов, как "чересчур идейного товарища" жестоко высмеял Расул Гамзатов, рассказав об его выступлении на идеологическом совещании республиканского актива. "Мы ведем неустанную повседневную борьбу за укрепление дружбы между народами, - говорил этот высокоидейный человек о Махачкале, многонациональном городе, в котором есть православные, мусульманские, еврейские кладбища, - а между тем у нас столько разных кладбищ. Пора создать одно общее кладбище. Можно подумать и о названии. Скажем: "Дети одной семьи." Да и вообще... Мои родители, например, были верующими, они молились богу. Как же я, член партии с 1937 года, могу лежать в одном кладбище с ними? Нет, давно пора создать в нашем городе новое кладбище на более высоком идейном уровне"(46).

Беспамятство может быть многообразным в своих проявлениях и трагических последствиях.

Назовем хотя бы две разновидности исторической памяти: одну - корневую, что живет в народе и сама собой воспроизводится традиционными межпоколенными связями, и другую - как крону, расцветающую, набирающую силу и возвышение под пером и кистью талантливой творческой интеллигенции, стоящей на страже национального духа, народного знания, цивилизованности любого народа. И вполне естест-

венно, что в момент обширного кризиса памяти, совпадающего с необратимыми метастазами всей общественной системы, приоритет воспроизводства памяти принадлежит народу. А интеллигенции, упорно ищущей выходы из тупика беспамятства, приходится снова и снова припадать к родникам памяти, к сокровищнице народного эпоса, к вечнозеленым легендам из кладези устного народного поэтического творчества.

Ч.Айтматов интуитивно это осознал, воздвигнув краеугольным камнем в здание своего романа "И дольше века длится день" бессмертную легенду о несчастном манкурте-убийце памяти-матери.

Историографическая функция романа Ч.Айтматова состоит в том, что он обнаружил и перечислил сложнейшие узлы в жизни национальностей Средней Азии и трагические точки пересечений в межнациональных отношениях.

Железная дорога в романе не имеет прямой связи с восстановлением исторической памяти, но она несет важную смысловую нагрузку. Во-первых, железная дорога, как неоднократно повторяется в романе, разделяет естественную жизнь центральноазиатских степей на 2 части. Нетрудно себе представить, взглянув на географическую карту Советского Союза, сравнительно узкую площадь густонаселенной степной и лесостепной полосы, окрашенной с юга желтыми песками Каракумов и Кызылкумов, а с севера - густозеленой и бурозеленой краской бескрайних болот, тайги и тундры, полосы - лесостепной полосы - по которой веками и тысячелетиями передвигались народы то с востока на запад, то с запада на восток. И если слово "поезда" в повторяющемся рефрене романа "И дольше века длится день" мы заменим словом "народы" - мы получим геополитическую картину истории этого естественного природного коридора, вся жизнь которого наполнена передвижением кочевых народов, рождением кочевых цивилизаций, взаимовыгодными контактами кочевых и оседлых народов.

Во-вторых, в другом смысле, железная дорога превращает казахские степи в проходной двор, по которому бесконечно в одну и другую сторону передвигаются люди, товары, грузы, ломаются человеческие судьбы, перемежаются радость и печаль.

При этом автор романа не скрывает ни конкретных исторических причин великого переселения народов, ни конкретного новейшего времени, когда оно начиналось и сколько продолжалось. В одном случае

виной тому была всенародная война: "...и пошли эшелоны через Боранлы Буранный на запад с солдатами, на восток с эвакуированными, на запад с хлебом, на восток с ранеными". В другом случае - это освоение целинных степей, о чем говорится в более скрытой, в более осторожной форме: "...и ни конца, ни края - откуда только черпали эту неисчислимую людскую рать, эшелон за эшелон проносился на фронт днем и ночью, неделями, месяцами, а потом годами и годами (выделено мной - М.Г.). Мне кажется, что выделенные мной слова не заметили зарубежные критики, не захотели заметить наши соотечественники. В итоге всех этих передвижений, как упоминается в романе: "Даже на таком глухом полустанке, как Боранлы-Буранный, сразу стало ощутимо как резко переиначилась жизнь на кругах своих..." (выделено мной -М.Г.). В итоге железная дорога дает ключ к пониманию того, как ломаются традиции степной жизни, как приносятся под казахстанское небо новые стандарты поведения и взаимоотношения разнохарактерных и разноязычных людей.

В-третьих, в широком смысле, дорога, живущая неутомимой, динамичной жизнью (рефрен "А поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток" повторяется в открытой или скрытой форме более десятка раз), имеет более глубокий смысл. И конкретно-историческая увязка изменений, связанных с этой дорогой и казахской степью во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, когда Центральным правительством было принято решение об освоении целинных земель, уступает место более широкому геополитическому контексту. Этот контекст необходим автору романа для того, чтобы перекинуть мостик между прошлым и настоящим и целенаправленно вызывать у читателя необходимые эмоции и ассоциации с нынешними болячками степных обитателей и полуразрушенной степной жизни.

Выделенный петитом и вмонтированный в текст романа рефрен о поездах, идущих то в одну, то в другую сторону, повторяется 12 раз. Наряду с отмеченным выше геополитическим смыслом, этот двенадцатикратный рефрен вызывает не только историко-пространственные, но и фольклорно-поэтические ассоциации, например, с композицией и стилевыми особенностями киргизского героического эпоса "Манас", в котором, как известно, многократное повторение какого-либо рефрена, например, деепричастия "деп" ("сказал", "сказав") в конце, середине или в начале прямой речи, обусловлено национальными

языковыми особенностями и своеобразием тюркского эпического сказа (47). Наряду с этим в указанном эпосе число 12 упоминается, как годовой цикл, как 12-ти тысячное войско богатыря кыпчаков, прибывающего на поминки киргизского хана Кёкебая, как 12-й день поминок знатного хана (48) т.д. Манкурт, манкуртизация, беспамятство в человеке и беспамятство на земле, шапка манкурта на голове несчастного и колючая проволока вокруг степного пантеона - все это незримыми нитями связано с историей земли, на которой веками создавалась кочевая цивилизация, и на которую всегда были внешние претенденты, и внутри которой междуусобицы чередовались временами затишья. И повторяющийся рефрен бесконечных поездов делает свое дело: прокладывает дорогу не только с востока на запад, и наоборот, но и дорогу к предкам, дорогу к истории евроазиатских степей. Наконец, это дорога читателя к самому себе, дорога внутри человека.

Из череды столетий, из вереницы примеров этнических передвижений по степным просторам Ч.Айтматов выбирает то, что наиболее плотно связывает прошлое с настоящим, память с беспамятством.

Кочевые жуаньжуани, "вынесшие из своей кромешной истории" самый жестокий вид варварства - разрушение в человеке его разума и памяти, хлынули на север, в казахстанские степи из южных пределов кочевой Азии "и, надолго завладев сарозеками, вели непрерывные войны с целью расширения владений и захвата рабов... Но сопротивление чужеземному нашествию возросло. Начались ожесточенные столкновения. Жуаньжуани не собирались уходить из сарозеков, а, напротив, стремились прочно утвердиться в этих обширных для степного скотоводства краях. Местные же племена не примирялись с такой утратой и считали своим правом и долгом рано или поздно изгнать захватчиков."

7. Вулканы памяти...

или

социальные и экологические беды нашего времени.

Многолики проявления манкуртизма. Оказывается, забывать можно не только свое имя, своих родителей, свою историю, но и свою родную землю. И если люди теряют чувство родной земли, и земле, и им грозит общая беда. Манкуртизм по отношению к земле - наказуем. Пе-

речисленные идеологемы Ч.Айтматов разворачивает на примере бедственного положения Арала, воды которого стали высыхать вследствие возведения необдуманных широкомасштабных ирригационных сооружений в Среднеазиатском регионе. Вслед за исчезающей водой гибнет рыба, наступает засоление почвы, бегут, спасая свои жизни, жители процветающих некогда берегов Арала.

В судьбе главных героев романа - Едигея и Казангапа, живших в довоенные годы в деревнях на берегу Арала, отражена огромная экологическая и острая социальная проблемы, о которых долгое время не принято было говорить в открытой печати. Как не принято было критиковать засыле монокультуры хлопка в Узбекистане, табака в Молдове, пораженных ядохимикатами фрукты в других республиках.

Насколько раз упоминаются в романе "И дольше века длится день" трагические события в истории кочевых тюркоязычных народов, и прежде всего, казахов, связанные с коллективизацией. Судьба Казангана, одного из приаральских казахов, сломалась с тех пор, как его отца, подобно многим тысячам хозяев - середняков, попавших под перегиб, выслали в ходе ликвидации кулачества как класса. За отказ выступить и принародно отречься от отца, Казангапу пришлось податься в дальние края, чтобы избежать позора, и никогда больше не вернуться в родные приаральские степи, в родной Бешагач.

"Малый Октябрь" , - так называют сегодня в Казахстане широкомасштабную насильственную коллективизацию 1931-1932 годов, в ходе которой рушились образ жизни и вековые традиции кочевников, имело место обширное разорение народных масс, значительное сокращение поголовья скота - главного источника существования кочевого народа. В самом деле, там, где оседлое население перебивалось затирухой с лебедой, кочевые казахи, лишаясь главного источника своего жизнеобеспечения, не приспособленные к растительной пище, вымирали целыми семьями. Об этом принято было молчать, за семью замками держать эту память и эту правду.

Прошло более десятилетия со времени публикации романа, но до сих пор, до середины 1992 года, не дана официальная оценка событиям тех страшных лет. Об этом, в частности, говорилось еще в начале июня 1989 года на сессии Верховного Совета Казахской ССР. Одновременно было принято решение о создании парламентской комиссии для расследования истинной сути событий первой половины 30-х годов,

когда в результате насильственной коллективизации от голода в Казахстане погибли 2,5 миллиона человек.

Память жертв голода депутаты Верховного Совета Казахской ССР почтили минутой молчания. "Пора, - говорили многие из них, - дать оценку событиям тех лет, назвать имена виновников"(48)

Между тем, айтматовский герой - Казангап - говорил об этом же самом десятилетием раньше.

Когда, Сабитжан, его манкуртизированный сын, посмеиваясь, попытался неловко пошутить над судьбой казахов, которые в годы коллективизации вынуждены были уйти в Синьцзянь, а позднее бежать оттуда обратно, побросав свое имущество, Казангап, задрожав от гнева, дал сыну понять, что для него, жертвы той же коллективизации, трагедия не забыта и никогда не будет забыта.

- Знаешь, Сабитжан, мое дело - по мне, то, что мне по плечу. В другие дела я не вмешиваюсь. Но запомни, сын, я думал, ты своим умом уже дошел, так вот запомни. Только на бога не может быть обиды - если смерть пошлет, значит жизни пришел предел, на то рождался, - а за все остальное на земле есть и должен быть спрос!" Именно для предъявления этого спроса Верховный Совет Казахской ССР создал упомянутую комиссию в ответ на заявление группы старейших писателей республики.

О том, кто виноват в экологической катастрофе, читатели догадываются по биографии того же Казангапа. Во времена коллективизации, обернувшейся для многих тысяч кочевых казахов насильственным переводом на оседлый образ жизни, родители Казангапа были высланы с берегов Арала. В результате была нарушена целая экониша, что и стало причиной медленного умирания Арала.

Так сливаются, по крайней мере, четыре сюжетные линии: экологическая (гибель Арала), социальная (ликвидация кулачества как класса), национальная (бегство от родной земли) и семейная (разрушение семьи Казангапа). Национальная катастрофа дублируется катастрофой личности. Сын Казангапа - Сабитжан становится современным манкуртом, по вине тех, кто "слома" Аральское море, кто умертвил около одного миллиона кочевых казахов, и кто сажал в тюрьму Абуталипа, за то, что тот старался сохранить историческую память народа, записывая памятники его традиционной культуры. Пересечение общих и личностных проблем в связи с принудительной ман-

куртизацией, осуществляемой теми, кто огородил пастбища колючей проволокой для космодрома, теми, кто запрещал собирать и фиксировать фольклорные материалы, Ч.Айтматов дополняет психологически сильной сценой, когда в последние минуты перед отправкой в тюрьму Абуталип просит Едигея, передать эстафету памяти - рассказать его маленьким сыновьям об Аральском море.

Уничтожение Арала выступает со страниц романа "И дольше века длится день" как необратимая экологическая и национальная катастрофа. В вынесении сурового приговора виновникам этого бедствия Ч.Айтматов не одинок. Об этом писали казахский поэт Олжас Сулейменов, многие русские писатели, поэты, ученые, общественные деятели.

Всего за десять лет до появления романа "И дольше века длится день" по всем издательствам была разослана цензурная инструкция с грифом "секретно", запрещающая в открытой печати упоминать наряду со сталинским произволом 1937 года и тюрьмами - случаи "отравления природы", т.е. об экологических катастрофах. Слово в защиту Арала было сказано Ч.Айтматовым не по политическому заказу, а по велению души, по зову сердца, по гражданскому долгу.

Более того, пройдет всего шесть лет после выхода романа в свет, и откроются шлюзы острых выступлений против череды экологических катастроф в различных уголках страны. Приведем некоторые выдержки из этих выступлений. "Умирание Аральского моря, - по словам узбекского писателя Сарвара Азимова, - началось давно... Особенно резко оно ускорилося в шестидесятые годы: в республиках Средней Азии начало развиваться орошаемое земледелие. Вода, наполнявшая прежде Арал, растекалась теперь по тысячам километров каналов, по миллионам гектарам полей... С 1960 года по сей день Арал уменьшился почти вдвое по средней глубине, на треть площади акватории и более чем вдвое по объему воды ... Арал практически потерял свое транспортное и промысловое значение"(50).

Трагически звучат беспристрастные слова из текста политического документа о крупнейшей экологической катастрофе нашей планеты, катастрофе, связанной с дальнейшим ухудшением санитарно-эпидемиологической, социально-экономической и экологической обстановки в Каракалпакской АССР, Кызыл-Ординской, Хорезмской и Ташаузской областях в связи с экстремальной ситуацией, сложившейся во всех сферах жизни. Приведем эти слова, памятуя, что взяты они не из

эмоциональных выступлений писателей и поэтов, а из рационально взвешенного, научно обоснованного сухого Постановления Верховного Совета СССР "О ходе выполнения Постановления Верховного Совета СССР "О неотложных мерах экологического оздоровления страны" по проблемам Аральского моря". "Экологическая ситуация в регионе - констатируется в указанном документе, - вышла из-под контроля человека. Климат Приаралья резко ухудшается. Усиливается вынос солей и пыли с осушенного дна моря. Продолжается опасное загрязнение пестицидами и засоление главных источников питьевой воды региона рек Амударьи и Сырдарьи. Поднялся уровень агрессивных грунтовых вод, погибают сады и виноградники, разрушаются строения. Снижается плодородие почвы, деградируют пастбища. Из-за осолонения море полностью потеряло рыбопромысловое значение, происходит утрата генофонда ценных видов рыб. Усилилось разрушительное воздействие опустынивания на памятники культуры, истории и архитектуры мирового значения. Экономический ущерб, наносимый народному хозяйству этой экологической катастрофой, в целом по Приаралью доходит до нескольких миллиардов рублей в год." (Известия, 1991, 8 марта). Роман Ч.Айтматова был создан на рубеже 70-80-х, процитированное Постановление Верховного Совета - принято 4 марта 1991 года, катастрофическая беда началась гораздо раньше.

О потрясающих фактах отравления экологии Еревана и других городов химической промышленностью сообщалось М.С.Горбачеву 350 деятелями культуры и рабочих в марте 1986 года. "Из семи наиболее отравленных городов СССР ... пять находится в Армении. Химические заводы Еревана, Алаверди, Кировокана, Кафана, Каджарана и других городов, а также цементный комбинат Раздана, уничтоживший близлежащие леса, растительный и животный мир..."

Бесконтрольное производство химической промышленностью Армении сильных ядохимикатов вызвало увеличение заболеваемости десятками болезней... За последние 15 лет число умственно отсталых детей возросло в 5 раз, число душевнобольных - в 6 раз, белокровия в 4 раза, количество ненормальных и преждевременных родов - в 7 раз, инфарктов сердца - в 8 раз (51).

Об экологической катастрофе Молдавии с горечью поведал писатель Ион Друце: "Четверть века над полями Молдавии вьются химические бури... В конце концов использование ядохимикатов в Молдавии

вышло из под контроля. Колхозам предоставлена полная свобода - сыпь и сыпь. И они сыплют. В среднем - по 22,5 килограмма на гектар, то есть в десять и более раз щедрее, чем по стране...

Ассимилируясь с питательными веществами, химикаты проникают в колос, в ягоду, в овощ... Попав в человеческий организм и превратившись в нитраты, они прежде всего атакуют иммунную систему и наследственный аппарат...

Ни для кого уже не секрет, что после увлечения этими пестицидами в Молдавии стали рождаться неполноценные дети. Сегодня в Молдавии действуют около пятидесяти школ для больных детей "(52).

8. Вначале было слово ...

или

о роли языка в национальном возрождении

"Хмурия черные брови над раскосыми глазами", начальник караула лейтенант Тансыкбаев решительно пресек попытку Едигея заговорить на казахском языке: "-Товарищ посторонний, обращайтесь ко мне на русском языке. Я лицо при исполнении служебных обязанностей!". В эту емкую этноязыковую микроситуацию Ч.Айтматов вложил многогранную этнополитическую проблему.

Во-первых, убийственная самооценка лейтенанта с раскосыми глазами, а точнее, его самоотречение от этничности, выраженное им самим тем, что он не человек, а "лицо при исполнении служебных обязанностей", во-вторых, лейтенант Тансыкбаев -сын того кречетоголового, который во времена разгула бериевщины арестовал Абуталипа Куттыбаева, обвинив его не только в том, что в годы войны он оказался в плену, воевал и имел связи с югославскими партизанами, но и в том, что он целью своей жизни ставил сохранение исторической памяти родного народа, записывая памятники устного народного творчества, в-третьих, лейтенант Тансыкбаев, казах, находясь на казахской земле по ту сторону колючей проволоки, неоднократно называет Едигея и остальных своих соплеменников посторонними, в-четвертых, для исполнения служебных обязанностей ему не нужен казахский язык, он обходится русским языком. Неудивительно, что в данной этноязыковой ситуации даже выдавший виды Едигей теряет дар речи и забывает суть своей просьбы, ради которой он появился перед

шлагбаумом контрольно-пропускного пункта на территории космодрома, расположенного среди обширных казахстанских степей и огороженного колючей проволокой. Колючая проволока и заградила путь похоронной процессии к родовому кладбищу Ана-Бейит, а вместе с тем путь к своей истории, к своим корням. И глядя на молодого манкурта Тансыкбаева, Едигей - хранитель исторической памяти народа (а потому и вызывающий симпатию Айтматова) - начинает понимать, что ему не удастся похоронить своего друга Казангапа на казахском кладбище, и что его связующая нить с историей сарозеков обрывается и вмиг превращается в ничто.

Здесь содержится недвусмысленный намек на языковые реформы 20- 30-х годов, которые в конечном счете привели к обрыву преемственности и создали угрозу потери исторической памяти через забвение нынешними поколениями языка, в том числе арабского шрифта, на котором были написаны многие шедевры коренного населения Средней Азии. Так, например, в результате перевода казахской письменности сначала в 1930 году с арабского алфавита на латиницу, а затем в 1940 году на русскую азбуку, нынешним поколениям оказались недоступными письменные памятники XIX века, написанные на арабском шрифте.

Разработанная для киргизского языка письменность на арабской графике, в 1926 году была переведена на латиницу, а в 1940 года на кириллицу. Подобные реформы имели место и в истории и двух других многочисленных тюркоязычных народов Средней Азии. Письменность туркменского языка, существовавшая до 1928 года на основе арабской графики, была переведена сначала на латиницу, и, просуществовав до 1940 года, была затем еще раз реформирована, переводом на русскую азбуку. Арабская письменность узбекского языка была "отменена" в 1927 году, а в 1939 г. кратковременное функционирование латиницы было заменено введением русского алфавита.

Осуществление языковых реформ 20-30-х годов имеет свою поучительную периодизацию. Далеко не случайна в романе ассоциация с тем, что они были проведены безжалостно и бездумно в духе легенды о страшном ремесле жуаньжуаней, научившихся лишать свои несчастные жертвы памяти.

На первом этапе языковой реформы было сломлено отчаянное сопротивление интеллектуальной элиты народов Средней Азии и выкорче-

ваны корни мусульманской традиции, подпитывающие этничность, язык, культуру на основе арабской графики. Пример героя турецкой революции и инициатора языковой реформы Кемаля Ататюрка был поставлен на службу этой злокачественной идее. К сожалению, пример сработал. Однако, в дальнейшем, по мере функционального углубления литературных языков и по мере внедрения латинизации перед сталинским режимом начала подниматься новая волна страха перед возможной национальной и интер(меж) национальной консолидацией тюркоязычных народов Средней Азии.

И был срочно придуман и безоговорочно претворен в жизнь второй этап: перевод литературных языков народов Средней Азии с латинского на русский алфавит. Три далеко идущие цели преследовала эта реформа. Во-первых, необходимо было преградить путь межэтническим консолидационным тенденциям, во-вторых, оградить тюркоязычные народы Средней Азии от возрастающего этнополитического и социокультурного влияния Турции, в-третьих, сбить с толку сами народы, искусственно раздувая различия между ними и эффективно закрепляя эти различия с помощью национальной государственности и ощущения этноизоляционализма. Сама идея самобытности была гипертрофирована и использована для возведения дополнительных барьеров между народами. Ключая проволока вокруг космодрома на обширных степях - еще одно символическое пояснение.

Колокольный гул романа "И дольше века длится день" не исчез под бескрайним среднеазиатским небом. Он слился с песнями и гимнами родному языку, прозвучавшими в разных концах страны. Немало поэтов поклялись в верности языку своей национальности. Запомнилась позиция Расула Гамзатова:

Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.(53)

Достаточно перелистать сегодня законы о государственных языках, принятые в республиках Средней Азии в 1989 году, чтобы убедиться в том, что боль от языковых реформ 20-30-х годов не утихла и по сей день. В ходе подготовки к языковой реформе 1989 года в республиках Средней Азии было уделено значительное внимание восстановлению традиций литературных языков, основанных на

арабской и латинской графике. Следы жарких дискуссий, звуки набата, услышанные общественностью, нашли отражение в новых законах о языках.

В республике Кыргызстан согласно ее языковому закону "создаются условия для изучения киргизского языка, основанного на арабской и латинской графике в общеобразовательных школах, средних специальных, высших учебных заведениях гуманитарного профиля с киргизским языком обучения" (53). Казахская ССР "содействует изучению традиционной казахской письменности на основе арабской графики в научных целях, для чего осуществляется подготовка соответствующих научно-педагогических кадров и создается для этого необходимая материально-техническая база" (55). В Узбекистане "в школах с узбекским языком обучения и в группах средних специальных и высших учебных заведений с узбекским языком обучения обеспечивается изучение узбекской письменности на основе арабской письменности как учебного предмета" (56). Таджикская ССР, подобно тюркоязычным республикам, также "создает необходимые условия для изучения таджикской письменности, основанной на арабской графике, и издания литературы на этой графике" (57).

Восстановление функционирования арабской и латинской график имеет не только узколингвистическое, не только широкое этнополитическое, но и более глубокое этнопсихологическое значение, так как является ответом на вызов времени, ответом на рост национального самосознания, компенсацией за долгие годы манкуртизации.

Согласно космической линии романа, даже инопланетяне, готовясь к контактам с землянами, стали двуязычными - "изучили и систематизировали путем радиоперехвата в космосе английские и русские слова и составили земной словник". Мораль ясна, если хочешь дружбу, готовь двуязычие, овладевай языком той земли, с обитателями которой решил иметь контакты. А контакты чрезвычайно важны. Например, обитатели планеты Лесная Грудь "полны желания вступить в контакт с землянами не только из естественной любознательности, но, как полагают они, прежде всего ради торжества самого феномена разума, ради обмена опытом цивилизаций, ради новой эры в развитии мысли и духа вселенских носителей интеллекта."

Более того, гуманистическую миссию двуязычия роман "И дольше века длится день" видит "в объединении общих усилий ... основной

путь обеспечения беспредельной продолжительности жизни в природе."

Не навязчиво, но достаточно твердо, отчетливо и последовательно в романе утверждается мысль, призыв к уважительному отношению к языкам коренного населения обширных казахстанских и Среднеазиатских степей. Необходимость знания вызывается и со стороны общества, и стороны отдельного человека, в том числе со стороны тех, кто приехал на степные просторы из других регионов страны. Глухой, железнодорожный разъезд "при великой Сары-Озекской степи" - "это маленькое связующее звено в разветвленной, как кровеносные сосуды системе других разъездов, станций, узлов, городов... открытый всем ветрам на свете... Потому и называется этот степной разъезд Боранлы-Буранный, и надпись висит двойная: Боранлы по-казахски, Буранный - по-русски..." Двойная надпись - это акцент на необходимость паритета в межэтнических и межкультурных отношениях. Это важно соблюдать и на земле, и в космосе.

Текст послания, составленного паритет-космонавтами, перед тем, как покинуть орбитальную станцию "Паритет", написан на двух языках - на английском и на русском и подписан паритет-космонавтом 1-2 и паритет-космонавтом 2-1.

В романе часто встречаются пословицы, диалоги, определенные слова из тюркских(казахского, киргизского) языков.*

Конечно, Чингиз Айтматов не Лев Толстой, а роман "И дальше века длится день" - это не многотомная эпопея "Война и мир", но масштабы поднятых в романе проблем соотношения памяти и беспамятства вполне соизмеримы. Французской речи русского дворянства у Льва Толстого отведены целые страницы. Бесконечны споры между литературными критиками относительно того, как выглядел бы роман без

-----
* Приведем краткий перечень понятий и терминов, перевод и смысл которых дан в постраничных комментариях романа:

Агай - учитель, Ана-Бейит - материнский покой, Арстан - лев, Атанша - молодой самец; бачара - бедолага, Бейбах - несчастливица, Боранлы - буранный, Борнбасар - волкодав; Джаназа - общая молитва в доме умершего; Жоламан - имя, образованное из двух слов - "жол" - путь, и "аман" -здоровье, что означает в целом пожелание: "Будь здоров в пути!"; Жолбарс - тигр, Жырау

показа в нем реального русско-французского двуязычия. Ч. Айтматов решает этот спор в пользу изображения двустороннего (паритетного) двуязычия. Его примеры двуязычия уместны и нацелены на изображение добровольности, правомерности, паритетности двуязычия. Более того, паритетность (взаимное тюркско-русское и русско-тюркское двуязычие) является частью более широкого явления паритетности в отношениях между носителями двуязычия. Язык едва ли не самый сильный элемент этнической идентификации. Соответственно знание и употребление двух языков - немаловажный фактор взаимопонимания народов, достижения консенсуса, согласия, установления общего мира и порядка. Случайно ли в фантастическом субромане, посвященном вземным сюжетам, космическая станция названа "Паритет", а где-то "в Тихом океане, южнее Алеутских островов, в квадрате, примерно, на одинаковом расстоянии от Владивостока и Сан-Франциско", находится авианосец "Конвенция". Конечно, от реальности до идеала, как от Земли до вземных цивилизаций, далеко. Однако, не случайно именно в казахском, а не в каких-либо других из языковых законов, принятых в 1989 г. в ходе языковой реформы, когда были предусмотрены принципы взаимоотношений между языками и их носителями, были установлены паритетные отношения.

Намек романа был понят и реализован. Законодатели, похоже, прислушались к голосу писателя и к идее паритетности. "Казахская ССР, - гласит специальная (5-я) статья закона "О языке в Казахской ССР", - проявляет государственную заботу о всестороннем развитии национально-русского и русского-национального двуязычия"(58).

Отзвуки идеи паритетного двуязычия слышны не только в казахском законе. Согласно статье 3-й Закона "О функционировании языков

- степной бард; Ини - младший брат, земляк, младший родич; Кайманча - молодая верблюдица; кокетай - ласкательно-уменьшительное, в то же время ласкательное обращение; кумбез - гробница; "кюш атасын танымайды" - сила отца не признает; "мал неси нудайдан" - хозяин скотины от бога; сагындым - истолковался, измучился в тоске; "сыйдан сыйы бар"- уважение от уважения, сырттан - сверхсущество, сверхчеловек; тайлак - детеныш верблюда; хайван - скотина; тубат - кумыс из верблюжьего молока; шиш - деревянная заноза, продеваемая в верхние губы верблюда.

на территории Молдавской ССР" русский язык "как язык межнационального общения в СССР используется на территории республики наряду с молдавским языком как язык межнационального общения, что обеспечивает осуществление реального национально-русского и русского-национального двуязычия" (59).

После смерти Сталина и разоблачения преступлений бериешчины, Едигей решает обратиться к своему давнему другу - Афанасию Ивановичу Елизарову, которого за редкую принципиальность и порядочность ласково именует аргамакон - скакуном чистых кровей - по вопросу о реабилитации Абуталипа Куттыбаева. Елизаров, бывший московский комсомолец, очутившийся в Туркестане еще в двадцатые годы, встретив старого друга Едигея, не только принимает его, как особого гостя, по казахскому национальному этикету, но и произносит народную заповедь по-казахски: "Сыйдын сыйы бар" (Уважение от уважения). Русский в Казахстане, знающий казахский язык, вызывает явную симпатию автора романа "И дольше века длится день". К сожалению, приходится отметить, что в конце 70-х годов, когда писался роман, очень трудно было найти реальный прототип для изображения в Казахстане казахскоговорящего русского. По переписи 1979 года лишь 40 тыс. человек (всего 0,7%) из 6-миллионного русского населения (60) Казахской ССР могли, подобно Елизарову, разговаривать со своими друзьями-казахами на казахском языке.

Сейчас, после языковой реформы 1989 года, ситуация должна измениться. Именно на это, на паритетное национально-казахское и казахско-русское двуязычие нацелен, например, новый Закон Казахской ССР "О языках в Казахской ССР". Республика обязуется создавать условия, чтобы не только казахи приобщались к русскому языку, но и чтобы неказахи овладевали казахским языком, возведенным в ранг государственного языка республики. В будущем для лиц некоторых профессий и специальностей - знание двух языков предписывается Законом. Статья 16-я этого Закона, в частности, гласит: "Работники органов государственной власти и управления, правоохранительных органов, органов социального обеспечения, учреждений народного образования, культуры и здравоохранения, предприятий торговли, бытового обслуживания, связи, транспорта, коммунального хозяйства, средств массовой коммуникации и информации обеспечивают прием граждан и беседу с ними на языке обращения, а по мере создания соответ-

ствующих условий овладевают казахским и русским языками, а в местах компактного проживания других национальных групп - и их языками в объеме, необходимом для выполнения служебных функций"(61).

Более того, закон предполагает, что в расчете на перспективу, по мере повышения уровня профессиональной подготовки и образования в области казахского и русского языков, будет реализовываться аттестация и подбор кадров со знанием двух языков, разумеется, с обязательным учетом прежде всего деловых, моральных и политических качеств работников (62).

В Законе "О государственном языке Киргизской ССР" также предусматривается знание и применение государственного (киргизского) языка в объеме, обеспечивающем выполнение своих служебных обязанностей руководителями и всеми другими работниками органов государственной власти и управления, общественных и кооперативных организаций, правоохранительных органов, народного образования, здравоохранения, культуры, связи, транспорта, торговли, бытового обслуживания, коммунального хозяйства", т.е. всеми теми работниками, в функции которых "входит общение с гражданами" (63).

Лаконична статья еще одного Закона: "О государственном языке Узбекской ССР". Закон обязывает руководителей и работников органов государственной власти и управления, работающих в Узбекской ССР "знать государственный язык республики в достаточной мере для выполнения своих служебных обязанностей"(64).

В разных республиках, среди различных национальностей углубляется стремление активизировать память, оживить язык, вдохнуть новую жизнь национальной культуре.

Поистине фундаментальное значение для каждого народа - создание письменности и через письменную культуру - удвоение механизмов, каналов передачи памяти от поколений поколениям. Знаменательным событием весны 1991 года для русского и других славянских народов страны явилось объявление 24 мая Днем славянской письменности. Появление языка - едва ли не истоки истории народов, появление письменности и зафиксированная мысль - это уже начало вечности. "Придавая важное значение культурному и историческому возрождению народов России и учитывая международную практику празднования дня славянских просветителей Кирилла и Мефодия , - говорится в Постановлении Верховного Совета РСФСР, - объявить 24 мая Днем

Славянской письменности и культуры "(65).

Шестой всероссийский праздник славянской письменности и культуры, состоявшийся в конце мая 1991 года в Смоленске, собрал известных ученых-славистов, писателей и поэтов из многих стран. Праздник дал возможность продолжить начатый ранее разговор об истории и культуре славянства, о том, как добиться подлинного возрождения славянских народов, как реализовать идею создания славянского университета, как укрепить корни и украсить крону славянской цивилизации. Праздник памяти письменности, вне всякого сомнения, имеет право стать общеславянским. Праздник письменности многим незрячим открыл глаза на то, что у каждого из нас отношение к истории, своя доля в национальной культуре. Надо лишь методически познавая свою историю, двигаясь от века к веку, вглядываясь в мозаику событий и в галерею лиц, ощутить себя включенным в этот непрерывный процесс. Такое напутствие получили, в частности, участники полуторамесячного "Славянского хода", завершившегося на древней Смоленской земле из далекого Афона, от настоятеля Свято-Пантелеймоновского монастыря отца Иеремии. "В дни светлого праздника Славянской духовности - говорится в этом послании, - примите самые сердечные поздравления из Свято-Пантелеймоновского монастыря на горе Афон - древней обители Православной веры и культуры. Здесь, несмотря на суровые испытания и трудности, выпавшие на долю очага Славянского просвещения, неугасимо горит лампада чистого духа и любви к ближнему" (66).

Когда сливаются воедино праздник языка и праздник памяти, как не вспомнить короткий Бунинский шедевр о родном языке?

Молчат гробницы, мумии и кости,

- Лишь слову жизнь дана:

Из древней тьмы, на мировом погосте,

Звучат лишь письмена.

И нет у нас иного достояния!

Умейте же беречь

Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья

Наш дар бессмертный - речь.

(7.01.1915.Москва)

Роман "И дольше века длится день", наряду с другими манифестами национальной памяти еще раз подтвердили жизненную силу пламенного призыва - беречь язык своего народа.

9. Обретение памяти... **или** **о месте религии в воспроизводстве этничности**

В романе содержится немало прямых и косвенных указаний на позитивную благотворную связь этнического и конфессионального факторов. Большие жизненные силы, богатый духовный запас, прочность соционормативных установок и строгое следование им в жизни у Едигея и Казангапа, тридцать лет проработавших вместе на степном безлюдном разъезде, ("а по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства - Сары-Озеки, Серединные земли желтых степей") обусловлены их мусульманскими корнями. "Чтобы жить на сарозекских разъездах, - говорится уже на первых страницах романа, - надо дух иметь... Степь огромна, а человек невелик. Иные, глядя из вагонов мимоходом, за голову хватаются - господа, как тут люди могут жить?! Кругом только степь да верблюды! А вот так и живут, у кого на сколько терпения хватает. Три года, от силы четыре продержится - и делу тамам (конец): рассчитывается и уезжает куда подальше. На Боранлы-Буранном только двое укрепились тут на всю жизнь - Казангап и он, Буранный Едигей."

Однако это исламское наследие противоречиво, и Ч.Айтматов не скрывает этого. Более того, он идет навстречу этому противоречию, чтобы вскрыть проблемы, показать несовместимость современной цивилизации с отдельными догмами ислама.

Так, например, Едигей, с одной стороны, испытывает страх перед новейшей технологией (ему становится жутко, не по себе), когда он видит старт космической ракеты ("неужто, - думает он, - в этом огнище сидит человек?"), а, с другой стороны, он не испытывает никаких сомнений и колебаний в экстремальных ситуациях, когда ислам дает ему надежные ориентиры того, как себя вести, в частности, тогда, когда наступает смерть, когда умирает человек. Показателен в этом отношении его диалог с национально-безликим дежурным по разъезду - Шаймерденом, утерывшим свои национальные и мусульманские корни.

"Ты подумай, - говорит Едигей ему, - среди нас человек умер, нельзя, не положено ни у кого оставлять покойника одного в пустом

доме.

- А откуда ему знать... один он или не один?

- Зато мы знаем!...

- Ну что ты хочешь?... Что там будешь делать, все равно ночь кругом.

- Буду молиться. Покойника буду обряжать. Молитвы буду приносить. (Так в тексте - М.Г.)

- Молиться? Ты, Буранный Едигей?

- Да я. Я знаю молитвы.

- Вот те раз - шестьдесят лет ...советской власти.

- Да ты оставь, при чем тут Советская власть! По умершим молятся испокон веков. Человек ведь умер, а не скотина!"

В то же время самого Шаймердена, проявившего безразличие к смерти Казангапа, выявившего потрясающее непонимание и неуважение к традиционным похоронным обрядам, Едигей называет скотиной: ("хайван безмозглый").

Таким образом, бесчувственность, безнравственность, бессовестность есть прямое следствие отсутствия корней, пренебрежение к национальным и мусульманским истокам.

На погребение Казангапа, от общей молитвы, джаназы, осуществляемой незадолго до выноса тела, и до последней молитвы с развернутыми перед лицом ладонями у засыпанной могилы, в романе отводится целый день. Но этот день вмещает в себя больше века, потому что на изображение всей жизни требуется очень много жизненного и романного времени.

Ислам насыщен сложной обрядностью, многочисленными предписаниями и запретами, регламентирующими все поступки верующего, весь образ жизни человека от рождения до похорон. И всех людей легко разделить на верующих, на тех, кто соблюдает все предписания, и участвует в обрядах, и тех, кто не выполняет и не соблюдает обычаи. Манкурты относятся к разряду вторых. Едигей, выполняющий просьбу своего умершего друга Казангапа - похоронить его на кладбище Ана-Бейит - к разряду первых. По сравнению с родильными и свадебными обрядами из цикла семейной обрядности, наиболее тесно связывающих ислам и этничность, похоронный обряд, дает, пожалуй, наиболее широкий простор для изображения роли традиций, роли преемственности в сохранении национальной культуры и самого народа. Не случайно погребение Казангапа завершается клятвой выполнить за-

вет Едигея и похоронить его самого "бок о бок с Казангапом". "Если так, Едигей, сделаем, как ты хочешь. Не сомневайся," – звучит ответ Длинного Эдильбая.

В организации похорон Казангапа Едигей следует предписаниям традиционного мусульманского обряда, тем самым демонстрируя принадлежность к своему народу, к национальной культуре, к истокам и корням: "омыл покойника, как полагается, руки ноги выправил и уложил как полагается, белый саван скроил и обрядил в него Казангапа как полагается, не жалея на то полотна." Утром, перед отправкой на кладбище, "наглухо запеленатое в плотную кошму и перевязанное снаружи шерстяной тесьмой тело Казангапа с закутанной головой положили на прицепную тракторную тележку, предварительно подостлав на дно опилок, стружек и слой чистого сена." А вечером, перед тем, как произнести погребальную молитву, вырыли могилу с боковой нишей, предписанной исламом, опустили тело в могилу без гроба головой на запад, потом кинули вниз по пригоршне земли и принялись засыпать могилу с подветренной стороны."

И хотя Едигей частично нарушает канонический обряд, в частности, позволяет выкопать большую часть могилы экскаватором, тем не менее, он начинает и заканчивает рытье руками, тем самым, примиряя традиционный ислам с современной технологией. Получается, что этот компромисс по мысли автора, есть способ выживания этничности народов, веками исповедующих ислам.

Исторически этот компромисс был подвергнут экспериментальной этнополитической проверке в 20-е годы частью среднеазиатской интеллигенции, которой и сегодня отводится важная моральная, социокультурная и политическая роль в восстановлении исторической памяти, в национальном возрождении.

Чем сильнее давил прессинг антирелигиозной пропаганды, т.е. манкуртизации, на исламские народы Средней Азии, тем больше и было противодействие, в том числе расширение масштабов соблюдения мусульманских обычаев, как предмета самоуважения на уровне отдельного человека и на уровне всей нации.

В молитве при захоронении Казангапа Едигей обращается к молодым поколениям, сожалея, что они утратили веру, стали неверующими, сделав шаг навстречу манкуртизму: "в бога они не верят и молитв никаких не знают ... что они смогут сказать себе и другим в вели-

кий час смерти? Жалко мне их, как постигнут они сокровенность свою человеческую, если нет у них пути возвыситься в мыслях так, как если бы каждый из них богом не станет, но иначе и ты перестанешь существовать. Если человек не сможет возомнить себя втайне богом, ратуящим за всех, как должен был бы ратовать ты о людях, то и тебя, боже, тоже не станет..."

Исследователи творчества Ч.Айтматова уже отмечали отрицательные ассоциации, вызываемые понятием неверие, безбожие, атеист, нерелигиозность (динсизлик) среди творческой интеллигенции народов Среднеазиатского региона. Так, например, Александр Беннигсен отмечал, что динсизлик (безверие) означает "разновидность коллективного позора, жестокость, отсутствие чести и недостаток совести"(67). Несмотря на то, что слова дин и производное от него динсизлик заимствованы из арабского языка, в лексике ряда тюркоязычных народов (киргизов, татар, казахов, крымских татар, гагаузов, турок и некоторых других) оно обозначает неверие, вероотступничество, жестокость. Но не только это. В некоторых языках понятием динсизлик обозначается озорство, хулиганство, безродность, безнравственность. Именно в обойме этих значений Ч.Айтматов наделяет отрицательными чертами тех героев своего романа, которые потеряли веру, утратили память, разменяли этничность, оборвали свои связи с родной землей и родным народом. Как тут не вспомнить пушкинский критерий интеллигентности и уровня культуры - отношение к памятникам:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.

В центре внимания - сын покойного Казангапа - Сабитжан, приехавший из города на похороны своего отца без жены. Его отказ хоронить отца на родовом кладбище Ана-Бейит ставит его в один ряд с еще одним манкуртом - начальником караула. И если в манкуртизации второго повинен его отец, бывший сотрудник органов госбезопасности, участвовавший в репрессиях против национальной интеллигенции, то в манкуртизации первого виноват не его отец Казангап, достойный представитель своего народа, а виновата среда, и прежде

всего школа, институт, в которых он обучался. "А что из того, сокрушается Едигей на последних страницах романа,- что обучался он (Сабитжан - М.Г.) на разных курсах да в разных институтах? Может быть, его и обучали для того, чтобы он сделался таким, каким оказался." Понятно, в чей адрес направлен этот вопрос-размышление Едигея. Читателя подводят к мысли о роли советской школы в манкуртизации таких как Сабитжан. "Может быть, где-то есть кто-то проницательный, как дьявол, который много трудов вложил в Сабитжана, чтобы Сабитжан стал Сабитжаном, а не кем-то другим",- так грустно, с намеком заканчивает свои размышления Едигей, и чем больше на эту тему он размышляет, "тем обидней и безысходней становилось от этих мыслей."

"Безверный", "беспамятный", "безэтничный" человек, выходит по роману, это человек безответственный, бессовестный, неблагодарный, а, следовательно, не способный быть связующим звеном между прошлым и будущим.

Роман "И дольше века длится день" стал важным этапом в переоценке роли религиозного фактора в развитии национальной культуры, в формировании нравственности, достоинства человека. Успех романа предопределен тем, что его автору удалось нащупать взаимосвязь между падением нравов и угасанием интереса к своему прошлому и своим корням, в том числе, корням, связанным с религиозной культурой. Корни эти оказались более глубокими, чем можно было предполагать, когда объявляли религии безумную антирелигиозную войну. В выражении уважительного отношения к религиозным чувствам верующих, к позитивной роли религиозного фактора Ч.Айтматов не одинок. Согласно З.Балаяну, благодаря христианству и просвещению спаслось само армянство. "Создание армянского алфавита, распространение христианства на родном языке,- делает вывод М.Хачатурова,- явилось единственным условием объединения народа, его национального самосохранения"(68).

"Школу, церковь и книги" З.Балаян объявляет обозначенными на национальном флаге символами армянского народа; стирая различия между процессами христианизации и распространения просвещения среди армян. "...После мощного восстания армян, возглавляемого Варданом Матикопяном,- пишет З.Балаян,- именно Сюникский мир приобрел определенную самостоятельность. Мир этот, борясь за окончательную

христианизацию и просвещение страны, по сути дела спас в будущем само армянство"(69).

Высокая оценка роли христианства в истории и культуре армянского народа отчетливо проявляется из последующих высказываний З.Балаяна: 1)"Всякий раз, останавливаясь у чудом сохранившегося тысячелетнего монастыря, словно по мановению волшебной палочки возвращаешься вглубь веков... Мы знаем, что каждый монастырь - это не какое-нибудь сооружение культа, а живой организм со многими функциями, главной из которых было просвещение. Значит, монастырь излучал свет. Свет для народа."; 2)"Монастырь Арич - это комплекс строений V и XII веков. Он стоит сегодня как символ вечности народа... Свет храма распространяется далеко за пределы Ширака, ибо главная задача его - просвещение"(70).

Роль исламского фактора в образе жизни и в стиле мышления мусульманских народов - далеко неоднозначна. В самом деле, в жизни каждого народа, в каждой религиозной системе немаловажное значение, например, имеют принципы, социокультурные нормы и позиции межличностных отношений, в том числе половой морали. В исламе позиция последней исключительно противоречива. С одной стороны, в связи с общим запретом на изображение человека, никаких проявлений эротики в искусстве исламских народов не может быть допущено. С другой стороны, в скрытых от постороннего глаза внутрисемейных отношениях, допускается проявление беспредельной чувственности. Более того, указанное противоречие проявляется и в том, что строгая половая мораль в исламе сочетается с культом мужской сексуальности. Так, например, исследователь тюркоязычных и арабоязычных народов Д.Е.Еремеев констатирует, что в сказках "Тысячи и одной ночи" немало персонажей, наделенных выдающейся мужской потенцией. Один из них, в частности, овладел за ночь сорока женщинами по тридцать раз каждой (71).

Понятно, что без изображения этого неразрешимого противоречия ислама - строгой морали и гиперболизированной мужской сексуальности - образ жизни и национальная специфика, были бы в романе не полными. Ч.Айтматов нашел остроумный выход из положения, наделив Буранного Каранара - любимого, неистового верблюда Едигея - выдающейся сексуальностью. Автор романа неоднократно возвращается к описанию сексуальных подвигов Каранара. Приведем лишь некоторые

примеры.

"С начала холодов снова пришел в неистовство Буранный Каранар, снова взъерился, снова взбунтовалась в нем самцовая сила, и уже ничего и никто не мог посягать на его свободу... Обуреваемый пробудившейся страстью верблюд... требовал своего, он орал, фыркал, угрожающе скрипел зубами, ломал загон...

На другой день уже стали поступать вести, как сводки с фронта, о боевых действиях Буранного Каранара...Стоило остановиться поезду на Боранлы-Буранном, как машинист или кочегар, или кондуктор наперебой рассказывали о бесчинствах и погромах Каранара, устраиваемых им в пристанционных и приразъездных верблюжих гуртах...на разъезде Малакумдычач Каранар забил до издыхания двух атанов и погнал перед собой в степь четырех маток... В другом месте Каранар согнал с верблюдицы ехавшего верхом хозяина...

Покалечил ... атанов, а сам отбил трех лучших маток, к тому же прибыл сюда не один - пригнал какую-то верблюдицу оседланную...Готов загрызть, изжевать заживо кого угодно! Только не мешали бы ему заниматься его делом. Он не жрет, не пьет, кроет этих маток подряд, только земля ходуном ходит... И орет при этом на всю степь, словно конец света наступает... Каранар не находил себе места... Сколько же в нем было силы! Он и сейчас не прочь был бы заняться любовным трудом и все докучал и приставал то к одной, то к другой матке, крепко кусал их за ляжки, оттирал их одну от другой, но это было уж слишком с его стороны, верблюдицам достаточно было и дневного времени, когда они охотно исполняли его прихоти, а ночью им хотелось покоя".

В романе достаточно прозрачно сравнивается сила страсти Каранара и неразделенной любви Едигея к Зарипе. По крайней мере, нередко описание того или иного мгновения из жизни Каранара сопровождается размышлениями Едигея о самом себе и об его отношении к своей жене и к своей возлюбленной. "Каранар то и дело стряхивал с головы налипающие комья снега и будил на бегу тишину рыком и выкликами. Худо было хозяину в том пути. Едигей ничего не мог поделаться с собой, никак не удавалось ему успокоить, определить себя на чем-то одном, бесспорном и безусловном. Не мог начистоту открыться перед Зарипой, не мог отречься и от Укубалы." Не видя выхода из противоречия между страстью к Зарипе и долгом перед своей женой,

Едигей "начинал поносить, ругать себя последними словами : "Скотина! Хайван, что ты, что твой верблюд! Сволочь! Собака! Дурья голова! - и еще в том же духе, перемежая их крепким матом, бичевал себя, устрашал и оскорблял, чтобы отрезвить, чтобы прийти в себя, одуматься, остановиться... Но ничего не помогало..."

Обдумывая, каким способом усмирить взбунтовавшегося в зоне Каранара, Едигей "ждал рассвета, чтобы... пораньше отправиться в путь, побыстрее добраться до Боранлы-Буранного, где ждут его детишки обоих домов (своего и овдовевшей Зарипы - М.Г.), потому что он всех любит в равной степени и потому что он для того и живет на этой земле, чтобы им было хорошо".

И еще из страданий Едигея: "Как сделать, чтобы никто не пострадал и чтобы боль свою не таить, а сказать напрямик - так и так, мол, Зарипа, люблю тебя".

Вернувшись с фронта любовных битв Каранара, Едигей обнаружил, что Зарипа уехала в неизвестном направлении. По этому поводу Едигей учинил жестокую расправу над Каранаром, вымещая на нем всю свою беду и неразделенную любовь к Зарипе. "Яростно, беспощадно хлестал он Буранного Каранара, нанося удар за ударом, хрипя, изрыгая ругательства и проклятья: - На тебе! На! Подлая скотина! Это все из-за тебя! Ненасытная тварь! Тебе все мало! Тебе надо бегать по сторонам. А она уехала тем часом с детьми! И никому из Вас нет дела, каково мне! Как мне теперь жить на свете? Как мне жить без нее?"

Гиперболизированная антропологизация Каранара имеет свой этноисторический смысл. Она нужна автору романа не только для того, чтобы отвести Каранару в своей душе второе место после Едигея по силе авторской симпатии, но и для того, чтобы показать связь времен, соединяя воедино силу жизни, силу страсти и силу этнической памяти. В этом отношении обращает на себя внимание, во-первых, сопричастность Каранара к центральной легенде романа о манкуртах, и выражаясь терминологией некоей цивилизации - дворянское " происхождение Каранара.

Согласно сарозекскому преданию, Буранный Каранар ведет свое происхождение от знаменитой белоголовой верблюдицы Акмаи, стоящей целого стада верблюдов, принадлежащей не менее знаменитой хозяйке Найман - Ане, которая после смертельного выстрела сына-манкурта,

была похоронена на знаменитом кладбище Ана-Бейит. "По преданию, золотая матка Акмая принесла семерых детенышей - четырех маток, трех самцов. И вот с тех пор все матки рождаются светлые, белоголовые, все самцы, наоборот, черноголовые, а сами каштановой масти. Оттого Каранар и уродился таким. От белоголовой матки черный верблюд. Это первый признак его происхождения от Акмаи, и с тех пор, кто его знает, сколько лет прошло, двести, триста, пятьсот или больше, но в Сарозеках род Акмаи не переводился. И нет-нет да и появиться такой верблюд - сыртан (сверхсущество), как Буранный Каранар.

Во-вторых, Буранный Каранар связан не только с историей, но и с природой тех степей и тех краев, в которых проживает родной народ Едигей и Казангапа. Покойный Казангап неоднократно рассказывал Едигею о легендарном происхождении Каранара. Что же касается слияния Каранара с природой, то в этом убедился и сам его хозяин. "Вот только дурной уж очень становится, когда в гон идет, - вспоминает и вспоминает о своем любимце Едигей, - в самые холода всегда это с ним случается, и тогда он лютует, страшно лютует, и зима лютует и он... Сладу нет никакого с ним."

О проявлении буйной силы верблюда в зимнюю пору имеются упоминания в киргизском героическом эпосе:

"Удалью переполнен Манас,
глаза горят огнем
ярость переполняет его ...
не уцелеть тому, на кого взгляд устремит,
Он - словно тигр в осеннюю пору,
Он - словно верблюд в зимнюю пору".(72)

В-третьих, Каранар выступает олицетворением полноты образа жизни степного населения. Без него, никуда, даже похороны не обходятся без его участия. Каранар - часть долга Едигея перед покойным другом, "часть долга памяти перед обычаями своего народа." А он, Буранный Едигей, завтра с утра возглавит на Каранаре, убранном помпой с кистями, путь на Ана-Бейит, провожая Казангапа к его последнему и вечному местопребыванию... Восседая на Каранаре, Буранный Едигей ехал впереди, указывая направление на Ана-Бейит..., следом попевали по целине трактор с прицепом, в котором рядом с покойным Казангапом одиноко и терпеливо сидел его зять, муж Айзады

(дочери покойного - М.Г.), и за ними экскаватор "Беларусь".

В-четвертых, участие и роль верблюда заранее предусмотрены в похоронном процессе, в то время, как верный пес Жолбарс примыкает к каравану случайно.

Похоронная процессия на старинное родовое кладбище Ана-Бейит двигалась во главе с верховым на Каранаре, а замыкалась она колесным трактором "Беларусь" - в этой картине соединены традиции и инновации, точно так же, как и весь похоронный обряд. Современный ислам, чрезвычайно тесно переплетенный с этничностью своих носителей, воспроизводит историю, но и сам подвергается некоторым модификациям, приспособляясь к технологическому ритму жизни.

10. Трагический колодец памяти...

или

о беспаятстве личности

Ч.Айтматов не пожалел черной краски для изображения современного манкурта. Для полноты картины к образу Сабитжана он возвращается несколько раз. "Поглядеть с первого раза, - вроде ничего малый. Все-то он знает, все-то он слышал, только толку мало от всего этого. Учили, учили по интернатам, по институтам, а человек получился не ахти. Похвалиться любит, выпить, тосты говорить мастак, а дела нет. Пустышка, одним словом..."

Внедрение манкуртизма (беспаятства) начинается там и тогда, где и когда начинается ревизия памяти. Так было в нашей истории, интеллигенция подверглась репрессиям только за то, что старалась сохранить память о своей истории. Жестоко преследовали М.А.Булгакова за восстановленную им память о Белой гвардии, о театральном деле Москвы, о понятии добра и зла, о совести и бессовестности Понтия Пилата и его талантливом собеседнике, за подписанный смертный приговор которому Понтий Пилат навеки потерял свой душевный покой.

Роман Ч.Айтматова разоблачает и идеологию тех, чьими руками осуществлялись репрессии, ревизывалась память, внедрялось беспаятство. "Важно вспоминать, нарисовать прошлое устно или тем более письменно так,- внушает на допросе Едигею кречетоглазый полуманкурт Тансыкбаев, пришедший арестовать учителя географии, участника

войны и партизанского движения в Югославии - Абуталипа Куттыбаева - как требуется сейчас, как нужно сейчас для нас. А все, что нам не на пользу, того и не следует вспоминать. А если не придерживаться этого, вступаешь во враждебное действие."

Много их было, Тансыкбаевых, в нашей трагической истории. Но даже о беспамятстве должна остаться память, чтобы не заслонить корневую память. А тем, кто лишал, уже воздано или еще предстоит воздать по заслугам. "Сколько их, с такой фамилией,- думает Едигей о начальнике караула космодрома, современном манкурте лейтенанте Тансыкбаеве,- сыне того, бериевского, манкурта, кречетоглазого, из-за которого погиб Абуталип Куттыбаев,- ... с тем Тансыкбаевым сквитались ведь потом сполна... Все-таки есть правда на земле! Есть! И как бы то ни было, всегда будет правда."

Для современного манкурта не имеет значения, где хоронить своего отца - на родовом кладбище, там, где ему положено, по традиции, или просто в степи. Сабитжан и пытается сказать, что он сам знает, где хоронить отца: "Это мой отец", но его перебивает на полуслове Эдильбай: "Отец-то твой, да только вот ты сам не свой." Манкуртам различных мастей, всем разновидностям манкуртизма в романе противостоят Абуталип Куттыбаев, который умирает от сердечного приступа, когда его отрывают от детей, ради которых и для которых он пишет свои воспоминания "Дни и ночи в Югославии", поет казахские, каракалпакские народные песни, записывает легенды, в том числе легенду о манкурте, легенду "Обращение Раймалы-аги к брату Абдульхану." "Я так и знал, - ставит диагноз о причинах его смерти Едигей,- не выдержал он разлуки с детьми... не вынес разлуки. А тоска - это вещь страшная." Здесь речь идет не только о тоске родителя по своим детям, и тоске детей по своим родителям, но и о тоске по своей растоптанной земле, исковерканной истории.

Перестройка, инициированная М.С.Горбачевым и его единомышленниками, нанесла гораздо более ощутимый удар по сталинизму, чем хрущевская оттепель на рубеже 50-х - 60-х годов. Едва ли не самый главный итог перестройки состоит в том, что мы, кажется, начали избавляться от всеобщего тотального страха, введенного в трагические 30-е годы, и неискорененного до наших дней.

Вот почему трудно переоценить роль той части творческой интеллигенции, которая в глухие годы стагнации звонко заявила о том,

чтобы историческая память народов оставалась постоянно включенной и постоянно действующей.

Аварское слово "миллат" имеет два значения: нация и забота. "Кто не заботится о нации, - внушал Расулу Гамзатову его отец, - тот не может заботиться и обо всем мире" (73).

Если мы сохраним память, мы сохраним себя, и мы не обретем будущее, если не сохраним прошлое. Мы не добьемся национального возрождения народов, если не преодолеем манкуртизм.

"Добро отберут у тебя - не пропадешь, выживешь,- резко отвечает Казангап на неуместную шутку Едигея, обронившего фразу о том, что они вновь разбогатели, впору хоть раскулачивать заново, - А душа останется потоптанной, этого ничем не загладишь." И хотя утекло много воды со времени коллективизации, унесшей около миллиона казахских жизней, в том числе и жизнь отца Казангапа, так и не смог вернуться Казангап в родной аул Бешагач, что находился в тридцати километрах от Арала.

К 70-80 годам в союзных республиках сформировались значительные отряды национальной интеллигенции. Аффирмативная политика в области национальных процессов, курс на которую был задан соответствующими резолюциями X и XII съездов РКП(б)(74), дала свои результаты. Приоритетные условия, созданные в республиках и в союзном Центре во исполнение партийных решений, позволили взрастить относительно в короткие сроки новую национальную интеллигенцию. В ряде республик образовался избыток и соответственно возникла ситуация конкуренции за престижные места на социальной лестнице иерархии. В сферах хозяйственной деятельности, в технике, в естественных науках, выросла цена деловым качествам лиц, занятых умственным трудом. Новый, более высокий, чем прежде, уровень планки профессиональных занятий, потребовал (соответственно) улучшения качества образования и повышения уровня подготовки. В отличие от технических и естественных сфер, в гуманитарной области недостаток профессионализма, сложившийся, как побочный продукт аффирмативных действий, можно было компенсировать национальной принадлежностью, или застраховаться знанием родного языка. Так появилось соревнование за преувеличенное выражение верноподданнических чувств не столько своему делу, сколько своему языку и своей нации. Чем могли выражать свое отношение писатели? Понятно, - словом! И недостаток та-

ланта, нехватку профессионализма стали восполнять суперпатриотизмом, сверхверным служением нации, чрезмерным восхвалением своей истории, своей культуры и охаиванием чужой.

11. Противостояние этноциду... или неисчерпаемые ресурсы исторической памяти

18 мая 1944 г. согласно Постановлению Государственного Комитета Обороны "О крымских татарах" (публикуется в Приложении) всему крымскотатарскому народу было предъявлено чудовищное обвинение в измене Родине, и весь народ, включая стариков и младенцев, организовано, поистине с имперско-тоталитарным размахом, был насильственно переселен в восточные районы страны (Средняя Азия, Урал, Западная Сибирь, Алтай). Это стало кульминацией этнической трагедии целого народа, народа, обреченного злой волей руководителей Кремлевского режима на этноцид. Однако народ не смирился с предуготованной ему участью. Важную роль в его выживании сыграла историческая память.

Крымскотатарский народ был не единственной, не первой и не последней коллективной жертвой национальной политики тоталитарного сталинского режима: до него, одновременно с ним и позднее насильственной депортации, унижениям, ограничению в правах, массовому или частичному геноциду подлежали многие другие "народы СССР": корейцы Дальнего Востока, немцы Поволжья, финны Ленинградской области, поляки Западной Украины, народы Северного Кавказа - чеченцы, ингуши, аккинцы, балкарцы, карачаевцы; турки Месхетии, этнические меньшинства Крыма, включая армян, болгар и греков; гагаузы Молдовы - и это еще далеко не полный перечень, да и та неполная, частичная депортация, тот выборочный, но крупномасштабный социальный геноцид, который пережили и русские, и украинцы, и народы Прибалтики, и практически все народы страны, были для них не меньшей трагедией.

Чрезвычайно характерная деталь, особенность преступной политики массовых депортаций в СССР заключалась в том, что при всем откровенном цинизме этой политики она сопровождалась определенным, порою весьма тщательно разработанным камуфляжем, видимостью цивили-

зованной благопристойности.

С первых дней депортации крымскотатарский народ не смирился с грубой, насильственной акцией советского правительства, с совершенной несправедливостью.

Передним краем противостояния между немногочисленным народом, лишенным не только своей исторической родины, но и возможности компактного расселения на какой-либо иной территории, с одной стороны, и мощным партийно-карательно-государственным аппаратом, с другой, стала ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ крымскотатарского народа.

Сразу же после переселения крымских татар режим предпринял массивную атаку на национальное самосознание, на крымскотатарскую культуру и крымскотатарский язык. С разрушением исторической памяти был связан курс на манкуртизацию и последующее полное уничтожение крымскотатарскости. С потерей памяти о своем прошлом, о своей этнической цельности, о своей культуре должен был сойти с этнографической карты страны и целый народ.

Целенаправленное наступление на этом фронте велось одновременно по нескольким направлениям как в местах нового поселения, так и в районах прежнего обитания крымских татар. В местах "спецпоселения" крымских татар был введен особый режим, цель которого состояла в разрушении традиционного хозяйственного уклада, отработанной веками системы жизнеобеспечения крымских татар. До войны на своей родине, в Крыму, они были заняты преимущественно в сельском хозяйстве и особенно славились своими навыками садоводов, виноградарей, табаководов. В районах нового проживания, расселенные в бараках, коммуналках, наспех сооруженных землянках, пристройках, принадлежащих заводам, крымские татары, независимо от рода прежних занятий, вынуждены были переключиться на тяжелую работу в различных сферах промышленности. Устои национальной самобытности рубились под корень, с перспективой - навсегда.

Ощутимый удар по традиционной культуре, в том числе по механизмам передачи межпоколенной информации, нанесла тройная изоляция крымских татар: от своей исторической родины, от внешнего окружения и даже, в какой-то мере, друг от друга, от собственных земляков и сородичей. Предусмотрена была (правда, к счастью, недостаточно последовательно претворенная в жизнь) изоляция между поколениями, между членами одной семьи, между родителями и детьми,

между супругами. После переселения на новые места нередко родители и дети, братья и сестры оказывались в разных поселках и не всегда имели возможность повидать друг друга. "Спецпереселенческий" режим строго ограничивал передвижения рамками региона, запрещал поездки в крупные города, причем нарушение запретов могло обернуться тяжелым наказанием - еще более полной изоляцией в лагерях, отправкой на лесозаготовку на север страны.

Разрыв внутриэтнических контактов губительно сказывался на сохранении основ национальной жизни, на развитии языка, культуры, обычаев, семейных традиций и устоев. Особенно ожесточенно атака велась на профессиональную крымскотатарскую национальную культуру. В первые годы глобального этноцида не было театров, творческих коллективов, национальных библиотек, не выходила периодическая печать, не издавались книги на крымскотатарском языке, не было в помине сколько-нибудь удовлетворительной национально окрашенной инфраструктуры.

Всячески принижались функциональная роль и социокультурная нагрузка крымскотатарского литературного языка. Были ликвидированы научные центры по исследованию крымскотатарского языка и литературы, прекратилась публикация художественных, в том числе фольклорных произведений. Оттеснение языка шло по двум направлениям функциональному и структурному. Наряду с сокращением сфер употребления языка, уничтожением периодики и книг на крымскотатарском языке, низведением его до языка семейно-бытового общения, отвергалась самостоятельность лингвистического статуса языка, ему было отказано в самобытности, и он рассматривался в качестве одного из диалектов языка татар Поволжья. По сути крымскотатарский язык был отброшен в дописьменную стадию.

Систематически подрывались объективные основы крымскотатарского национального самосознания. Крымским татарам было отказано в самостоятельном этнониме, из самоназвания народа было сокращено слово "крымские", и культивировалось представление о крымскотатарском народе как "просто" о татарах.

Долгие годы национальное самосознание было ущемлено огульным обвинением в "измене Родине". При этом носить этот ужасный ярлык должны были и семьи крымских татар, погибших на фронте, и дети, родившиеся после войны.

В то же время старательно и последовательно стирались следы исторической памяти проживания крымских татар в Крыму. Уничтожались памятники материальной и духовной культуры, сжигались не только религиозные книги, не только оригинальные сочинения крымскотатарских писателей, ученых, но и переведенные на крымскотатарский язык произведения, включая даже труды "классиков марксизма-ленинизма". Мусульманские кладбища сравнивались с землей, мечети разрушались и опустошались, надгробные камни использовались как строительный материал. Одновременно уничтожалась крымскотатарская топонимика

В числе практических мер, призванных стереть следы крымскотатарской истории и культуры в Крыму, выделяется постановление, принятое бюро Крымского обкома ВКП(б) 20 октября 1944 г. Согласно этому Постановлению, необходимо было "переименовать населенные пункты, реки и горы, названия которых связаны с татарским, греческим и немецким происхождением". Менее чем через год, 21 августа 1945 г. был принят не подлежащий широкой огласке Указ Президиума Верховного Совета РСФСР (N 69/3) о переименовании сельских советов Крыма. Согласно этому Указу были переименованы и потеряли свои исконные исторические наименования 10 сельсоветов Алуштинского, 10 сельсоветов Ялтинского, 19 - Куйбышевского районов, а также села крымчаков, расположенных в окрестностях Мариуполя с ХУІІІ в.(76)

Наступление на историческую память народа вела также конъюнктурно-услужливая историческая наука. Целые эпохи из истории крымских татар, высочайшие достижения их древней культуры "вырезались" из народного обихода, предавались анафеме и проклятиям. На многие факты, реальные события давнего и недавнего прошлого, даже на имена известных национальных общественных деятелей накладывалось своеобразное табу - запрещалось даже их упоминание. Радикальная операция фальсификации истории Крыма и крымскотатарского народа последовательно охватывала все этапы с древнейших времен до современности.

"Чудовищному преступлению, - писал об этом позднее крымскотатарский писатель Эмиль Амит, - нужно было найти оправдание. И вот срочно издаются путеводители, учебники, нацеленные на то, чтобы разжечь в людях презрение и ненависть к крымским татарам. Товарные составы, битком набитые семьями сражающихся на фронте солдат, были

еще в пути, а уже переписывалась "История СССР"... В Крыму распространялись страшнее страшного слухи о зверствах крымских татар, об этом же вещали радио и пресса...

<...> Мы устали ждать о себе честное слово. Молодежь, как в глотке свежего воздуха, нуждается в правде. Но события, связанные с оккупацией Крыма, до сих пор не находят объективного освещения в литературе. Зато в 1947 г. появился роман П.Павленко "Счастье" – о величайшем счастье, которое обрели те, кто остался в Крыму, очищенном от "варваров". Роман был удостоен сталинской премии.

А как "плодотворно" потрудились И.Козлов ("В крымском подполье"), А.Первенцев ("Честь смолоду"), вместе с ними и И.Вергасов ("Крымские татары"), не пощадивший и боевого соратника Бекира Османова, с которым не раз ходил в разведку: не изменив даже имени, вывел его ... турецким шпионом. Принять за чистую монету то, о чем рассказывают эти авторы, могут только те, кто дезинформирован. Упомянутые произведения служили именно этой цели"(77).

Из сокровищницы национального менталитета вытравлялось осознание длительности пребывания крымских татар в Крыму, преемственности сложившихся на местной почве культурных традиций, неразрывной связи этнопсихологического и территориального факторов, связи истории Крыма с историей крымских татар.

Пресекались любые попытки восстановить историческую память народа. Так, например, директор Крымского краеведческого музея Е.Жук направил в КГБ по Крымской области донос, приложив к нему две записи крымских татар в книге отзывов музея. В этих записях речь шла об отсутствии среди экспонатов музея материалов о деятельности крымскотатарских подпольщиков в борьбе с фашистскими оккупантами Крыма, фотографий Героев Советского Союза крымскотатарской национальности, об участии крымских татар в партизанском движении. Эти записи, были немедленно включены в материалы следствия и судебного процесса над десятью активистами крымскотатарского национального движения, стали "основанием" в ряду других документов для вынесения приговора (78).

Одновременно замалчивалась и искажалась история крымских татар в местах их нового поселения. В научных монографиях и популярных изданиях, в художественной литературе тех республик Средней Азии, где проживали крымские татары, трудно было найти даже упоминание

об этом народе. "25 лет мы находимся в Узбекистане, - с горечью говорил в своей защитительной речи на заключительном этапе ташкентского судебного процесса 1969 г. один из активистов крымскотатарского движения Роллан Кадыев. - Как широко шагнула узбекская литература за это время. Но в романах, которые я читал на русском и на узбекском языках, я никогда не видел даже в эпизодических картинах крымского татарина. А ведь полмиллиона человек в течение четверти века живут, трудятся, создают материальные богатства бок о бок с другими народами. Разве в какой-либо литературе отражен труд этого народа? Его судьбы, надежды, мысли о возвращении на Родину? Именно в отсутствии этого я усматриваю тенденциозность, а иногда и лживость советской литературы, которая обязана нести правду народу. Я эту правду в отношении крымскотатарского народа не вижу." (79).

Печальный и катастрофический итог общенациональной дискриминации крымских татар в социально-экономической, политической и культурной жизни за первые два десятилетия их пребывания в спецпоселениях подвели 65 уполномоченных представителей крымскотатарского народа в "Обращении крымскотатарского народа к XXIII съезду КПСС" в марте 1966 г. "Было все сделано, - говорилось в этом обращении, - чтобы: 1) Уничтожить государственность крымских татар; 2) Уничтожить как можно больше самих крымских татар; 3) Сначала очернить народ и оправдать тем самым антиленинский акт произвола, а затем нигде не упоминать о крымских татарах, чтобы народы не только Советского Союза, но и всего мира забыли о существовании таковых; 4) Уничтожить культуру, искусство и литературу крымских татар; 5) Уничтожить историю этого народа; 6) Уничтожить его язык; 7) Уничтожить его обычаи; 8) Сделать все, чтобы каждый крымский татарин стыдился называть себя крымским татаринном; 9) Доказать каждому представителю этой нации, что ни у него самого, ни у его детей, ни у тех его потомков, которые еще не родились, - нет будущего"(80).

Надо сказать, что разработанная и претворенная в жизнь в "сталинский период", в 1944 - 1953 гг, система этноцида оказалась чудовищно живучей и имела свое продолжение, свои метастазы и в "хрущевский", и в "брежневский" периоды, когда в жизни ряда других репрессированных народов уже что-то изменилось к лучшему. Не оста-

валась вовсе неизменной и крымскотатарская ситуация. Однако все ее проблемы, связанные с наступлением на историческую память крымскотатарского народа и с сопротивлением этому наступлению, сохраняли свою актуальность многие годы.

Решительный протест против наступления на историческую память крымских татар, лишение которой открывало дорогу глубокой этнической ассимиляции, растворению народа в иноэтническом окружении, выразили правозащитники Московской Хельсинкской группы. В одном из ее заявлений, сделанных уже в 1970-е гг., говорилось: "Основная масса крымских татар, насильственно и несправедливо высланных со своей земли в 1944 г., проживает в Средней Азии. Они фактически вычеркнуты из списка советских наций. У них нет ни одной школы на родном языке, хотя до выселения из Крымской Автономной ССР их было несколько сот. Нет ни одного журнала. В 1944 г. был ликвидирован Институт, занимавшийся исследованиями в области крымскотатарского языка и литературы. Власти отказываются издавать даже словари. С 1944 по 1973 гг. были изданы два учебника на крымскотатарском языке (против 58, изданных, например, за 9 месяцев в 1939 г.). Из семи газет, издававшихся до войны, сохранилась лишь одна (не ежедневная)(81).

Подводя итог преступной политике этноцида, осуществляемой по отношению к крымскотатарскому народу особенно жестоко и последовательно в первое, еще "сталинское" десятилетие, мы обязаны открыть счет поистине неисчислимым потерям в людях, человеческих жизнях, искалеченных судьбах, в утратах материальных и духовных культурных ценностей, в том нравственном ущербе, который был нанесен всему советскому обществу, его исторической памяти.

Анализируя последствия депортации и варварского этноцида, мы должны иметь в виду не только то, к чему стремились те, кто проводил эту политику, и не только то, что им удалось совершить, обрекая народ на мучительные жертвы, но и то, что всей этой политике противостояло, сопротивлялось, в конечном итоге опрокидывало все расчеты на физическое истребление и нравственное порабощение "наказанного" народа. Сила стойкости народа, жизнеспособность, противодействия гнету и геноциду оказались поистине неисчерпаемыми.

Эту сложную диалектику, несоответствие между тем, что было задумано "в верхах", что начертала сталинская рука, обрекая народ на

покорное беспамяństwo и вымирание, и тем, что получилось на самом деле в силу внутреннего сопротивления политике этноцида, можно проследить на любом из тех направлений, которые мы выделили выше, характеризуя планы и политику преступного этноцида.

Было задумано подавить историческую память народа - она только окрепла и углубилась.

Было задумано разрушить генетический фонд нации, лишить ее творческой интеллигенции, собственной духовной элиты - с величайшим трудом, жертвами и страданиями, но крымскотатарский народ сохранил и выдвинул из молодой генерации своих духовных лидеров, людей высокой культуры, исторической "самообразованности", широкого диапазона знаний, свободного интеллекта и незаурядного таланта.

Было задумано разрушить устои этнической культуры, семейные традиции, нравственные нормы, трудовые навыки - не получилось и это, хотя стоило противостояние невероятных усилий. Народ сумел сохранить свое нравственное лицо, свое достоинство, свой культурный потенциал, свой традиционный семейный очаг.

Было задумано поставить народ "вне закона", изолировать его от других народов страны, натравить против него общественное мнение, - но пробил час и выяснилось, что у крымскотатарского народа очень много друзей и среди русских, и среди украинцев, и среди узбеков и всех других народов несчастной многонациональной страны.

Крымских татар не удалось обречь на полную нищету - своим трудолюбием, вопреки разорительному прессингу всей экономической системы "развитого" и еще "недоразвитого" социализма, они сумели выстоять, обеспечив развитие своего личного хозяйства и даже

относительное материальное благосостояние, насколько оно, вообще, было достижимо в условиях нищей страны.

Из крымских татар не удалось сделать лишенных исторической памяти и собственного национального достоинства манкуртов, и в этом состоял главный исторический итог пережитого - итог, который сводился к поражению системы, объявившей тотальную войну одному из своих народов.

Не имея возможности детально рассмотреть все аспекты этого поражения, имеет смысл остановить внимание лишь на одном из них, который представляет особый интерес и имеет актуальное значение постольку, поскольку этим вопросом практически до сих пор никто

всерьез не занимался (ни в отечественной, ни в зарубежной литературе по крымскотатарской трагедии он не нашел почти никакого освещения). Речь идет о языковой ситуации, о языковой политике, входившей в общую систему организованного этноцида, и о сопротивлении крымскотатарского народа этой политике, давшем поразительные результаты.

В самом деле вряд ли крымскотатарское национальное движение достигло бы серьезных политических успехов в борьбе с тоталитаризмом, если бы оно не опиралось на поддержку широких народных масс, на внутринациональную солидарность, на верность, сохраненную народом своему национальному языку, национальной культуре, взлелеянной самосознанием мечты вернуться в Крым и вернуть Крым.

Полученные в ходе переписи населения 1989 года данные о совпадении национальной принадлежности и родного языка среди 92,6% крымских татар бывшего Советского Союза стали красноречивым открытием народом самого себя и открытием крымского народа для народов всего мира.

Напомним для сравнения ситуацию среди немцев Поволжья, также подвергнутых насильственной депортации Указом Президиума Верховного Совета СССР "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья" (от 28 августа 1941 г.) (82). За полвека более половины всего Российского немецкого народа (51,3%) потеряло национальный немецкий язык, если судить об этом по данным переписи населения 1989 г., согласно которой лишь 48,7% немцев страны указало родным язык своей национальности, в том числе, 40,9% среди городского населения и 57,5% среди сельского населения.

Широкомасштабное и глубокое сохранение языка своей национальности крымскими татарами на фоне многих других народов имеет исключительно важное значение. По сути своей это итог самоотверженной борьбы народа за выживание и самосохранение. Эта борьба шла и в первые, самые тяжелые годы "спецрежимной" жизни, и на всех последующих этапах, когда уже была сформулирована цель возвращения народа в Крым.

Роль языковой памяти поистине уникальна в общей системе исторической памяти народа. Особенно заметно проявляется эта роль на фоне языковой жизни и на фоне этноязыкового самосознания других народов. Даже среди 15-ти народов, имевших во время переписи насе-

ления 1989 г. свои союзные (суверенные) республики, оказалось 4 народа, среди которых удельный вес лиц с родным языком своей национальности был даже ниже, чем среди крымских татар (это - армяне, белорусы, молдаване и украинцы).

Среди следующей группы народов, имевших на момент переписи населения свои автономные республики, приблизительно половина от общей их численности сохранила в качестве родного языка язык своей национальности хуже, в меньшей степени, чем крымские татары. Среди 13-ти народов из 29-ти (включая народы Дагестана) доля лиц с родным языком своей национальности была ниже, чем аналогичная доля лиц среди крымских татар (92,6%).

Однако больше всего впечатляет сравнение картины языкового самосознания крымских татар с теми народами и национальными группами, которые, как и крымские татары, не имели на 1989 г. никаких национально-государственных и национально-территориальных образований. Лишь 4 народа (абазины, белуджи, венгры и дунгане) из 58 "бесстатусных" ("нетитулованных") народов сохранили родным языком язык своей национальности лучше, чем крымские татары.

Вряд ли эти данные нуждаются в дополнительных комментариях, они говорят сами за себя. Можно быть уверенным, что широкое и глубокое сохранение родным языка своей национальности среди крымских татар является следствием укрепившегося в ходе политической борьбы национального самосознания и возрожденной исторической памяти.

По своему потенциальному запасу национальной энергии и исторической памяти крымские татары занимают среднее место между народами, имевшими к 1989 г. "свою" союзную республику, и между народами, имевшими иные формы национально-государственного устройства и самоопределения, так называемые "автономии". Пребывание крымских татар по параметрам сохранности национального языка в одном типологическом ряду с народами, имевшими свои национально-государственные образования, - еще один показатель, еще одно свидетельство того, что крымские татары вполне обоснованно претендуют на восстановление своей национальной автономии.

Уделяя столь пристальное внимание языковой проблеме и ситуации, мы исходим из того, что между языковым и национальным самосознанием существует тесная и прочная логическая этнопсихологическая связь. Народ, сумевший - вопреки политике этноцида сохранить в

качестве родного язык своей национальности, оказался и во многих других отношениях способным к активному противостоянию, противодействию этой политике. Именно в этом противодействии, начавшемся стихийно, в массовом масштабе и задолго до возникновения каких бы то ни было формальных структур и организаций, заключались глубинные истоки крымскотатарского национального движения.

1944-й год пытался перечеркнуть многовековую историю крымскотатарского народа, лишить его надежды на этническое самосохранение и на создание самостоятельной государственности. Вряд ли кто-нибудь из несчастных участников той майской трагедии мог помышлять тогда, в товарных вагонах, уносивших крымских татар из европейского Крыма в азиатские степи, о том, что потребуется почти полвека, чтобы возрожденная исторической памятью мечта стала лучом света в конце мрачного периода вынужденного изгнания. Вряд ли кому-нибудь приходило в голову, что под жгучим среднеазиатским небом и на морозной сибирской земле народятся новые поколения и, вдохновленные традициями предков, пойдут на штурм командно-административной твердыни постсталинского тоталитаризма. Однако история дала народу шанс и силы, породила лидеров, расширила круг активистов и вручила в руки знамя победы. Сегодня вполне очевидно, что не было бы ни победы, ни проекта национальной Крымскотатарской Конституции (декабрь 1991 г.), если бы против курса на этноцид, против имперской линии на уничтожение крымскотатарской не восстал народ.

Трудной, тернистой и долгой оказалась дорога домой: сначала на первом этапе крымскотатарского национального движения народу надо было элементарно выжить, сохранить себя и свой этнофонд, уберечь от полного разрушения национальный язык, культуру, историческую память, затаенную мечту о возвращении на Родину. На это ушло целое десятилетие, глухое, беспросветное десятилетие второй половины 40-х и первой половины 50-х годов. Затем, на втором этапе, вместе с пробуждением и первыми робкими попытками накачивания мускулов, надо было одновременно работать и головой, и сердцем: вырабатывать политические цели, ставить конкретные задачи, обдумывать тактику сопротивления, осмысливать свое место под солнцем и свое предназначение. Прошло еще полдесяток лет. Но впереди был подъем движения, прорванная плотина спецпоселенческого молчания и терпения, а вслед за подъемом и отдельные горькие поражения. За право

оставаться самим собой, за голос в защиту своей истории и в защиту гражданских прав своего народа предстояло еще многим патриотам отсидеть на тающих островах созданного сталинским режимом ГУЛАГа. Слияние некоторых групп сопротивления с правозащитным движением и установление связей с зарубежными сторонниками прав человека, пожалуй, сделало крымскотатарское национальное движение непобедимым.

Первая глубокая трещина, обозначившая в 1985 году контуры новой этнополитической ситуации в стране, положившая начало перестройке, расколу и распаду советской империи, одновременно стала важной вехой, заметной точкой отсчета в новой активизации национально-освободительного движения крымскотатарского народа.

Опираясь на накопленный ранее опыт, черпая силы из боли и слез предыдущих лет, обретая новых друзей и соратников, вписываясь в широкую панораму и многоцветный контекст новейших национальных движений (от Прибалтики до Кавказа, от Молдовы до Тувы), используя просчеты дряхлеющей номенклатуры, маховик крымскотатарского сопротивления и возрождения набирал новые, ускоренные, победоносные обороты.

Через общее нетерпение и внутренний раскол среди активистов национального движения, через манифестации на площадях Москвы и городов и поселков Средней Азии и Крыма, через унижительные "хождения" по кабинетам бюрократов и чиновников разного ранга, через дискуссии и полемику о путях и средствах достижения конечной цели, через разоблачение антикрымскотатарской направленности ряда создаваемых партаппаратом структур (прежде всего государственной комиссии под руководством А.А.Громько), через противоречия между различными группами крымскотатарских активистов, через лабиринты выбора между идеологией "реконкисты" и солидарности, - крымскотатарское национальное движение продвигалось к осмысленному, аргументированному, обоснованному пониманию того, с кем, как, в какие сроки и с какой целью обустроивать Крым. В изнурительной борьбе с бывшим Центром бывшего Союза и партаппаратом Крыма, в тонкой дипломатической игре с номенклатурой и национальными движениями Украины, пролегла дорога к созданию Крымскотатарской Конституции. Ни Москва, ни Киев, ни Симферополь не хотели того. Крымскотатарскую Конституцию готовил Бахчисарай и народ, устремленный в свой завтрашний день.

Духовной опорой непоколебимой веры крымских татар в свое будущее служила историческая память, вызванная сопротивлением репрессивному режиму из грозящей народу бездны небытия.

Решительными оказались и усилия крымскотатарской элиты, ее творческая сила, противостоящая этноциду, ее самоотверженная борьба за самосохранение и выживание народа.

12. Промахи в раскрепощении памяти

Своим обращением почти ко всем аспектам традиционного образа жизни тюркоязычных народов Центрально-азиатской степной полосы роман "И дольше века длится день" частично заполнил на рубеже 70-х-80-х годов вакуум, созданный отсутствием научных и публицистических описаний злободневных проблем жизни национальностей и картины межнациональных отношений. Критики и комментаторы заметили в романе очень многое - и человека труда и гимн трудовому подвигу, и соблюдение автором узаконенных идеологией канонов социалистического реализма, и воспевание идей интернационализма и многие другие, положительные к началу 80-х годов, достоинства романа. Не заметили главного - скрытой политизации национального фактора. Между тем, именно эта особенность романа - его неявная политизация продолжает лучшие традиции российской классической литературы XIX века, когда писатели не обходились без политики даже в условиях, когда отсутствовали отработанные механизмы демократии - парламент, политическая публицистика и беллетристика.

Политизированная литература и сегодня имеет плюсы и минусы. Вскрывая накопившиеся гнойники национального бытия, она играет важную роль в подъеме национального самосознания народов, замещая частично раздавленные идеологическим прессингом общественные науки.

Но в политизированной художественной литературе, посвященной национальной истории и национальному бытию, были и свои минусы, свои промахи.

И дело не только и не столько в том, что политизация ограничивала мир, грани, качество художественных произведений, или явлений искусства, сколько в создании такого климата, в котором оставалось место культивированию лжи, фальши, лицемерия. В этом ее негативный аспект. В диалоге, опубликованном "Правдой"(83), Виктор

Астафьев и поэт из Смоленска Виктор Смирнов отметили, что сегодня немало подвижников, радеющих об Отечестве "не требуя за то "венца и повышения в чин". Но, "К сожалению, - как грустно заметил В.Астафьев,- развелось много спекулянтов на защите России, русского."

Чрезмерная политизация превращала достоинства литературы в ее недостатки, особенно в тех случаях когда дефицит таланта, некоторые деятели из корпуса творческой интеллигенции пытались компенсировать сверх верноподданическим усердным служением своей нации, единственно достойной внимания и художественного изображения.

Талант - требует ответственности. Малейшее смещение акцента в позиции писателя, поэта, ученого и его борьба за память может обернуться новым витком беспамятства, а стремление быть выразителем интересов народа - обернуться пропагандистом идей одной из враждующих партий, группировок, фракций. Уже немало примеров, когда, забросив свои лаборатории, иные деятели культуры добровольно отдают себя в плен политических интриг и доктрин. И немедленное трудоемкое восстановление исторической памяти оборачивается крикливым удревлением своей истории, в том числе, за счет принижения истории соседнего народа.

Обзор научной литературы и публицистики, отдельных исторических романов и иных художественных произведений, посвященных этногенезу, этапам этнической истории, историческому наследию своего и других народов, позволяет выделить некоторые линии некритического подхода к оценке национального и конфессионального факторов в происхождении и формировании отдельных народов, установить перегибы, или смещение акцентов в освещении истории межнациональных отношений. Коротко говоря, суть отклонений от взвешенной оценки исторических явлений, фактов, процессов, личностей и их деяний, сводилась в научной и художественной литературе следующим моментам:

Нередко история той или иной республики сводится к истории исключительно только того народа, именем которого названа данная республика(84). В самом деле, о каком полнокровном изображении истории народов, населяющих республику Молдову, может идти речь, если, например, в капитальном сочинении "История Молдавской ССР", изданном в 1982 году объемом в 550 страниц, проживающие в пределах этой республики гагаузы случайно упомянуты всего лишь на несколь-

ких страницах, (169, 204, 268, 499, 505) которые можно легко пересчитать на пальцах одной руки. В краткой хронологии фактов, приложенной к этому солидному тому, гагаузам не сподобилось быть обозначенными ни в одной из дат. Последовательное замалчивание проблем истории, культуры, языка гагаузов на страницах научных, научно-популярных республиканских изданий представляло собой фактически создание условий для их манкуртизации, т.е. умышленное или неумышленное лишение гагаузов своей истории и права иметь свою историю. Во что это замалчивание выплеснулось, в дни перестройки, хорошо известно читающей публике : официальным постановлением Верховного Совета республики Молдова гагаузам было предписано считать себя этнической группой. Иными словами, им отказано в праве быть самостоятельным народом, каковым они являются, отказано иметь свое имя, свои национальные символы, свою территорию, на которой они проживают на законных основаниях два столетия, а с учетом проживания на этой же земле их тюркоязычных кочевых предков - около тысячи лет.

В литературе союзных и автономных республик , в самом деле, очень редко освещаются социально-культурные проблемы национальных групп и народов, не относящихся к коренной национальности, т.е. к нации, давшей название той или иной республике. Со страниц обществоведческой литературы многих республик последовательно "исчезают" представители некоренной национальности. Создается впечатление, как будто в каждой союзной республике никто, кроме коренной национальности не проживает.

В целом ряде работ, в том числе и в специальных трудах, посвященных современным национальным отношениям, всесторонне раскрывается помощь русского народа нерусскому населению, и в то же время не упоминается о помощи титульной нации проживающим в пределах республики представителям национальных групп, или малочисленным народам.

Заключительный (четвертый) раздел монографии "История армянского народа" (Ереван,1980) посвящен советскому периоду (85). По существу, в этом разделе раскрывается история Армянской ССР. В разделе выделено несколько специальных параграфов о зарубежных армянах, но нет ни одного раздела о неармянском населении республики, хотя и упоминается о "большом внимании Советского правительст-

ва в 1920-1930 гг."... "Повышению культурного уровня проживающих в Армении национальных меньшинств - азербайджанцев, курдов, ассирийцев, греков." Так, например, "был создан Курдский алфавит - вначале на основе армянской, а затем латинской письменности", " в 1931 г. в Ереване открылся курдский педагогический техникум"(86).

При научном или художественном воссоздании этногенеза народов, имеет место не подтвержденное достоверными фактами и убедительными документами удревление происхождения и истории коренного народа союзной республики.

Ученые неоднократно высказывали тревогу по поводу того, что в ряде популярных изданий, выходящих большими тиражами, излагаются научно несостоятельные теории о древних корнях того или иного народа. Так, например, писатель Вл.Щербаков отыскал в Восточной Атлантиде за девять тысячелетий до нашей эры корни славянских племен и установил прямую связь между современным русским и этрусскими языками (87). Путешествуя по Арктическому району Армении, З.Балаян замечает: "Здесь всегда были камни. Миллионы лет. И здесь всегда жили армяне. Тысячи и тысячи лет", описывая населенный пункт Ошакан Аштаракского района, пишет : "Ошакан - красивый и уютный поселок ... Пять тысяч двести жителей. Несколько тысяч лет назад здесь, как везде по республике, отмечалось снижение рождаемости; думая об армянах, живущих на чужбине и лишенных "самого прекрасного человеческого чувства - чувства причастности к родине", заключает: "К родине, где жили твои предки тысячелетия подряд" (88).

Говоря об археологических раскопках в Анийском районе, на месте дна будущего водохранилища, З.Балаян дает волю воображению. "Под землей, - как представляет он себе, - целый город... Приглядишься, вырисовываются улицы и дворы, по которым несколько тысяч лет назад прохаживались армяне" (89). Писатель А.Югов попытался доказать, что герой греческой мифологии Ахилл является русским по своей этнической принадлежности. Подобных примеров немало.

В художественной литературе национально-патриотического направления в некоторых случаях предъявляются претензии на земли, входящие в пределы других союзных республик, или даже в состав других государств. При этом в прямой или косвенной форме обосновывается идея своей "Великой страны", созданной средневековыми или более древними предками коренной национальности той или иной союз-

ной республики.

Так, например, обосновывается идея "Великой Армении" или "Исторической Армении", включающей все те земли, на которых когда-либо проживали армяне. "До сих пор, - пишет З.Балаян, - ежегодно десятки армян переезжают в советскую Армению из Баку, Нагорного Карабаха, Гюлистана, Дашкестана, Ханлара, Грузии, Средней Азии. Только за последние десятилетия на родину репатриировало более двухсот тысяч зарубежных армян...

Разумеется, - пишет далее автор, - все это только радует сердце. Радует потому, что соотечественники собираются под один, единый флаг, флаг Армянской социалистической республики, ставшей маяком для всех армян мира. Но беда в том, делается тут же странный вывод, - что в некоторых случаях они оставляют родные края, оставляют исторические земли исторической Армении". В ряде других мест этой же книги, говорится, что нынешняя Советская Армения - это только лишь "крохотный остаток некогда поистине Великой Армении", что "древние армяне, владеющие территорией от моря до моря, были отменными моряками", "в начале прошлого века в Карабахе, одной из исторических областей Армении", "Со второго века до нашей эры Арцах (т.е. Карабах) со своим армянским населением и аборигенной княжеской династией (Араншахи) входил в состав Армении.

Упоминание отдельных районов, населенных пунктов, расположенных в других союзных республиках или зарубежных государствах, в сочетании с геополитическими высказываниями, в некоторых случаях прямо или косвенно ассоциируется с территориальными претензиями. "Тесно нам, - говорит об армянах З.Балаян, - как никому и нигде в мире. Плотность населения в стране составляет одиннадцать человек на один квадратный километр. В нашей республике - более ста одиннадцати человек"(90). Проезжая по Нахичеванской АССР, З.Балаян подчеркивает, что видит вокруг : "Армянские храмы, армянские церкви, армянские школы" и допускает скрытые оскорбления и выпады в адрес азербайджанцев : "Придет время, - пишет он о расположенном в Нахичеванской АССР селе - Агулис, будет восстановлен". "А пока пусть Агулис своим печальным видом напоминает современникам о вандалах недавнего прошлого" (91).

Иногда авторы иных художественных произведений чрезмерно увлекаются восхвалением достоинств своей нации, что приводит к выво-

ду относительно ее уникальности исключительности.

В ряде работ авторы всеми средствами пытаются преувеличить или представить более древней, чем она есть на самом деле, культуру своей нации. При этом делаются попытки идентифицировать с национальной культурой такие древнейшие памятники культуры, этническая принадлежность которых научно не выявлена и не доказана. Низкая компетентность и слабая обоснованность подобных попыток лежит прямо на виду, а противоречивость авторской позиции обнаруживается буквально на соседних страницах его текста. Справедливо утверждая, что "наскальные изображения или петроглифы являются уникальным источником для изучения первобытной культуры", З.Балаян тут же добавляет, "что к великому нашему сожалению многие наскальные изображения, сотворенные рукой наших древних предков, были вывезены вместе со скалами, с осколками камней за пределы республики". Иными словами, наскальные изображения в одном случае трактуются как результаты человеческой деятельности первобытной эпохи, а в другом - объявляются делом рук армян и соответственно достоянием армянской культуры (92).

Справедливо отмечая, что казахский этнос сложился не ранее, чем в XV в. нашей эры, Е.Д.Турсунов усматривает корни творчества акына Жырау и других исполнителей казахского фольклора в первом тысячелетии до н.э. и в более ранние времена.

К.Исмаилов полагает, что в становлении основы сюжета узбекских сказок и образов ведущую роль сыграли древнетюркские мифы.

Случаи, когда исследователи находят истоки этнического фольклора еще в те времена, когда не сформировались сами этносы, встречаются довольно часто. Непомерное восхваление и преувеличенная оценка отдельных элементов национальной культуры и образа жизни своего народа граничит с национализмом. Так, например, в книге З.Балаяна утверждается: "В высокогорном селе Личк, известном истари как культурный центр, перепись населения ведется испокон веков. Однако сохранились данные лишь с 1873 года"; "Трудно найти лучшее место на земля для обмена мнениями между архитекторами, нежели Санаин и Ахпат"; "лучший в Европе сыр "Рокфор" производят в селе Талин"; "абрикос во многих словарях отмечен, как "армянский фрукт"; "Я глубоко убежден, земледелие, мелиорация и вообще все сельское хозяйство Советской Армении - это феномен. Думается, по-

добного феномена мир не знает"; "И я думаю, какое мы все-таки совершаем преступление перед будущим, перед всем современным миром, если хотите, что не снимаем фильмов о феномене, каковым, по существу, является Советская Армения" (93).

Разработку армянской письменности М.Хачатурова объявляет чудом. "В годы безвременья, - пишет она, - когда в кровавых битвах с грозными врагами Армения теряла свою независимость, когда ей грозила ассимиляция, именно национальная письменность и язык были той мощной и непобедимой крепостью, за которой армянский народ сохранял и развивал свою самобытную культуру" (94).

Серьезный вред обществоведению наносят далекие от науки дискуссии между учеными различных республик. Украинские литературоведы нередко настаивают на том, что памятники древнерусской литературы XI-XIII вв., являющиеся общим духовным наследством всех трех этнически родственных народов (украинского, белорусского и русского) безраздельно принадлежат одной только древней украинской культуре.

"Кто такой, в самом деле, писатель Гоголь - украинский или русский писатель?" - с таким вопросом обратился к депутатскому корпусу академик Д.С. Лихачев 3 сентября на Внеочередном съезде народных депутатов СССР. И тут же ответил: "Он принадлежит и России и Украине. А великий музыкант Бортнянский - украинский музыкант и композитор или русский? Художник Левицкий - без него не мыслима история русской живописи? Архитектор Ухтомский, без которого нет ни Москвы, ни Петербурга? Кто такой Балтрушайтис, один из основателей Литовского государства? Это русский поэт-символист. Или художник Добужинский? Или великий философ Карсавин в Литве? Это русский, петербургский профессор, ученый, задолго до знаменитого Хейзинга определивший новое отношение к истории. Что такое Тартусский университет? Это и Юрьевский университет, это и Дерптский университет, это объединение немецкой, русской и эстонской наук." (95). Размышления (вопросы-ответы) академика зал встретил одобрительными аплодисментами.

Между армянскими и грузинскими учеными до сих пор ведется не всегда "справедливый" "дележ" ромейского культурного наследия. Но чувствуется, что хотя здесь и имеются симптомы как-нибудь "договориться", но до полной согласованности и здесь также далеко.

Продолжаются бесконечные споры относительно наследия "Волжской Булгарии", между учеными Башкирской, Татарской и Чувашской АССР. Так, например, Гали Чокрый (1846-1889), Акмулла (Мифтахетдин Камалетдин улы, 1831-1895), Меджит Гафури (1880-1934) в своих произведениях изображали образ жизни генетически близких башкир и татар. Как известно, указанные деятели культуры родились и жили в Башкирии, но писали на татарском литературном языке. Поэтому логически нет особого смысла делить их творчество между народами, а скорее надо гордиться тем, что каждый из них внес большой вклад в развитие национальной культуры не одного, а двух народов. Более того, творчество Акмуллы, писавшего кроме башкирского и татарского, еще и на казахском, можно считать достоянием и казахской культуры.

Время от времени проявляются разногласия между представителями Армении, Грузии и Азербайджана о том, кому принадлежит творчество Саяга-Новы (Арутюна Саядяна), который родился, жил и умер в Тбилиси, а свои произведения писал на 3-х языках: армянском, грузинском и азербайджанском. В справочной литературе он назван "великим армянским поэтом, крупнейшим представителем армянской средневековой поэзии" (96). Но вряд ли достаточно относить творчество двуязычного или многоязычного поэта к национальной культуре того или иного народа, исходя из антропологической принадлежности самого поэта. В конце концов, видимо, надо узнать об этом у самого поэта, кем он сам себя считает.

Отход от объективных научных позиций особенно опасен тогда, когда деятельность одного и того же исторического лица описывается и оценивается специалистами бывших союзных республик прямо с противоположных позиций, в одном случае - как национального героя, в другом, напротив, как врага народа. Этим наносится травма национальному самолюбию народов, затрудняется межнациональное взаимопонимание, подрывается взаимодействие народов. Так, например, в книге "Очаг", опубликованной в Армении, говорится: "В июле 1918 года выдающийся полководец, предводитель народно-освободительного движения генерал Андроник объявил в Нахичеване Советскую власть и сообщил Чрезвычайному комиссару Кавказа Шаумяну, что он со своим отрядом находится в полном распоряжении Российского Центрального правительства и подчиняется ему" (97). В другой книге, увидевшей свет в столице Азербайджана, о том же самом Андронике можно прочи-

тать, что он одерживал победы "над беззащитными селениями, беззащитно грабил и устраивал массовые избиения безоружных азербайджанцев. В результате погромов Андроника были разрушены деревни Суст, Чешмебасар, Тумбул и другие" (98).

В ряде публикаций, особенно юбилейного плана, долгое время воздавались непомерно высокие похвалы отдельным деятелям национальной культуры. Так, например, в изданной на 4-х языках книге "Низами. Афоризмы", (1982), говорится, что "Великий азербайджанский поэт Низами Гянджави принадлежит к числу крупнейших мыслителей всех времен", его идеи "намного опередив свое время, предвосхитили возникающие впоследствии уже на европейской почве концепции эпохи Возрождения о гуманизме, возвышенной любви, самопожертвовании, необходимости активно бороться за установление справедливости... На протяжении восьми веков каждое новое поколение воспринимает творения Низами как художественное явление современности, наследие его служило и служит неисчерпаемым источником вдохновения для художественного творчества и развития социально-философской мысли...

... не убоаясь, вопреки господствовавшим в его эпоху воззрениям, смело обожествить прекрасный мир чистых и возвышенных стремлений человеческой души, вдохновенно воспел самоотверженную любовь, которой чужды корысть и расчет, которая сильнее всех условностей и традиций. Тем самым Низами предвосхитил Данте, Петрарку, Шекспира, Пушкина...(99).

В некоторых художественных произведениях допускается очернение истории, культуры или отдельных представителей инациональных народов. Так, например, в романе М. Мураталиева "Кукушка месяца мая" приводится следующее описание убийства киргизов русскими солдатами. То, что речь идет о солдатах царской армии существа дела не меняет.

"Убийцы, - читаем в романе, - со спокойным видом резали их живые тела и бросали по сторонам, тех, кто убегал, протыкали вилами в спину, обухом топора раздробили череп ... повалили на землю и полоснули горло острием меча, при этом каждый старался, чтобы его не забрызгала теплая кровь живого тела. Растаскивали отдельные части тела, стремились волочь по всему загону туда, в угол, куда складывали в кучу, где еще полуживые члены тела дрожали, стонали, хрипели, тряслись, обливались кровью...

Во дворе стоял теплый пар от свежего мяса, и хлюпала кровь убитых людей. По двору невозможно было пройти, попадая в голенища убийц, чавкала кровь, насквозь промокали портянки, низ штанин. На их рубашках, брюках, мешках укрывавшихся (на голову надетые) не было живого места, не забрызганного кровью, ведь сложно стирать человеческую кровь. Убийцам было жалко только своего обмундирования ...

Когда убийцы отняли душу последнего черноголового, их силы иссякли, тяжело дышали, плевались, курили табак. Они были довольны своей работой и, получив удовлетворение, теперь ждали следующего приказа, чтобы срочно взяться за него." *)

Подмена социальных факторов этническими в освещении геноцида армян, приводит к враждебным, недопустимым, человеконенавистническим выпадам в адрес некоторых неармянских народов. Воспроизведем лишь несколько примеров из книги З.Балаяна : "Будь то среди христиан Европы или мусульман Сирии, Аравии и Африки, турок приносил везде только разрушение: никогда он не был способен развивать в мирное время то, что завоевал в войне"; "Монастырь Арич... разрушал, распиливал, гигантские колонны татаромонгольский варвар и вандал ... и вновь турки в ХУП, ХУП, ХУП, ХУП веках грабили, жгли, азушали"(100). Число таких примеров из книги З.Балаяна можно было продолжить.

Жертвы армянского народа во время геноцида действительно велики. Но разве надо виновниками этой трагедии считать всех, без исключения, турок? Достаточно заглянуть в компетентные исторические публикации. "Очевидно, что вся ответственность за массовое избиение армян, - пишет академик М.Г.Нерсисян, - падает на правительство султана Абдул-Гамида и особенно на правительство младотурок"(101).

В книге З.Балаяна допускаются оскорбительные выпады против азербайджанцев: "варвары", "вандалы", "дикие кочевники", "воинствующие кочевники". Нет нужды доказывать, что подобные "определения" далеко не способствуют воспитанию этнической терпимости, а создают напряженность между двумя соседними народами (102). Во что эта

-----
*) Пользуюсь случаем поблагодарить А.Асанканова за оказанную помощь в переводе приведенной цитаты с киргизского языка.

напряженность вылилась, нет смысла напоминать!

Случаи восхваления истории "своего" и очернения "не-своего" народа, к сожалению, встречаются не только в названной работе, но и в публикациях других авторов.

Печально известной стала попытка поставить спектакль по написанной в 1927 году пьесе А.Софронова "Сбившийся с пути не исправится", в которой один из ее героев говорит: "Да, нынешний век, кажется, будет гибельным, сильно изменились нравы из-за различных русских напастей. Ныне каждый законник и знаток, каждый пьяница и картежник. Все, что ни делает русский, все оборачивается нам во вред, а мы несчастные, всему этому бездумно подражаем. Увеличение числа русских сильно пошатнуло нашу жизнь". Нетрудно догадаться каким ветром в конце 20-х годов придуло в пьесу якутского автора антирусские выпады. Достаточно перелистать доклад Сталина "О национальных моментах в партийном и государственном строительстве", с которым он выступил на XII съезде РКП(б), т.е. за 4 года до появления пьесы А.Сафронова. "Основная сила, - по определению Сталина, ставшего затем и определением в резолюциях съезда, - тормозящее дело объединения республик в единый союз, - это та сила, которая нарастает у нас ... в условиях нэпа: это великорусский шовинизм ...стараящийся стереть все нерусское, собрать все нити правления вокруг русского начала и придавить нерусское ... который наступает и ползет, капля за каплей впитываясь в уши и в глаза, шаг за шагом разлагая наших работников ... таков первый и самый опасный фактор, тормозящий дело объединения народов и республик в единый союз"(103).

Бесспорно, чем выше культура нации, тем больше она дает оснований для национальной гордости. Но это лишь одна сторона дела. Другая же заключается в том, что признание ее необходимости для соседей, должна исходить от самих соседей, а не от самих создателей и носителей этой культуры. Чем ниже культура народа, тем она безразличнее к освоению инонациональных достижений, тем больше она нуждается в одобрительном восхвалении и в поддержке как изнутри, так и извне.

Историческое наследие многих народов понесло колоссальный урон через разрушение храмов и иных памятников, через искажение в угоду идеологическим концепциям места и роли отдельных элементов культуры в общей истории цивилизации, через замалчивание вклада

тех или иных народов в копилку общечеловеческих ценностей. Восстанавливая истину, выводя на сцену общественного внимания забытые явления истории или полуразрушенные памятники, иные авторы не могут удержаться от чрезмерного восхваления своей национальной культуры, что в конечном итоге ведет к преувеличению элементов "своей" и, механически, к занижению "достижений" "чужой" национальной культуры. Не приносят успеха и славы попытки "разделить" общее культурное наследие народов, "перехватить" у соседнего народа тех или иных легендарных личностей, "развести" по нынешним национальным квартирам одних и тех же предков или общее культурное наследие.

В научной и художественной литературе идут бесплодные споры при освещении этногенеза, этнической истории народов и вообще древней и средневековой истории своего региона у исследователей Закавказья. Для примера здесь можно назвать, в частности, отношение к проблеме истории древнего аборигенного населения Восточного Закавказья - Албании - албанам. Азербайджанские ученые, пытаются поставить этногенез современного азербайджанского народа в прямую связь с древним аборигенным населением Албании, хотя известно, что в историческом прошлом тюркоязычные племена сыграли в истории Кавказской Албании и албанов такую же абстрактную роль, какую турки-османы сыграли в истории народов Малой Азии. С целью "доказать" албанское происхождение своего народа азербайджанские ученые стремятся "албанизировать" , а затем "азербайджанизировать" таких представителей средневековой культуры армян как Мовсес Каганкатваци, Мхитар Гюш, Киракос Гандзакци и многих других, писавших на классическом древнеармянском языке.

В ответ, оказывая "сопротивление" этой концепции, армянские ученые впадают в другую крайность. Так, Ш.В.Смбатян в предисловии своего русского перевода труда Мовсеса Калакатуаци (Ереван, 1984), отзывается древним кавказским албанам в этническом своеобразии.

Имеет место лакировка действительных процессов, искажение реальной сути отдельных событий, имеющих принципиальное значение в становлении и развитии данного народа, в формировании его национальной гордости и национального достоинства. Бывало и так, что и среди талантливых поэтов находились такие, которым выпадала судьба быть тенью времени, и писать об исторических деятелях по "социаль-

ному заказу". За одно из таких выступлений горько пришлось раскаиваться Расулу Гамзатову, который вслед за официальным признанием Шамиля английским и турецким агентом, разжигателем вражды между народами, написал стихи, "разоблачающие" народного героя.

И отец мой до смерти своей незадолго

О герое поэму сложил ...

но, увы,

Был в ту пору Шамиль недостойно оболган,

Стал безвинною жертвою темной молвы.

Может, если б не это внезапное горе,

Жил бы дальше отец ...

Провинился и я :

Я поверил всему, и в порочащем хоре

Прозвучала поспешная песня моя (104).

Предпринимаются попытки разработать такие "этнозащитные механизмы", суть которых состоит в обосновании приоритетных условий развития национального большинства без учета реальных потребностей и интересов национальных меньшинств.

При разработке идей и способов реализации "этнозащитного механизма", не учитывается ни образовательный уровень, ни социально - профессиональная структура нации, ни социальные и политические позиции людей. Под флагом "этнозащитного механизма" пропагандируется, по существу, идея национальной ограниченности. В научной литературе были подвергнуты критике взгляды Ю.М.Бородай (105). Контакты людей разных национальностей, по мнению автора, ведут к идейному обезличиванию, "образуются "этнические химеры", "природный фундамент психической конституции человека размывается. Появляется масса мятущихся и усиленно рефлексующих личностей... Это значит, что соотношение между этносом и химерой, такое же как между здоровой жизнью и раковой опухолью"(106). Автор абсолютизирует национальные моменты в сознании, считает, что каждый этнос имеет свою замкнутую систему сознания и мироощущения.

В ряде изданий, наряду с преувеличением роли отдельных элементов национальной культуры, возвеличиваются и идеализируются функции религии в истории народа.

Отсутствуют публикации, в которых рассматривались бы специально проблемы взаимоотношения национального и религиозного в

истории народов, критерии взаимосвязи национальных обычаев, обрядов и ритуалов с религиозными. В тех случаях, когда подлинно национальные ценности объявляются религиозными, это задевает легко ранимые национальные чувства народов. И, наоборот, бывают случаи, когда религиозные обряды выдаются за национальные ценности. В этом случае национальное может быть использовано, как прикрытие религиозного.

Не всегда адекватно объясняется соотношение национального и религиозного в обрядовой практике народов и в особенности среди народов, живущих в районах традиционного распространения ислама. В одной из книг, например, утверждается, что "суннет, как ритуальное обрезание, находит у молодежи "открытую поддержку". Ссылаясь на данные анкетного опроса, автор утверждает, что "суннет с детства вербует ребенка в лагерь "муслимов", калечит психику, развивает в нем национальный эгоизм и неприязнь к "инаковерующим" (107). Такие публикации могут лишь дискредитировать исторический опыт исламских народов.

Итак, нет оснований для вынесения однозначной оценки вклада художественной, в том числе и части научной интеллигенции в реанимации исторического наследия народов, в восстановлении полуразрушенной памяти. Повидимому, место и роль этого вклада определяется тем, какие плоды произросли из засеянного поля национального самосознания. В одном случае призывы к сохранению памяти, к бережному отношению к историческим памятникам дали прекрасные семена в деле укрепления национального достоинства народов, обретение ими свободы от административно-бюрократического диктата Центра, избавления от чувства страха перед системой. В другом случае, там, где на почву национальной жизни попадали недоброкачественные семена - вместо возвышения национального духа, благородного стремления вывести нацию из социально-политического и экономического тупика, произрастали ростки экстремизма, нетерпимости к иным национальностям, идеализация всего своего и очернение чужого, стремление создать себе приоритетные условия за счет других.

Тем более возрастает ответственность творческой интеллигенции сегодня, в смутные времена, когда на очередном витке буксующего реформирования вносится дополнительная острота в конфронтацию между свободой и несвободой, между коллективизмом и индивидуализмом,

между демократией и тоталитаризмом, нищетой и богатством, жестокостью и состраданием, талантом и бездарностью. И если мы не станем укреплять исконные корни, вернувшись к чистым истокам, с умом восстанавливая утраченные пласты исторической памяти, нас унесет ветрами очередной интернационализации или диктаторской национализации. Первые порывы подобных ветров уже явственно ощутимы в нынешней заблудившейся литературе. Тревожное состояние передается многим.

Одновременно в нестройном хоре отчаяния нарастают и предупреждающие голоса, призывы отказаться от дискредитации памяти и национального самосознания, сохранить энергию самобытной культуры. Вот как пишет о нынешней ситуации в культуре один из идеологов демократии ровно через год после того, как он провел три ночи среди защитников Белого дома. "Потрясающе, с какой легкостью и внесовестливой игривостью потешаются ныне ворвавшиеся в литературу и искусство представители "анатомического реализма" над трагедией России, над обесчещенным ее народом. Им все равно, над чем иронизировать, что ненавидеть, опошлять. Мне видится в них нового склада атеисты, в душах которых умер бог. Или никогда не рождался. Им, таким остроумным, авангардным, таким еще вчера андеграудным, а сегодня надмирным, как-то даже неловко объяснять, что существуют святые понятия, delicate темы, что "не может сын глядеть спокойно на горе матери родной", и уж тем более - превращать это горе в цирковую чернуху. Когда же со всех экранов, страниц, эстрад на нас вываливаются бесчисленные трупы на фоне куполов, голые задницы на фоне крестов, мерзкий юмор на фоне слез и крови, тогда эта анатомическая паранойя сводит с ума, производит в сознании преступную подмену. И главное - откуда столько презрения, садистской (советской?) ненасытности в отмщении прошлому и настоящему? Чаше всего даже не собственному прошлому"(108).

Допускаются промахи не только в раскрепощении памяти, но и, наоборот, в ненормальной ее культивации. Это особенно нетерпимо, когда нечистоплотные люди, стремясь к политической карьере, усиленно педалируют те или иные болевые точки исторической памяти народов. Уважаемый в Кыргызстане человек, писатель Асанбек Стамов, руководитель издательского концерна "Учкун" неоднократно возмущался приемами агитации, которую ведут в Бишкеке активисты общества

"Семиречье", взявшие на себя миссию по организации эмиграции русского населения из Кыргызстана. Между тем, "... массовый отъезд русскоязычного населения, - по словам профессора В.М.Плоских, - ведет к экономической и политической дестабилизации как в нашей республике, так и в России."(109).

13. От художественного творчества к политической деятельности.

Многоплановый и сложный по архитектонике и глубокий по смыслу роман Ч.Айтматова с положительным центральным героем, отверженцем национальных, исламских и трудовых ценностей, сыграл немаловажную роль катализатора движений за восстановление исторической памяти народов, за реанимацию мусульманско-национального наследия, за обретение народами суверенитета.

От создания художественных образов до включения в активную политическую деятельность - так можно определить путь, пройденный той частью национальной творческой интеллигенции, которая в 70-80-е годы подняла знамя борьбы против манкуртизации, а на рубеже 80-90-х годов самой логикой своих действий была вовлечена в горнило политической борьбы. Немаловажную роль при этом сыграл своеобразный тренинг - расширяющиеся на виду участие творческой интеллигенции - писателей, ученых, художников, архитекторов в центральной и местной периодической печати, в обсуждении проблем происхождения народов, их духовной и этнической истории, исконности этнической территории, легитимности этнических границ. Накапились страсти, усилились притязания этнически близкородственных народов на литературное наследие классиков, творивших на двух языках. Это наследие, как и памятники национальной архитектуры, предметы традиционной утвари, элементы декоративного и прикладного искусства, изделия художественных промыслов становились важной формой восстановления и воссоздания исторической и вместе с тем национальной памяти.

Заинтересованный читатель жадно ловил материалы о культуре своего народа, острые выступления в защиту "своей" истории, о реабилитации выдающихся личностей и выдающихся дат. За вечерней чашкой чая горячо обсуждались черты характера, внешний облик, деловые качества людей своей и не своей национальности, беды и радости ус-

пехи и поражения в стране и за ее пределами.

На передний план все чаще и чаще выдвигались национальные интересы, выраженные в прямолинейной форме. От проблем восстановления исторических памятников стрелка компаса решительно поворачивалась на восстановление исторической памяти и воспитание национального самосознания. И хотя до залпа по иссушающему национальную душу интернационализму было еще далеко, первые раскаты орудия уже прогремели. Историческая память, как ядро национального фактора, уверенно выходила на этнополитическую арену. Возрождение народа и его культуры воспринималось ни много ни мало как важный элемент демократизации и продвижения к равноправию народов.

Едва ли не диссонансом газетно-журнальному буму оставалось непонимание лидерами роли и места исторической памяти, национального самосознания и национального "вопроса" в процессах реформирования. По свидетельству Н.И.Рыжкова, в самой середине 80-х годов, когда затеянная перестройка опиралась на четыре "кита": демократизацию, гласность, политическое обновление и экономическую модернизацию, ни о какой перестройке в национальном вопросе, как тогда говорили, речь вообще не шла (110).

Выдвинутые в романе "И дольше века длится день" идеи о необходимости восстановления исторического наследия нашли (в той или иной форме) отражение в программных документах большинства гражданских движений. И поскольку, ничто не возникает само по себе, на пустом месте, нам предстоит понять, что и политизация национальных движений имела свои предпосылки как в нашей объективной действительности, так и в деятельности художественной части национальной интеллигенции. Борьба за национальное возрождение стала предтечей, подтолкнула к борьбе за политическое освобождение. 1990-ый год, год суверенизации союзных и автономных республик, год парада деклараций о суверенитете стал логическим завершением, а, частично, и решением вопросов о национальном возрождении. Логика этой взаимосвязи национального и политического особенно наглядно и убедительно прослеживается на примере истории народных фронтов Прибалтики, Молдовы, республик Закавказья.

В самом деле, эмбриональное состояние любого народного Фронта начиналось с лозунгов и требований о восстановлении правды об историческом прошлом своего народа. Так, в частности, зарождалась

история Саюдиса, начавшаяся летом 1988 года. С митингов и выступлений вернуть Литве и литовскому народу правду об историческом прошлом. Естественно, на первых этапах само движение было овеяно романтикой, эйфорией освобождения национального духа, радости подъема самосознания нации. В условиях открытой конфронтации с Центральными ведомствами - это была такая социально-нейтральная позиция, которая подготавливала общественное мнение к следующему шагу - формированию более жестких претензий к Центру и системе. Вот почему, в отличие от европейской новейшей историографии, создавшей на первых порах немало иллюзий о независимости идей национального возрождения от концепции и программ политического возрождения, мы не должны дать себя увести в сторону от понимания логики современных национальных движений.

Исторические, языковые, моральные, экологические, культурологические требования, чрезвычайно тесно воспринимались со стратегией всего движения за независимость, за выход из состава СССР. Перечисленные общегуманистические лозунги и требования были составной частью движения за суверенитет, понимаемый, разумеется по разному союзными и автономными республиками, союзными республиками Европейской и Азиатской частей страны.

Были и другие формы подготовки творческой интеллигенции к борьбе сначала за память, а потом и за национальный суверенитет. Так, например, еще в конце пятидесятых начале шестидесятых в Азербайджане сформировался круг творческой интеллигенции, которую азербайджанский писатель Юсиф Самедоглу условно назвал "внутренним диссидентством". В кругу этих людей укрепилась традиция чтения "запрещенной" литературы, переосмысления того, в каком государстве проживают советские люди. Благодаря этой "внутренней" межличностной коммуникации, многие представители творческой интеллигенции уяснили себе тот факт, что живут в тоталитарном государстве, государстве подавляющем личность. Вместе с тем от переосмысления сути социальной действительности до попытки изменить ее, было еще далеко. Да и жертв было немало на путях перехода от инакомыслия к инакодействию. О судьбе группы людей, из которых пополнялись ряды диссидентов и националистов, испытывавших на себе весь набор средств

подавления борьбы за национальные права и национальную самобытность написал В.Чорновил в открытом письме М.С.Горбачеву: "Но, мо-

жет, затаив обиду на советскую власть за свои искалеченные судьбы, мы сами ушли в глубокую внутреннюю оппозицию ... Да нет же! Попытки официально вернуться к творческой жизни мы делали и делаем"(111).

Итак, от выхода в свет романа "И дольше века длится день" в 1980 г. до рубежа 88-89 годов - времени начала реформ в сфере национальных отношений, прошло менее одного десятилетия. Однако, предварительные шаги, первая проба пера и проба сил была предпринята не на уличных манифестациях и митингах, не перед микрофонами, а на страницах романов и других художественных произведений. Пока наука безмолствовала (или почти молчала) искусство повело борьбу, казалось бы, с вопросов, далеких от политики. В ряду поднятых проблем звучали вопросы восстановления памятников, национальной истории и культуры, переименования названий площадей и улиц, вопросы реабилитации лиц, пострадавших за желание знать национальную историю, за сохранение и хранение памяти. Чуть позже встали вопросы о возрождении национально-государственной символики (герба, гимна, флага), за восстановление религиозных праздников, особенно в республиках Средней Азии, где ислам особенно жестко "сцепил" национальный фактор с религиозным.

И, пожалуй, вполне закономерным было, согласно наблюдениям исследователей, почти дословное переливание в тексты новоиспеченных политических документов отдельных художественных образов из арсенала борьбы за историческую память народа. Сошлемся, в частности, на указанный С.М.Червонной красноречивый пример того, как акты искусства становились фактами политики.

"Около четырех тысячелетий, по словам Виргилиуса Успайтиса жили литовцы на своей земле. Семь веков назад они создали могущественное государство, отблески славы которого согревают их и поныне"(112).

В приведенном пассаже легко просматриваются элементы удревления этногенеза литовского этноса, попытка обоснования исконности национальной территории, хотя в европейской традиции, как известно, давно признали идею исконной земли таким же мифом, как и идею "Золотого века". Речь идет, попросту говоря, о необходимости различать стереотипы от юридических понятий. Тем не менее, как уже указывалось в литературе, в данной, скорее художественной, нежели

научной аргументации, есть свой резон: компенсация ущерба, нанесенного нации со стороны социалистического режима. Для нашего анализа важно подчеркнуть другое, что приведенной мысли нашлось место в строгом документе - в преамбуле Новой Конституции, разработанной на основе идей, привнесенных лидерами Саюдиса.

Художественная интеллигенция 70-80-х годов, несмотря на идеологические шоры, очень многое успела, чтобы сделать историческую память народов активной. В отличие от пассивной, активная память завладевает умом и сердцем человека, логично вовлекая его в борьбу за сохранение памятников прошлого, за преумножение культурного достояния.

Сегодня уже есть все основания сделать вывод о том, что наиболее активная, талантливая часть творческой интеллигенции сыграла значительную роль в национальном возрождении полуманкуртизированных народов. Писатели, поэты, художники, композиторы, журналисты, искусствоведы которые в доперестроечное время действовали на эмоции и чувства, постепенно стали политизироваться и политизировать вопросы исторической памяти.

От яркого, талантливого образа в художественных произведениях, к темпераментным, эмоционально насыщенным речам на митингах, манифестациях и шествиях, к непосредственному участию в составлении политических деклараций и документов (включая участие в разработке основ языковой реформы 1989 года и научных основ процесса суверенизации республик в 1990 году) и, вхождение в состав обновленных структур высшей государственной власти через полученные от народа депутатские мандаты - таковы основные вехи этнополитической эволюции творческой интеллигенции. Такова дорога от художественной деятельности к деятельности политической.

Приведу один пример - отрывок из политического манифеста, опубликованного в первом номере информационного бюллетеня Саюдиса "Возрождение", подписанного литовским поэтом Марцинкявичусом - из переходного этапа, на котором писатели переходили от создания художественных образов к подготовке политических документов.

Вся система ассоциаций, (родная земля, история, родной язык, природа, свободный труд и творчество, свои традиции и корни), возникающая у читателя романа "И дольше века длится день", находит почти зеркальное отражение в литовском политическом документе,

рожденном на гребне литовского национального движения. Поэтому имеет смысл привести текст этого документа.

"Земля, которую мы унаследовали от своих предков, - это наша земля. Зовем мы ее Литвой и хотим, чтобы это слово не исчезло ни с географической карты, ни из языков разных народов...

История, которая служит нам опорой, - это наша история. Пусть луч света и правды озарит ее трагичные и героические, кровоточащие и мрачные страницы, старые и новые памятники ее культуры.

Язык, на котором мы говорим и которым гордимся, - это наш язык. В нем достаточно слов для любви и ненависти, радости и печали. Он никому не угрожает и никого не отвергает. Как и все другие языки он хочет жить...

Природа, в которой мы существуем, - это наша природа, но и мы ее дети. Давайте омоем ее засоренные зеленые глаза, заботой и любовью окружим все ее творения...

Мы приветствуем Перестройку, освобождающую дух, мысль, труд, творчество, и под ее знаменами - знаменами гласности и демократии - выступаем за обновление, возрождение человека и нации"(113).

Сегодня можно взять почти наугад любую газету, республиканскую или центральную и немедленно обнаружить на ее страницах многие из тех запретных вопросов, о которых повествуется в романе "И дольше века длится день"! Так, например, обсуждая вопрос о том, какой договор подписывать республикам, в одной из статей, опубликованных в еженедельнике "Союз" в середине мая 1991 года, предлагалось дополнить преамбулу союзного договора неперенным перечислением допущенных в стране перегибов и деформаций в национальной политике, осудить насильственное изменение письменности, сокращение национальных школ, лишение целых наций и народов родных земель, признание Центром своей вины в Чернобыльской и Аральской катастрофах, тбилисских, бакинских, ошских, ферганских трагических событиях (114).

Закономерно, что многие представители художественной интеллигенции, поднявшие знамя восстановления исторической памяти и исторической правды, оказались народными избранниками, стали народными депутатами СССР, республиканских и других структур власти.

Надо не упустить из поля зрения и то, что чрезмерная эксплуатация темы памяти и исторического прошлого, как уже говорилось,

начинала проявлять себя подобно сильно действующему наркотику. И вместо восстановления реальных этапов этнической истории всплывало искусственное, научно необоснованное, эгоистическое, эгоцентристское удревление своей истории, приукрашивание своего прошлого и очернение прошлого соседнего народа.

Влияние творческой интеллигенции на зарождение и расширение национальных движений было многообразным и проявлялось как на индивидуально-личностном, так и на групповом-институциональном уровнях. Дело в том, что представители интеллигенции не только действовали духовно - били в колокола и пробуждали национальное самосознание. Своими произведениями, остроумными лозунгами (115), красочным оформлением многих акций творческие работники придавали мощный эмоциональный заряд программным требованиям, выдвигаемым лидерами национальных движений (116).

Обращение идеологов современных национальных движений к героическим страницам прошлого своих народов лишней раз подтверждает старую истину о том, что на каждом сколь-нибудь значительном этапе культурного взлета, человечество обращалось к своей памяти. Так, например, неоднократно случалось с возвратом к вершинным творениям античности. Как тут не вспомнить, что для достижения победы в годы Великой Отечественной войны потребовалось мобилизовать резервы памяти, и в первую очередь обратиться к прошлым победам России, одержанным ею задолго до Октябрьской революции.

Обладая доступом к средствам массовой коммуникации, к издательским структурам, и печатным органам, типографским базам, творческие союзы стали той крышей, под которой делали свои первые, порой робкие, неуверенные шаги будущие народные фронты, именуемые в литературе на первых порах безликим термином - неформальные организации.

Так, например, впервые предложение образовать Народный Фронт Украины прозвучало на экологическом семинаре Союза писателей Украины, состоявшемся в октябре 1988 года. Уже через год, в сентябре 1989 года на Учредительном съезде "Руха" принимало участие свыше 1100 делегатов, среди которых были и народные депутаты СССР. Потребовался только один год, чтобы "Рух" мобилизовал свои отделения почти во всех областях Украины.

Председателем "Руха" стал известный украинский поэт Иван Драч,

удостоенный до того званий лауреата многих государственных премий Украинской ССР.

Именно через творческие союзы получали первоначальную материальную поддержку несмелые ростки национальных движений на начальном этапе своего развития: аудитории, клубы, конференц-залы, кабинеты, возможности телефонной связи и тому подобное. Для первоначальных публичных дискуссий творческие союзы национальной интеллигенции предоставляли не только крышу, деньги, коммуникативные связи, но и активную "живую силу", делегируя из своих рядов в состав инициативных групп, в состав руководящих органов движений значительную прослойку активистов, решая тем самым вопросы кадровой политики.

Творческая интеллигенция инициировала в новых условиях гласности и перестройки новые формы взаимоотношений с органами государственной и партийной власти, новые формы взаимоотношений периферийных и центральных органов творческих Союзов. Не случайно, за два - два с половиной года накануне суверенизации союзных республик (1990 г.) начались процессы суверенизации творческих Союзов в некоторых союзных республиках.

Так, например, Союз художников Литвы 11 марта 1989 года сделал решительный политический шаг, приняв заявление о своем "суверенитете", - т.е. о выходе из состава Союза художников СССР. И ровно через год Верховный Совет Литвы, сформированный под руководством Саюдиса, принял Акт "О восстановлении независимого Литовского государства" и провозгласил восстановление и реализацию суверенных прав Литовского государства и становление Литвы независимым государством (117). В социально-политическое вызревание идеи и акции о суверенитете республики наряду с Союзом художников свою лепту внесли писатели и кинематографисты Литвы, так же принявшие на своих съездах (6-7 июня и 11 июня 1989 г.) решения о "суверенизации", о своем выходе из состава творческих Союзов.

Курс официальной национальной политики, осуществляемый партаппаратом на лимитированное культивирование национального самосознания, на ограничение его роста, на иерархическую дозволенность его проявления (нациям, имеющим союзные республики - больше, народам, создавшим автономную республику - меньше, автономную область или округ - еще меньше, народам же, лишенным автономии или

никогда ее не создавшим, - вообще ничего), породил оппозиционные демократические движения. Такой оппозицией стала та часть творческой интеллигенции, что вступила в неравный бой с официальной идеологией в борьбе против манкуртизации.

Таким образом, важнейшая функция - движения антиманкуртизации - это легализованная (хотя и частично в эзоповской форме) разновидность политической оппозиции. Одновременно антиманкуртизация являлась нелегальной формой политического протеста против основополагающих постулатов социализма, как общественно-политической системы.

Понимание истинной роли возрожденной памяти сегодня приходит немногим. Там, например, где общественные организации содействуют возрождению этой памяти, там они сохраняют свое влияние среди народных масс. Так, например, в г. Чадыр-Лунге, что на юге Молдовы, потребовался лишь один - 1990-й год для того, чтобы построить заново две православные церкви взамен когда-то в годы манкуртизации снесенных ретивыми руководителями районного масштаба. Решительная помощь, оказанная Чадыр-Лунгским РК КПМ в деле восстановления церкви в городе, и в селах района, повысила рейтинг районного комитета КПСС. Новая идеология руководства - восстанавливать все то, что было разрушено в ходе губительной кампании антирелигиозной пропаганды, находила еще накануне августовских событий отклик среди населения.

На восстановление церквей, как и на восстановление исторической памяти народа, например, на площади перед районным Домом культуры в апреле 1991 года был открыт памятник священнику Михаилу Чакиру - автору первой книги об истории гагаузов, написанной на гагаузском языке с использованием латинского алфавита.

Уникальную статую Будды, выполненную из сандалового дерева, возвратило верующим правительство Бурятии в связи с преддверием празднования 250-летнего юбилея буддизма в России. Указанная статуя была изъята в 1936 году при закрытии Эгитуйского доцана-монастыря и свыше пятидесяти лет хранилась в запасниках республиканского объединения музеев.

Память проявляет себя в человеке, в его духовной культуре, в социокультурных нормах его поведения с другими людьми, а также в среде его обитания. Последняя состоит из определенных результатов

человеческой деятельности - в памятниках архитектуры, в музейных ценностях, библиотечных фондах, архивах и текущей статистике, в повседневной сети массовой коммуникации.

И для того, чтобы память, и внутренняя (духовная) и внешняя (материальная) работали на человека, сегодня нужна действенная система мер, как наказаний, так и поощрений, для того, чтобы сохранить память, уберечь ее от коррозии, от губительного воздействия беззакония, хаоса и беспорядка. Нужен, условно говоря, закон о памяти, и в качестве приложения к нему нужна долгосрочная программа по возрождению и развитию памяти. Понятно, что и закон о памяти и общегосударственная программа возрождения памяти видятся в деидеологизированном свете.

Не исключено, что первым шагом на этом пути станет закон "Об усилении уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории, культуры". При обсуждении законопроекта на сессии Верховного Совета 10 июня 1991 года приводились примеры нависшей угрозы над многими памятниками, защита которых должна быть вознесена в ранг государственной политики памяти. Языком законов назрел разговор с руководителями "Мосметростроя", по вине которого, в частности, поврежден Пашков Дом, и приближается "очередь" Коломенского заповедника, на границах которого тот же "Мосметрострой" задумал разместить тупик метр поездов (118).

Так, например, министерство культуры РСФСР совместно с НИИ культуры и институтами АН СССР разработало ряд целевых республиканских программ: "Наследие", "Духовное возрождение России средствами театрального искусства", "Юные дарования", "Межнациональное культурное сотрудничество", "Наука и культурная политика" и некоторые другие. И хотя Министерству культуры постоянно не хватает средств, все же только в 1990 году на реставрацию памятников истории и культуры России, по словам министра культуры Ю.М.Соломина, было выделено 162,8 миллионов рублей (119).

Президиум Верховного Совета Украинской ССР принял постановление о праздновании 22 июня Днем всенародной памяти жертв войны и разработал комплекс мероприятий, посвященных 50-летию начала Великой Отечественной войны и организации партизанского движения на Украине. Обращение к памяти войны вдохновило на проведение в

республике марша мира "Единство", а также на выделение средств на улучшение жилищных и материальных условий, медицинского обслуживания ветеранов войны, инвалидов и вдов (120).

Формы проявления возрожденной памяти, извлечение из манкуртизма легендарных имен, подвигов, - многообразны. В июне 1991 года в Уфе состоялись дни памяти легендарного героя башкирского народа, поэта, певца Салавата Юлаева (121).

"Возрождение имен - возрождение духовности" - так определили суть Всесоюзной конференции по топонимике ученые, писатели, представители общественности, состоявшейся с 2 по 5 июня 1991 года в Центральном доме литераторов для обсуждения проблем возвращения исторических имен городам, селам, улицам (122).

Одна всесоюзная конференция - это лишь капля в море той огромной работы, которую предстоит проделать, чтобы вызвать к жизни убитую память народов, чтобы вернуть в строй из глубинных душевных и темных музейных отстойников духовные ценности предков.

Общественная и этнополитическая ситуация, падение нравов и усиление хаоса, смятение умов и беспокойство душ повседневно наращивают тенденции дестабилизации. Есть немало признаков реанимации беспамятства. С одной стороны, мы вспоминаем трагические уроки истории и каемся за наши окаянные дни, оплакиваем порушенные памятники, разоренные могилы предков, испоганенные церкви, создаем фильмы о "Покаянии", берем на себя грех "Цареубийц", приносим запоздалые извинения репрессированным народам, с другой стороны, забыв о собственном покаянии, еще не покаявшись до конца, до доньшка, мы впадаем в новое беспамятство. Ничем иным не назовешь логику действий тех, кто сегодня "вешает" Ленина, "крушит" Сталина, поливает грязью Хрущева и Брежнева. Едва ли не хронику событий с фронта беспамятства напоминают отдельные газетные статьи о новом витке беспамятства.

Вот одна из таких сводок из Грузии: "Демонтированы памятники революционным и советским деятелям, и один из первых в стране пал монумент Ленину в центре Тбилиси. Убрали прах революционеров из пантеона писателей и общественных деятелей. Переименованы улицы, города, поселки. Отменены прежние "красные" дни календаря, почищены библиотеки от коммунистической литературы" (123).

"Мне, например, совсем не симпатичен Свердлов, - говорил ки-

норежисер Карен Шахназаров, после завершения своего фильма "Царевубийца". - Но, полагаю, что памятник в Свердловске - кстати, чудовищно бездарный, надо сохранить. Но и это наша история. Я считаю ошибкой разрушение памятников Сталину. И об этой странице истории должны знать и помнить наши дети ... Я убежден, что необходимо вернуть старинные названия городам. Ведь нелегко менять имя взрослому человеку. Чем же города с древнейшей богатейшей историей провинились?"(124).

В одном из приказов министра культуры и культов Республики Молдова Иона Унгуряну содержится указание исключить из фондов молдавских библиотек книги, которые идут вразрез с интересами и "ориентацией молдавского государства". В соответствии с этим документом из библиотечных фондов будут исключены работы Маркса, Энгельса и Ленина, а также книги, которые их комментируют. Более того, библиотекам Республики Молдова отныне запрещено приобретать литературу по социально-экономической тематике и издания КПСС (125).

Накал межнациональных конфликтов становится все более высоким. Горько наблюдать, как демократизация оборачивается незапланированной стороной. "Война законов" сменяется войной финансовой, дополняется идеологической борьбой; газетные битвы чередуются с митингами и контрмитингами. Набирает обороты маховик всевозможных взаимных претензий. Этнополитическое противостояние оборачивается гражданской войной между народами и в душе отдельного человека. Поляризация и конфронтация соперничающих сил в борьбе за власть напоминает предреволюционные времена. И в нарастающем вихре беспокойства остается одна надежда, надежда на память. Только память, сказав всем: "Стой!", может преградить дорогу к апокалипсису. Каждый наделенный памятью, прекрасно понимает, что будет потом. Потом ничего не будет, кроме беспамятства, беспорядка и хаоса. Только генетическая память народа, пережившего насилие, не должна позволить ни сверхправым, ни сверхлевым свергнуть страну в очередной виток беспамятства. Память должна сегодня взять на себя еще две функции - миссию дипломатическую и миссию охранительную. За ней последнее слово о том, что все наши перемены должны происходить исключительно мирным, эволюционным путем. Другие пути ведут в тупик. Сегодня память нужна для разрядки той огромной разрушительной силы, аккумулированной за несколько десятилетий беспамятс-

тва и безверия.

Обращение к исторической памяти служит доказательством права народов на национальное самоопределение и государственный суверенитет.

К этому приему прибегают большинство авторов-составителей Программ современных национальных движений. "Белорусский народ, согласно преамбуле Программы Белорусского Народного фронта, завоевал и выстрадал право на суверенную государственность всем своим историческим путем. Традиции государственности Польского и Туровского княжеств, суверенитета Белоруссии и Литвы в Великом княжестве Литовском, Русском и Желтойтийском, традиции борьбы за достойное существование человека и народа в ходе восстаний Костюшко, Намновского, революций 1905-1907 гг. - все это имело логическим результатом самоопределение белорусской нации в форме объявления независимости Белорусской Народной республики 25 марта 1918 года, а потом - создания Советской Социалистической Республики Белоруссии 1 января 1919 года (126).

Едва ли не в каждой программе, а порой и в иных установочных документах современных национальных движений среди формулируемых целей движения важное место отводится восстановлению памяти.

"Духовное возрождение, духовное единство народа, - гласит программа Белорусского Народного фронта "Адраджэньне", - наивысшая цель БНФ. Пути к ним лежат через пробуждение и развитие исторической памяти и сознания народа, восстановление правдивой научной истории Белоруссии" (127).

Энергия памяти выступает движущей силой не только для целых народов, но и для отдельных социальных, этнографических групп или социально-сословных групп одного и того же народа. Заметным явлением последнего времени стала нарастающая тенденция возрождения казачества. Сами казаки понимают возрождение как комплексную проблему, составными частями которой являются возрождение традиций, культуры, семейного быта, духовного потенциала народа.

Понимая возрождение казачества как часть возрождения России и русской нации, казаки выдвигают задачу - добиться полной реабилитации (политической, экономической, культурной) казачества. Так, например, атаман Кубанской Рады, потомственный казак, доцент Кубанского госуниверситета, историк по профессии В.П.Громов считает,

что "государство должно вернуть казакам их право на землю и традиционную систему землевладения - общинное землепользование" (114).

Для того, чтобы движение казачества за возрождение стало массовым и эффективным, лидеры казачества выдвигают требования перед Верховным Советом России и перед ее президентом принять программу возрождения казачества. Это требование вполне вписывается в общее русло этнополитических движений и процессов, связанных с демократизацией в границах постсоветского пространства.

Имеется двоякая вероятность логики развития казачьего движения. В одном случае, стихийное, неуправляемое и непредсказуемое движение "снизу" может привести к возникновению мощной оппозиционной колонны, блокирующей демократические реформы нынешнего правительства. В другом, напротив - стать важной, сплоченной, активной поддержкой обновляющейся российской государственности, неотъемлемой составной частью многонационального состава народов России, а после принятия соответствующих законодательных актов - стать союзником новой российской власти.

От выбора оптимального пути и от климата общественного мнения, неоднозначно трактующего феномен казачества в истории народов России, от адекватно восстановленной исторической памяти во многом зависит как судьба самого казачества, так и в известной мере восстановление мощи государства Российской Федерации.

Во взаимопонимании, четком и ясном определении нынешних взаимных претензий и позиций - казачества к власти, и правительства к казачеству чрезвычайно важное значение имеет систематизированная информация о реальных процессах возрождения казачества, о понимании казаками самих себя, своего места в прошлой истории Российского государства, своей роли в нынешних этнополитических процессах, в укреплении обороноспособности России и в ее социально-экономической и культурной жизни, в стабилизации политического, межэтнического, межконфессионального и межличностного климата на обширных пространствах обновляющейся Европы и Азии.

Сложная, многокомпонентная структура казачества в досоветские времена, полифункциональная роль в жизни общества, трагическая история в первые советские годы предопределяет и многообразие форм процессов его возрождения в нынешних условиях.

Идеология и практика современного казачьего движения как и

многих других политизированных или этнизированных движений отражается в программных документах, конкретной деятельности по переустройству своей жизни - в центре, а также в пределах исторически сложившихся окраин Российского государства. Эти документы должны быть старательно изучены, систематизированы, вписаны в общую летопись демократических обновлений.

Наряду с процессами возрождения казачества в Европейской части России (включая Центр, северо-западную, южную часть, Поволжье, Урал), а также на Украине, в Приднестровье и в Причерноморье, активно заявляют о себе казаки Азиатской части бывшего СССР - забайкальские, амурские, семиреченские и другие.

Содержание возрожденческого процесса не отличается единством понимания целей и задач казачества. В одних случаях на передний план выдвигаются задачи восстановления казачества как сословия со своими привилегиями, в других - проявляется тенденция самовосстановления, самоорганизации собственного самоуправления, в третьих, обнаруживается стремление стать своеобразной социально-экономической, традиционно самообеспечивающей себя экономической категорией населения (со своеобразной формой общинного владения и частного пользования землей), в четвертых, как складывание особой историкокультурной группы (части) русского народа, в пятых, как особый пограничный заслон, вздвигнутый на рубежах Российского государства.

Генезис возрождения казачества также отнюдь неоднозначен. Наряду с ростом “казачьего ” самосознания, “пробуждения вольного духа”, то есть стихийным движением “инициативы снизу”, легко проглядываются и “указка сверху”, что вносит дополнительные нюансы в суть и в проблематику самого движения.

Накопившийся опыт самовольного участия казаков в разнообразных этнополитических и этноконфликтных ситуациях, их “однозначная ” засвеченность в ряде регионов бывшего СССР, от Молдовы до Курил, и от Северо-Запада России до Северного и Южного Казахстана, от Уральских гор до Кавказских, добавил правительству России целый ряд серьезных дипломатических проблем, в том числе с государствами ближнего зарубежья.

Иными словами, в связи с широким веером социальных, оборонных, политических, этнокультурных проблем, порождаемых процессами

возрождения казачества и неоднозначной трактовкой их в неустойчивом общественном сознании возникает настоятельная потребность глубокого понимания исторической памяти казачества.

В обществе, идущем к плюрализму мнений, взглядов, позиций, движений каждая группа должна иметь право на возрождение своей культуры и памяти, право на создание соответствующих центров, ассоциаций, клубов и иных объединений. Не могут составлять исключение и национальные группы, компактно или дисперсно расселенные в инонациональной среде. И, как уже отмечалось, новая этнополитическая ситуация открыла широкие правовые возможности для возникновения таких национально-культурных ориентированных центров. Это движение пустило глубокие корни в столицах как Европейской, так и Азиатской частях страны (129). Имеют место случаи, когда республиканские органы блокируют, или, по крайней мере, чинят препятствия в конституировании (в признании права на движение за возрождение памяти) объединений национальных меньшинств. Именно такими трудностями, в частности, было выдвинуто открытое письмо Президенту Узбекистана Исламу Каримову, опубликованное в центральной печати представителями различных общественных организаций и государственных учреждений, глубоко обеспокоенных известиями о препятствиях, возникших на пути создания русского культурного центра в Узбекистане.

"В Ташкенте, ... -как говорится в том послании, - открыто уже более десятка культурных центров. Однако, до сих пор нет русского, открытие его задерживается, что никак нельзя оправдать на наш взгляд. Двухмиллионная русская община республики, думается, заслуживает большего внимания к себе, к своим социальным и культурным проблемам"(130). Послание подписали представители Общенационального российского комитета, Московского городского добровольного общества русской культуры "Отечество", Русской Академии, "Русского центра", - Т.О. при СП СССР, Всероссийской ассоциации любителей отечественной словесности и культуры "Единение", Союза русских беженцев, Союза духовного возрождения, Интердвижения СССР, Комитета спасения Волги.

Обращение к Президенту Узбекистана оказать личное содействие в открытии русского культурного центра в Ташкенте продиктовано пониманием высоких целей этого центра, состоящих не только в возрожде-

дении культуры русского национального меньшинства, но и в достижении мира и согласия в межнациональных отношениях в республике.

В августе 1992 года правление русской общины Таджикистана распространило обращение к президенту республики Рахмону Набиеву "являющемуся в соответствии с Конституцией и клятвой - гарантом прав всех граждан республики, в том числе и прав национальных меньшинств". "Однако новые законодательно-правовые акты - от проекта закона о языке до проекта Конституции Таджикистана, мягко говоря, недостаточно учитывают интересы национальных меньшинств, а кое в чем грубо их попирают"(131). В этом же обращении раскрываются мотивы, вызывающие исход русских из Таджикистана. "В последнее время, - констатируют активисты русского национального меньшинства Таджикистана, - слышны обвинения в адрес уезжающих из республики, будто они грабят республику, вывозя свое имущество. Против некоторых развязана кампания травли и угроз. Складывается впечатление, что этот в сущности спровоцированный исход русского и русскоязычного населения кому-то хочется усугубить необоснованными нападками и обвинениями и переложить ответственность на людей, которые в течение трех поколений обеспечивали не только свое право на место под солнцем Таджикистана, но и саму возможность жизнедеятельности республики" (132).

Вклад, внесенный национальной творческой интеллигенцией в борьбу за национальное возрождение народа, как подземные источники, служил концептуальной, социокультурной подпиткой народным фронтам и национальным движениям. Там, где таких корней не было, или они были маломощными, ростки движения за национальное или политическое возрождение хирели.

Возьмем для примера конфронтацию, возникшую еще до развала Союза между народными фронтами и интердвижениями. Порой указанное противостояние принимало весьма взаимосопоставимые размеры. Например, движение "Единство", сформировавшееся в качестве контрорганизации "Саюдису", сумело организовать в Вильнюсе стотысячный митинг и принять резолюцию против Указа Президиума Верховного Совета Литвы, объявившего литовский язык единственным государственным языком республики.

Однако, в конечном итоге, все интердвижения в каждой из 3-х прибалтийских республик, в Молдове и в некоторых других - проигра-

ли. Немаловажную роль в их поражении сыграло отсутствие исторической памяти, отсутствие сколько-нибудь глубоких социокультурных корней. И дело не только в том, что часть социально-демографической базы интердвижений состояла из мигрантов первого или второго поколений, а в том, что русское население или население из числа национальных меньшинств, не сумело сформировать свою интеллектуальную элиту, создать свою местную творческую интеллигенцию, своих певцов "прошлого", борцов за восстановление исторической памяти. И жизнь преподала жестокий урок: там, где нет прошлого, там нет движения за восстановление исторической памяти, там и само движение за национальное возрождение обречено на поражение. Без прошлого нет настоящего, под сомнением будущее.

Разумеется, в поражении Интердвижений сыграли свою роль и другие причины. Лидеры национальных движений в борьбе с возрождающейся памятью национальных меньшинств, и в первую очередь русских, ловко разыграли карту "руки Москвы", карту борьбы против Центра, под которым в явной или скрытой форме подразумевалась борьба с великодержавным, великорусским шовинизмом. Первым знамя этой борьбы на этнополитической карте страны 20-х годов водрузил Сталин. Так что было у кого заимствовать идеи и ориентиры. "Если бы не было великорусского шовинизма,- внушал Сталин делегатам XII съезда РКП(б) - который является наступательным, потому что он силен, потому что он и раньше был силен, и навыки угнетать и принижать у него остались, - если бы если бы великорусского шовинизма не было, это, может быть, так сказать, в минимальном, в миниатюрном виде, потому что в последнем счете антирусский национализм есть оборонительная форма, некоторая уродливая форма обороны против национализма великорусского, против шовинизма великорусского" (133).

Энергия памяти не является чем-то случайным. Творческая деятельность народов и интеллигенции не могут быть бесцельными. Она должна иметь какой-то смысл. Так вместо ответа в завершение статьи возникает вопрос: в чем состоит стратегическая цель памяти и в чем смысл этой цели?

Сегодня в канун великого разлома, или в канун великой смуты, пожалуй, не стоит сомневаться в стратегическом значении памяти. Не случайно не осталось незамеченным мудрое предостережение академика Д.С. Лихачева, трезво прозвучавшее с трибуны сентябрьского съезда

народных депутатов, сразу же вслед за пьянящими августовскими днями, нелегкими днями в судьбе нашего государства: "Сохранение Союза, - это сейчас важнейшая проблема. Развал его повлечет за собой катастрофическую гибель всех наших республик. Это должно быть ясно не только здесь, в зале, но и за пределами наших стен. Это должно быть ясно каждому рабочему и крестьянину, неискушенному в чиновничьем языке, возможно не понимающему, что такое "экономическое пространство" и так далее. Они должны ясно представлять себе, почему необходим Союз... Все может быть оборвано. Но есть одно, чего нельзя отменить никакими силами, даже всемогущим богом, и что должно быть понято. Это наше прошлое, наша история, общая культура, хотя некоторые советские историки хотят властвовать и над прошлым и менять его. Но этого сделать никто не в силах. Мы живем общей культурой, в которую входит и наука с ее школами... Прошлое живет в настоящем, и мы от него не отделаемся."(134).

В обращении поколений к памяти имеется свое глубинное противоречие. С одной стороны память нужна для целенаправленного, неограниченного накопления идей, сюжетов, настроений, или того, что можно именовать духовным и материализованным багажом человечества.

Но ценность этих накоплений в каждый исторический отрезок времени неоднозначна. Соприкосновение с действительностью, с инновациями, с научно-техническим художественным прогрессом вносит существенные количественные коррективы в объемы памяти, видоизменяет ее цель, смещает границы в сферах ее влияния, вносит поправки в ее конечный смысл.

История цивилизации убеждает нас в том, что у памяти есть энергия, но нет самоцели. Будучи не способной самостоятельно, автономно ставить перед собой цели, память заимствует те или иные цели извне, из окружающей среды. Отсюда возникают прямопротивоположные цели, взаимоисключающие оценки, память одна в противовес другой.

В самой памяти что-то постоянно рождается, что-то отмирает. Возникает удвоенное противоречие, с одной стороны, по вертикали, память постоянно конфронтирует с непамятью, т.е. с тем, что происходит сегодня, с другой стороны, по горизонтали, в противоречие вовлекается память различных групп населения.

Пересечение двух указанных линий в условиях многонациональ-

ной страны с ее нестабильной ситуацией, создает ту гремучую смесь, которая от неосторожно брошенной спички чревата взрывами памяти, взрывами межнациональных конфликтов. Более того, когда на нынешнюю этнополитическую арену привносятся (энергией памяти) отзвуки былых времен, взаимоотношения былых поколений, то и от этого электризуется атмосфера. Память изменяет себе и начинает играть роль катализатора в реакции межнациональных отношений.

Отношение к памяти занимает ключевое место в идеологии многих современных национальных движений, а стало быть и в состоянии нынешней этнополитической ситуации. Борьба за раскрепощение закрепощенной и подавленной "кем-то" памяти становится вполне ясной, доступной целью широкого понимания и легкого подхватывания.

Идеологами национального движения тут же предлагается своему народу простой, ясный как день, путь решения всех своих сложных проблем. С противоположным знаком он состоит в зеркальном отражении с колониальной политикой. Борьба направляется за восстановление национальных тенденций в искусстве, искусственно создаются приоритетные условия для своей нации в исправлении "исправленной" истории, восстанавливаются исторические реликвии, прежняя топономика, возвращаются городам и весям, площадям и улицам названия, связанные с историей нации, или с историей ее собственной культуры, раскрепощается религия, тесно связанная с национальной культурой, отодвигается далеко в сторону забота о языке-посреднике, выдвигается сверхидея: освобождение от колониальной зависимости.

Такова, вкратце, логика реализации цели и смысла памяти.

Куда это ведет? Вот в чем вопрос.

14. Мобилизация памяти...

или

о положении русского и русскоязычного населения в ближайшем зарубежье.

На рубеже 80-х - 90-х годов, т.е. за одно десятилетие до третьего тысячелетия, в 14 бывших союзных республиках, как показала перепись населения СССР, проживало 25,3 млн. русских, что составляло 17,4% всего русского населения страны, или 18,2% от общей (совокупной) численности проживающего в республиках населения. (138,7 млн. человек).

За три года реальных и мнимых этнополитических реформ, и в результате суверенизации, население бывших союзных республик бывшего Советского Союза оказалось жестко "распределенным" на две категории: на титульное население, ставшее носителем государственного суверенитета и нетитульное население, не имеющее своей национальной автономии или расселенное за пределами своей государственности.

В сериях законодательных актов (законы о языках, о гражданстве, о референдумах, о правах нацменьшинств), в декларациях о суверенитете объем прав указанных групп населения оказался далеко неодинаковым (135).

В ряде бывших союзных республик проводится политика, направленная на разрушение сложившейся инфраструктуры по функционированию русской культуры: недавно закрыт русский театр юного зрителя в Риге; в русском драматическом театре Таллинна нет возможности обновления авторского коллектива из-за запрета на прописку; по требованию Министерства культуры республики даже расписание репертуара, репетиций и т.д. должно быть на эстонском языке. В ряде вузов Эстонии формально сохраняется прием молодежи на русское отделение, но преподавание на русском языке идет только на первом курсе, со второго курса практически все обучение идет на эстонском, что, конечно же не стимулирует поступление в вузы русской молодежи.

Наступление на русский язык и на русскую память идет и в вузах Узбекистана. Там сохраняется преподавание на русском языке, но на узбекский язык переводится вся документация, коллективные собрания и т.п. В республике запрещена организация русских, а также украинских и белорусских культурных обществ, хотя существуют общества казахское, таджикское, армянское, азербайджанское, татарское и некоторые другие.

Русские в бывших союзных республиках вне России (как и большинство мигрантов в инациональную среду), имеют более высокий образовательный уровень, чем представители титульных национальностей. Степень же реализации этого преимущества во многом зависит от социально-культурного уровня, в т.ч. степени урбанизированности представителей титульных национальностей.

Там, где они относительно выше (Закавказье, Прибалтика) уровень представительства русских в сферах квалифицированного умс-

твенного труда ниже. В тех же республиках, где социально-культурный уровень и урбанизированность титульных национальностей относительно низки (некоторые республики Средней Азии, Молдавия, отчасти Белоруссия) степень представительства русского населения в названных сферах выше.

Можно сказать, что в целом русское население за пределами России обладает достаточно высоким социально-культурным, в т.ч. и профессиональным потенциалом, чему в известной степени способствовали и условия конкуренции с представителями титульных национальностей, социально-культурное продвижение которых в известной мере стимулировалось искусственно созданным парниковым эффектом - существованием особых условий и ряда специальных преимуществ. Последнее обстоятельство, особенно в нынешних условиях, когда в большинстве бывших союзных республик активно проводится политика огосударствления языка титульных национальностей, вытеснение, где это возможно русских из сфер престижного, в т.ч. квалифицированного умственного труда приводит нередко к тому, что у русской молодежи вырабатывается комплекс социальной неполноценности. Специальные исследования о жизненных планах школьников, проведенные недавно в Ташкенте, показали, что у русских школьников, несмотря на объективно более высокий социально-культурный уровень по сравнению с узбекскими школьниками, социальные ожидания заметно занижены, а у вторых, наоборот, завышены.

Создавшееся положение, особенно в условиях, когда Россия не проводит активной политики поддержки русского и русскоязычного населения ближайшего зарубежья приводит к тому, что заметная часть потока потенциальных мигрантов из числа местных русских пройдет мимо России, в основном в страны Запада и в другие государства за границей бывшего СССР. О том, что такая тенденция наметилась, свидетельствуют, в частности, материалы опроса русских в Ташкенте, проведенного Институтом этнологии и антропологии РАН в самом конце 1991 года. Среди русскоязычного населения, решившего уехать из Узбекистана, половина намерена мигрировать в Россию, немногим более трети за пределы СССР, остальные на Украину и в Белоруссию.

Вероятно, в этой связи Россия должна помочь уехать и устроиться на ее территории тем, кто уже хочет это сделать и рано или поздно все равно уедет. В таком случае у них и у остальных русских

и ассоциированных с ними русскоязычных национальностей будет стимулировано появление чувства национальной социально-психологической защищенности, чего у них нет сейчас. Эти меры Российской администрации изменят на более положительное сейчас в основном негативное отношение к Российской государственности и ее лидерам русской диаспоры в нашем ближайшем зарубежье. Итоги упомянутого выше опроса русскоязычного населения Ташкента показали, что доля полностью доверяющих Б. Ельцину среди них довольно низка (14%) и она почти в два раза ниже, чем высказавших подобное отношение к Каримову и Назарбаеву.

В соответствии с новой ситуацией и новым статусом перед русскими возникает проблема самоопределения: или укореняться в систему ценностей (язык, культура, обычаи, средства массовой коммуникации) инационального государства и обречь себя на процессы маргинализации путем этнической адаптации - усвоения государственного (не русского) языка и приобщения к ценностям титульной нации, или же покинуть иноэтническую среду и вернуться в Россию, где не потребуются дополнительных усилий на этнизацию, но возникнут непростые вопросы социализации и социальной адаптации.

Соответственно возрастут вес, "цена" и спрос на историческую память. Не надо быть пророком, чтобы предвидеть в ближайшее время крутой подъем русского национального самосознания. И ни России, ни ее ближайшему зарубежью далеко не безразлично куда, в какую сторону движется волна русского национального движения, усиленная экономическим кризисом, политической нестабильностью, набухшая кровью межнациональных конфликтов.

Обе перспективы - и этническая адаптация в иноэтническую культуру за пределами России, и социальная реадаптация в новые демократические структуры России - потребует от людей значительных духовных и нравственных усилий, материальных средств.

Каждая из ожидаемых тенденций - будет создавать дефицит культуры, следом за которым ускорятся падение нравственности, снижение интереса к жизни, оскудение творческих замыслов и ослабление созидательной деятельности.

Установление тоталитарного режима в постоктябрьской России начиналось с уничтожения ее главных ценностей - с ликвидации интеллигенции, обладающей глубоким интеллектуальным и профессиональ-

ным потенциалом, с разрушения крестьянского уклада, без корней которого общества задыхается от безродства и беспамятства, с занижения планки компетентности, без которой общество теряет контроль над собой и перестает быть управляемым и жизнеспособным.

При этом некоторый отход от русскости и включение в сеть иной культуры будет иметь неодинаковое содержание в разных государствах новейшего зарубежья. В одних случаях на передний план при сокращении русскости будут всплывать вопросы сохранения православия, в других - борьба за равностатусный русский язык, в третьих - сохранение компактного расселения в инонациональном окружении, в четвертых, стремление восстановить прежний сословный статус, например, казаческий, в пятых, надежда на достойное представительство в органах законодательной или исполнительной власти и т.д.

Начавшиеся еще накануне перестройки процессы "вымывания" нетитульного населения, в том числе русских, из большинства бывших союзных республик, по всей вероятности получит продолжение в дальнейшем расширении миграционных процессов.

Языковые законы 1989 года, Декларации о суверенитете республик 1990 г. Законы об экономической самостоятельности, дополнения к Конституциям бывших союзных республик о верховенстве на их территории законов республики над законами Советского Союза и многие другие законодательные акты новых властей, особенно там, где ее взяли в свои руки националистически настроенные представители Народных Фронтон, возвели не только правовую, но и идеологическую крышу этого новейшего процесса.

Наступление на права русских и русскоязычного населения в ряде случаев сопровождается дополнительными территориальными притязаниями, предъявляемыми России. Так, например, в принятом 22 января 1992 г. Постановлении Верховного Совета Латвии "О непризнании аннексии города Абрене и шести волостей Абренского уезда" ставится вопрос о передаче Латвии из состава Псковской области города Пыталово и прилегающего района с русскоязычным населением (136).

В ряде законодательных актов, в частности, в законе Литвы "Об удостоверении гражданина Литовской республики" конституируется политическая нетерпимость к инакомыслию, бьющая прежде всего по правам русскоязычного населения (137).

Межэтнические конфликты, пронесшиеся по столицам союзных рес-

публик от Алма-Аты до Кишинева и от Тбилиси до Риги показали, что в обозначенный переходный период, путь русского населения в 14 союзных республиках (кроме РСФСР) к статусу национального меньшинства будет многотрудным, болезненным и трудноразрешимым. Увеличение социальной активности титульных народов периферии, в частности, в нерусских союзных республиках, сопровождаемые ростом социальной апатии русского и шире - русскоязычного меньшинства, достигло определенного рубежа, вслед за которым развернулось ожесточенное противостояние. Комплекс "поражения", накопленный русским меньшинством в ходе развернувшихся национальных движений, начал постепенно рассасываться. И сегодня даже среди людей, например, в кругах технической интеллигенции, начинается брожение и новая волна обеспечения самообороны. И от всех, от усиливающегося в республиках огосударственного национального большинства и от разгосударствляемого национального меньшинства требуются необычные усилия для создания новой обстановки взаимной терпимости.

Несостоявшийся путч в августе 1991 г. правящая этнократическая верхушка бывших союзных республик использовала для подавления движения русских национальных меньшинств. Были разгромлены Интердвижения в Эстонии, Латвии, Литве, Молдове, запрещены в Грузии, Узбекистане, Азербайджане, Таджикистане. Годовщина провозглашения Гагаузской Республики и день 19 августа, объявленный всенародным праздником, трагически совпал с событиями в Москве. Тем не менее молдавское правительство воспользовалось этим случаем для разгрома гагаузского национального движения. Были, в частности, арестованы лидеры этого движения за участие во всенародном празднике.

Раздуваемая средствами массовой информации независимых государств антирусская истерия, в том числе настойчивое обвинение русскоязычного населения в шовинизме, в насаждении тоталитарного режима, в нежелании воспринимать культуру титульных национальностей, создает невыносимые условия жизни, труда и отдыха. Установление законодательным путем приоритетного положения титульных наций в сфере экономики, управления, политики, культуры и быта обрекает русских на второсортное население и на перспективу ассимиляции и исчезновения с этнополитической арены. Альтернативой этой тенденции выступает отток русского населения в Россию или организованное сопротивление и конфронтация с титульной национальностью.

На трудностях адаптации русских играют националисты. Опубликованная в эстонской газете "Постимээс" статья историка Эвальда Лааси так прямолинейно и называется "О невозможности интегрирования русских" (138). Русские, - по мысли автора, - во-первых, виновны в 50-летней оккупации и колонизации, едва ли не прекративших существование эстонцев, во-вторых, 700-летнее владычество немцев над эстонцами привело к вхождению эстонцев в западноевропейскую культуру и оградило от губительного славяно-византийского влияния, в-третьих, коренные жители Эстонии - печорцы, принарвские, причудские русские в течении сотен лет были ближайшими соседями эстонцев, но так и остались враждебной эстонцам силой, в-четвертых, накануне войны русские поголовно были готовы шпионить в пользу России и активно шли в истребительные батальоны.

Каждая из двух указанных тенденций - и приспособление русских к новым условиям межэтнических отношений в независимых государствах, и реиммиграция русских в Россию - требуют постоянного внимания и серьезных решений.

Для обеспечения гаранта русских и русскоязычного населения в иноэтнической среде, равно как и создания гаранта для любых национальных меньшинств, назрела необходимость предусмотреть такую систему двусторонних (горизонтальных) межгосударственных договоров, с помощью которых можно было бы в рамках независимых государств создавать единое правовое пространство. Одним из механизмов функционирования такого пространства могли бы стать заново "отредактированные" пакеты законов, предусматривающие гибкую систему различных моделей двойного гражданства.

Так, например, принятый на Украине закон о гражданстве разрешает двойное гражданство. Однако этот новый правовой механизм, безусловно, нуждается в предварительном заключении с каждым независимым государством соглашения, в котором должна быть разработана форма получения двойного гражданства, разграничены права и обязанности, в том числе имущественные права на долю государственного имущества при приватизации, или выполнение воинской обязанности в случае призыва в армию.

Обновление и "исправление" принятых в бывших союзных республиках дискриминационных законов может пойти двумя путями: во-первых, это - услышанный голос России в процессе утверждения и принятия но-

вых законов, которые не только устанавливают правовые нормы, исключают дискриминацию русскоязычного населения, но и создают необходимые материальные гарантии для реализации антидискриминационных принципов, во-вторых, рекомендации по внесению поправок в сроки и в условия введения в действие законов о переходе русскоязычного населения на государственный язык бывшей союзной республики.

Жесткость принятых законов вынудила правительства некоторых независимых государств идти на уступки. Так, например, в литовский закон "О национальных меньшинствах" были внесены изменения и поправки, закрепляющие права русскоязычного, в том числе польского населения Литвы, учиться в вузах на национальном языке, подготавливать специалистов, необходимых для удовлетворения потребностей национальных меньшинств (139). "В местных учреждениях и организациях территориально-административных единиц, - говорится в законе "О внесении поправок в закон Литовской республики "О национальных меньшинствах", - в которых компактно проживает население какого-либо национального меньшинства, наряду с государственным языком используется язык этого национального меньшинства" (140).

На очереди трудные переговорные процессы, результатом которых должен стать отказ от лозунгов типа: "Грузия для грузин", "Молдова для молдаван", Украина для украинцев" и т.д.

Требуют серьезного внимания проблемы воспроизводства русскоязычной интеллигенции, особенно гуманитарной. В частности, необходим специальный вуз для подготовки русской интеллигенции для ближайшего зарубежья.

Российская Федерация, и прежде всего Москва, как столица России и русскости, обладающая огромным научным и экономическим потенциалом, сосредоточенным в академических институтах, в вузах, в различных ведомствах могла бы приступить к созданию крупного международного фонда по оказанию этнокультурной и гуманитарной помощи и поддержки самобытности и этничности зарубежного русского и русскоязычного населения. Заслуживает поддержки идея о создании Международной вещательной компании, питающей русскоязычной информацией общее информационное пространство СНГ. Опрос, проведенный в 8 столицах - Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Ереване, Киеве, Кишиневе, Минске, Ташкенте, в ходе которого около 7 тыс. человек дали вполне представительную картину, позволил выявить особую притягательность для

русскоязычного населения телепередач на русском языке из Москвы. Передачи канала "Останкино" "регулярно" смотрят 57,0% русскоязычного и 41,5% титульного населения в Алма-Ате, и далее соответственно 72,5% и 50,5% в Баку, 70,0% и 40,5% - в Бишкеке, 66,0% и 55,0% - в Киеве, 67,0% и 26,0% - в Кишиневе, 90,0% и 70,5% в Ташкенте (141). Комментарии, как говорится, излишни. Развал Советского Союза создает реальную угрозу не только в дестабилизации межэтнических отношений, в эскалации межнациональных конфликтов, но и в разрушении этничности, в том числе русскости, в приближении этнической катастрофы русских и других национальных меньшинств в ближайшей диаспоре.

Работа указанного специализированного Фонда могла бы охватывать ряд направлений, в том числе: по всестороннему изучению состояния ближайшего русского зарубежья; по систематической подготовке кадров для русского и русскоязычного населения в иноэтнической среде; по целенаправленной системе радио- и телепередач по договоренности с руководством государств ближайшего зарубежья; по обмену коллективами, группами лиц, заинтересованных в сохранении и укреплении внутриэтнических связей населения, разделенного государственными границами; по подготовке научно-информационных банков данных о состоянии этничности, экономики, культуры и самосознания русских в России и за ее пределами; по созданию специализированных двусторонних рабочих групп по разработке рекомендаций и предложений по удовлетворению интересов и потребностей русского населения в независимых государствах и интересам национальных групп в России, например, интересов русских на Украине, и интересов украинцев в России; по мобилизации сил и средств для осуществления научно-обоснованных санкций (системы мер морального и материального поощрения) русского населения в этносоциальных организациях независимых государств.

Международный фонд этнокультурной гуманитарной помощи русскому зарубежью мог бы, во-первых, стать магнитным полем, притягивающим группы отверженного, бесстатусного населения, во-вторых, служить компенсирующим гарантом для групп русскоязычного населения, оказавшегося в дискриминируемом положении, в-третьих, восстановить культуртрегерскую роль, которую Россия играла до того, как к власти пришли большевики, в-четвертых, служить резервуаром идей и

практических предложений в разработке внешнеполитической деятельности обновляющейся России.

Для разработки системы санкций, а также всестороннего сотрудничества с российским и русскоязычным сектором ближайшего зарубежья необходимо создание специальной научно-координационной службы неотложной этнокультурной помощи. Ее стратегические и тактические задачи будут состоять в определении места различных групп русского населения в исторической судьбе народов; раскрытии противоречивой роли этнического фактора в процессах его взаимодействия с социальными и политическими факторами; в выявлении значения взаимодействия культуры национальных групп и национальных меньшинств с культурой русской нации; в определении многообразия форм этноязыковой жизни русских, включая различные формы двуязычия в разнообразных регионах, в ситуациях, этапах истории; в сравнении устойчивости и размываемости русскости (русской этничности) в ходе современных процессов урбанизации, интеллектуализации и технотронизации общества; в определении соотношения интеграционных и дезинтеграционных процессов, центростремительных и центробежных тенденций, а также их связи с процессами стабилизации внутри России, в недрах русского народа, и, наконец, в оценке степени солидарности, нейтралитета или конфронтации между национальными меньшинствами и народами, составляющими национальное большинство.

Российское министерство иностранных дел развернуло кампанию по отстаиванию прав россиян, расселенных в пределах бывшего СССР, но после его распада невольно оказавшихся в дискриминационном положении. Проводимую в Латвии и Эстонии политику в отношении русского и русскоязычного населения представитель России в ООН Сергей Березный расценил как "дискриминационную, недружественную и недальновидную". Выступая на проходившей в конце августа 1992 г. в Женеве 44-й сессии подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, директор норвежского Института прав человека Асбьерн Эйде сказал: "Если людям отказывают в гражданстве и создается угроза нарушения их прав в будущем, то можно говорить обэлементах "этнической чистки". С Латвией и Эстонией предпринимаются двусторонние переговоры о правах национальных меньшинств. Россия пытается привлечь внимание мировой общественности и правительств стран - участниц ООН, СБСЕ и других организаций к нарушениям

прав россиян в Прибалтике"(142).

Совершенно очевидно, что путь народов бывшего СССР к новому сосуществованию будет трудным, сложным, бессистемным, начиненным опасными межнациональными конфликтами. Знание, понимание, учет факторов, тенденций и закономерностей развития (социализации, политизации, этнизации) русского и ассоциированного с ним русскоязычного населения за пределами России, учет опыта, накопленного в международном сообществе, позволит снять часть межнационального напряжения, улучшить климат межнациональных отношений, углубить и расширить историческую память народов, память, исконно ориентированную не на вражду и войну, а на мир и согласие И от творческой интеллигенции народов во многом зависит в какую сторону сработает" энергия памяти.

15. Вместо заключения

Память как важнейшая часть историко-культурного наследия каждого народа, как зафиксированное свидетельство его этногенетической судьбы и новейшей истории, как необходимое и обязательное условие его настоящего и будущего существования и развития, как составная часть самоутверждения человеческой цивилизации, требует надежной защиты от всех грозящих ей бед и несчастий. И каким трудным на был бы наш переход от полуманкуртизма к новому самопознанию и самоуважению, мы не можем забывать свой нравственный долг и свою обязанность перед прошлым и будущим поколениями. Похоже, понимание этой истины приходит раскрепощенным соотечественникам в России и ближнем зарубежье. Во всяком случае, Закон Республики Казахстан “Об охране и использовании историко-культурного наследия ” (143), вступивший в силу с 1 августа 1992 г., вселяет надежду, что будут приняты разумные меры по выявлению, организации учета и сохранению историко-культурных ценностей, которые многонациональный народ Казахстана считает своим национальным достоянием и своей исторической памятью.

Двенадцать лет, отделяющих роман о памяти “И дольше века длится день” и казахский закон о памяти – это путь к обретению памятью своего правового статуса, а, следовательно, путь к законодательной защите памяти, путь народов к самосохранению.

Список литературы:

1. Д.С.Лихачев. Земля родная, М., 1983, с.49.
2. В.Белов. Длинною в жизнь, Кишинев, 1984, с.529.
3. Валентин Распутин. Против беспамьятства. Наш современник, 1988, N1, с.169
4. Здесь и далее все ссылки на текст романа "И дольше века длится день" даются без указания страниц по изданию: Чингиз Айтматов. И дольше века длится день. Фрунзе, 1981.
5. А.Кузнецов. Божий промысел. Наш современник, 1991, N4, с.19.
6. Расул Гамзатов. Мой Дагестан. Махачкала, 1974, с.259.
7. Там же, с.260.
8. Московские новости. 1990, 18 марта. Цит. по: М.П.Капустин. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М. 1990, с.467.
9. Неделя, 1991, 3 - 9 июня.
10. См. об этом: М.Булгаков. Собр. соч. т.5, М. 1990, с.631.
11. И.Сталин. Соч. т.5, М. 1947, с.238.
12. Там же с.241.
13. "Съезд, решительно осуждая оба этих уклона (великорусский шовинизм и национализм невеликорусских народов - М.Г.), как вредные и опасные для дела коммунизма, считает нужным указать на особую опасность и особый вред первого уклона в сторону великодержавности, колонизаторства". КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том второй . 1917 - 1924, М. 1970, с.255 - 256.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2, 1917 - 1924, М. 1970, с.433 - 443.
15. И.Сталин. Соч. т.5, М. 1947, с.181 - 194.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2, 1917 - 1924, М. 1970, с.406 - 407.
17. Там же, с.437, 438 - 439.
18. И.Сталин. Соч. т.5, с.262
19. Цит. по: Д.С.Лихачев. Прошлое - будущему. Статьи и очерки. Ленинград, 1985, с.59.
20. Цит. по: Игорь Шафаревич. Есть ли у России будущее? М., 1991, с. 405.
21. Программа НФБ.

22. Наш современник, 1988, N1, с.170
23. См. об этом подробнее: Социально- культурный облик советских наций. По материалам этносоциологического исследования. М.1986, с.435 - 446.
24. Ю.А.Андреев. По земле Вологодской. Литература и социология.М., 1977, с.392 - 394.
25. Г.П.Федотов. Трагедия интеллигенции. В кн.: О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990, с.403.
26. Joseph P. Mozur. Dufting "mancurt's cap". Chingiz Aitmatov's "The day lasts more than a hundred years", and the turkic national heritage. The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. N605, University of Pittsburg, 1987.
27. Чингиз Айтматов. И дольше века длится день. Фрунзе, 1981, с.295.
28. Там же, с.6.
29. Г.Уэллс. Россия во мгле. М. 1959, с.28.
30. Цит. по: И.Шафаревич. Есть ли у России будущее? М. 1991, с.343 - 344.
31. Шариф Шукуров. Что такое культура ислама. Литературная жизнь, 1991, 5 июня.
32. Возрождение, 1988, N1, с.16.
33. Николай Рыжков. Перестройка: История предательства. М., 1992, с.361-362.
34. Цит. по: И.Б.Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М. 1975, с.231.
35. ПСРЛ, т.XV, вып. 1,Рогожский летописец, Петроград, 1922.
36. Цит. по: И.Б.Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М. 1975, с.262.
37. Там же, с.306.
38. Расул Гамзатов. Мой Дагестан. Махачкала, 1974, с. 302.
39. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т.УІ, 1941 -1954, М. 1971, с.119.
40. КПСС в резолюциях, с.131.
41. КПСС в резолюциях..., с.106 - 112.
42. Там же, с.124 - 129.
43. КПСС в резолюциях, с.195 - 209.

44. Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос. М., 1971; Рустамхан. Узбекский героико-романический эпос. М., 1972; Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973; Кобланды-Батыр. Казахский героический эпос. М., 1975; Башкирский народный эпос. М., 1975.
45. Гер-Оглы. Туркменский героический эпос. М., 1983; Манас. Киргизский героический эпос. Книга первая. М., 1984; Строптивый Кулун Куллустуур. Якутское олопхо. М., 1985; Манас. Киргизский героический эпос. Книга 2, М., 1988; Алтын Арытг Хакасский героический эпос. М., 1988; Манас. Киргизский героический эпос. Книга 3. М., 1990.
46. Расул Гамзатов. Мой Дагестан. Махачкала, 1974, с.27.
47. Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 3, Москва, 1990, с.488.
48. Там же, с.332.
49. Известия, 1991, 11 июня.
50. Литературная газета, 1986, 26 ноября.
51. Подробнее см.: А.П.Айриян. О социально - экологической очаговости болезней человека. Ереван, 1985.
52. Литературная газета, 1987, 29 июля.
53. Расул Гамзатов. Мой Дагестан. Махачкала, 1974, с.59.
54. Советская Киргизия, 1989, 29 сентября.
55. Казахстанская правда, 1989, 28 сентября.
56. Правда Востока. 1989, 24 октября.
57. Комсомолец Таджикистана, 1989, 2 августа.
58. Казахстанская правда, 1989, 28 сентября.
59. Советская Молдавия, 1989, 3 сентября.
60. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984, с.116 - 117.
61. Казахстанская правда, 1989, 28 сентября.
62. Там же.
63. Советская Киргизия, 1989, 29 сентября.
64. Правда Востока, 1989, 24 октября.
65. Цит. по.: Российская газета, 1991, 24 мая.
66. Российская газета, 1991, 5 июня.
67. Alexandre Bennigsen and Marie Broxup. The islamic Threat to the Soviet State, Nem Jork, St.Martins Press, 1983, p.62.

68. Книжное обозрение, 1986, 25 июля.
69. Зорий Балаян. Очаг. Ереван, с.41.
70. Зорий Балаян. Очаг. С.63,315.
71. Цит. по: Д.Е.Еремеев. Ислам. Образ жизни и стиль поведения. М. 1990, с.195.
72. Манас. кн. 3, М., 1990, с.376.
73. Расул Гамзатов. Мой Дагестан. Махачкала, 1974, с.286.
74. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том второй, 1917-1924, М., 1970, с.246-256, 433-443.
75. М.Н.Губогло, С.М.Червонная. Крымскотатарское национальное движение. Том 2, М., 1992, с. 44-46.
76. Там же. Том 1. с.77.
77. Литературная Россия, 1989, 20 октября.
78. 78. Ташкентский процесс... Суд над десятью представителями крымскотатарского народа (1 июля - 5 августа 1969 г.). Амстердам:1976. с.178-179.
79. Там же. с.60.
80. Там же. с. 39-40.
81. Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Нью-Йорк: Хроника, вып. 2.С.27.
82. Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. XII. Депортации народов СССР. (1930-е - 1950-е годы.), ч.1, М., 1992, с.34-35.
83. Правда, 1991, 18 мая.
84. История Молдавской ССР, Кишинев, 1982.
85. История армянского народа. Ереван, 1980, с.277 - 427.
86. Там же.
87. Московские новости, 1985, 6 января.
88. З.Балаян. Очаг, Ереван, 1984, с.314,388,385.
89. Там же, с.328 - 329.
90. З.Балаян. Очаг, Ереван, 1984, с. 9,174,43,40.
91. Там же, с.109,16,20,21.
92. З.Балаян. Очаг, с.64,65.
93. Там же, с.29,220,344,348,354,393.
94. Книжное обозрение, 1986, 25 июля.
95. Известия, 1991, 4 сентября.
96. Советский энциклопедический словарь. М.: "Сов. энциклопедия", 1980, с.1186.

97. З.Балаян. Очаг, с.15.
98. Г.Мадатов. Победа Советской власти в Нахичевани и образование Нахичеванской АССР, Баку, 1958, с.39.
99. Низами. Афоризмы. Баку, 1982.
100. З.Балаян. Очаг, с.299,315.
101. Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов, Ереван, 1986, с.9.
102. З.Балаян. Там же, с.8,21,298,42,387.
103. И.Сталин. Соч. т.5, с.244 - 245, 247.
104. Расул Гамзатов. Мой Дагестан. С. 73.
105. Ю.М.Бородай "Этнические контакты и окружающая среда". Природа, 1981, N9, с.83.
106. Там же.
107. Ж.Б.Базарбаев. "Опыт социологического изучения атеизма и религии". Нукус, 1979.
108. Литературная газета, 1992, 26 августа.
109. Там же.
110. Николай Рыжков. Перестройка: История предательств. М., 1992, с.198.
111. Цит. по: Валерий Чалидзе. Национальные проблемы и перестройка. Бенсон, Вермонт, 1988, с.148.
112. Возрождение, 1988, N1, с.16.
113. Возрождение, 1988, N1, с.1.
114. Союз, 1991, N22 (72), май.
115. Лозунги армянского национального движения были, в частности, систематизированы и проанализированы в докладе А.Марутяна, с которым он выступил в конце мая 1990 года в Алма-Ате на ежегодной сессии советских этнографов.
116. Едва ли не первый вопрос о необходимости изучения актуализации художественного наследия в социально-политическом становлении национальных движений сформулировала С.М.Червоная.
117. Декларации о суверенитете союзных и автономных республик. М., 1990, с.27.
118. Правда, 1991, 11 июня.
119. Российская газета, 1991, 24 мая.
120. Известия, 1991, 15 июня.
121. Правда, 1991, 15 июня.

122. Правда, 1991, 3 июня.
123. Известия, 1991, 13 июня.
124. Правда, 1991, 24 мая.
125. Известия, 1991, 31 мая.
126. Программа БНФ.
127. Программа БНФ.
128. Комсомольская правда, 1991, 8 июня.
129. См., например, "Современные национальные процессы в СССР", М. 1991.
130. Литературная Россия, 1991, 7 июня.
131. Независимая газета, 1992, 28 августа.
132. Там же.
133. И.Сталин, соч. т.5, с. 249.
134. Известия. 1991. 4 сентября.
135. Михаил Губогло. Крутые виражи суверенизации. Российская газета, 1992, 16 июля.
136. Известия, 1992, 20 марта.
137. Правда, 1991, 16 января.
138. Известия, 1992, 31 июля.
139. Известия, 1991, 30 января.
140. Правда, 1991, 31 января.
141. Известия, 1992, 17 марта
142. Известия, 1992, 27 августа.
143. Казахстанская правда, 1992, 5 августа.